

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета

Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 4 (39)

2019

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент
Литинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор
Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор
Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор
Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент
Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук
Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
Ляковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор
Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования», в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76950 от 09 октября 2019 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <http://www.tltsu.ru>

Подписано в печать 30.12.2019.
Выход в свет 13.03.2020.
Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая.
Усл. п. л. 8,4.
Тираж 50 экз. Заказ 3-31-20.
Цена свободная.

Издательство Тольяттинского государственного университета
445020, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместители главного редактора:

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, заместитель ректора – директор Института права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор, профессор кафедры уголовно-правовой специализации (Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор (Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Седльце, Польша).

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и уголовного права (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук (Университет Лазарского, Варшава, Польша).

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (Юридический институт, Санкт-Петербург, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор (Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Университет в Белостоке, Белосток, Польша).

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор (Саратовский филиал Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН, Саратов, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного права (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности (Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, руководитель научно-исследовательских проектов по вопросам правовой политики, конституционного законодательства и государственного управления (Казахский гуманитарно-юридический университет им. М.С. Нарикбаева, Нур-Султан, Республика Казахстан).

СОДЕРЖАНИЕ

РОЛЬ СРЕДСТВ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ОБЕСПЕЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ М.Г. Акбаров.....	5
К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮСТИЦИИ (АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА) В РОССИИ КАК ФОРМЫ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ НАД СФЕРОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И.В. Горбунова.....	13
КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО-ПРЕСТУПНИКА Н.Д. Гусейнов.....	18
НАКАЗАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ Л.Н. Кабанова, П.А. Кабанов.....	24
КРЕСТЬЯНСКОЕ (ФЕРМЕРСКОЕ) ХОЗЯЙСТВО КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА О.С. Лапшина.....	31
ОПИСАНИЕ ОБЪЕКТА В ЗАКЛЮЧЕНИИ ЭКСПЕРТА: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД А.М. Моисеев, С.В. Кондратюк.....	37
ВЫБОРЫ ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ А.В. Моисеев, В.Ю. Моисеева.....	44
ПРОТОКОЛЬНАЯ ФОРМА ДОЗНАНИЯ КАК ВОЗМОЖНАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА ПРОИЗВОДСТВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ, ПОДПАДАЮЩИХ ПОД КАТЕГОРИЮ УГОЛОВНЫХ ПРОСТУПКОВ А.В. Мурузиди.....	51
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА С.М. Пикалов.....	57
СТАНОВЛЕНИЕ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В АНГЛИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ С.В. Юношев, М.Ю. Жирова, Т.В. Мычак.....	63
НАШИ АВТОРЫ.....	69

CONTENT

THE ROLE OF “SOFT POWER” MEANS IN STATE SECURITY SUPPORT OF AZERBAIJAN REPUBLIC M.G. Akbarov.....	5
ON THE QUESTION OF FORMING ADMINISTRATIVE JUSTICE (ADMINISTRATIVE JUDICIAL PROCEDURE) IN RUSSIA AS A FORM OF JUDICIAL CONTROL OVER THE SPHERE OF PUBLIC AUTHORITY ACTIVITY I.V. Gorbunova.....	13
CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF A MILITARY CRIMINAL N.J. Huseynov.....	18
PECUNIARY PENALTIES IN CRIMINAL LAW: GENERAL-THEORETICAL ASPECT L.N. Kabanova, P.A. Kabanov.....	24
PEASANT (PRIVATE FARM) ENTERPRISE AS A SUBJECT OF CIVIL LAW O.S. Lapshina.....	31
DESCRIPTION OF THE OBJECT IN THE EXPERT OPINION: TECHNOLOGICAL APPROACH A.M. Moiseev, S.V. Kondratyuk.....	37
THE ELECTIONS OF A HIGH AUTHORITY OF MUNICIPAL ENTITY: LEGAL MODELS A.V. Moiseev, V.Yu. Moiseeva	44
PROTOCOL FORM OF INQUIRY AS A POSSIBLE PROCEDURAL FORM OF PROCEEDINGS WHEN CONSIDERING CASES FALLING UNDER THE CATEGORY OF CRIMINAL OFFENSES A.V. Muruzidi.....	51
THE IMPROVEMENT OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE S.M. Pikalov.....	57
THE GENESIS OF TRIAL BY JURY IN THE ENGLISH LEGAL SYSTEM S.V. Yunoshev, M.Yu. Zhirova, T.V. Mychak.....	63
OUR AUTHORS.....	69

**РОЛЬ СРЕДСТВ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ОБЕСПЕЧЕНИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

© 2019

М.Г. Акбаров, кандидат философских наук, судья
Бакинский суд по тяжким преступлениям, Баку (Азербайджан)

Ключевые слова: Азербайджан; государственная безопасность; «мягкая сила»; национальная безопасность; внешняя политика; средства «мягкой силы».

Аннотация: В XXI веке неуклонно возрастает роль инструментов «мягкой силы» в обеспечении более эффективной национальной безопасности. США, Россия стремятся реализовать свои геополитические интересы с помощью информации, экономики, права, идеологии, культуры, образования, и это является более «мягким» элементом, чем военная сила. Достижения США, России и КНР в этом направлении бесспорны. Благодаря «мягкой силе» можно достичь поставленных целей с меньшими расходами и потерями живой силы.

Цель работы – определение основного содержания понятия «мягкой силы» в современной науке и выявление основных направлений ее использования для обеспечения государственной безопасности Азербайджанской Республики. В работе был использован метод анализа фактов и процесса политического развития южнокавказского региона и мирового правового порядка на основе современных представлений о роли «мягкой силы» в политических отношениях. Суть данного концептуального подхода заключается в комплексном учете баланса сил и противовесов в мировом порядке для обеспечения безопасности Азербайджана. Каждая страна стремится использовать совокупность государственных, социальных институтов (организаций), политических, правовых, экономических норм и информации, с целью воздействия на внутренние и внешние отношения, для укрепления своей национальной (внутриполитической, в том числе военной) безопасности. С первых лет независимости Азербайджан умело использовал нефтяной фактор, сформировав благоприятный инвестиционный климат для иностранных нефтяных компаний. Тем самым страна расширила возможности всесторонней интеграции государства в международное сообщество, сформировала атмосферу доверия и сотрудничества в регионе. Из года в год возможности применения «мягкой силы» возрастают, что подтверждает практика мирового развития. Это следует учитывать и Азербайджану в своей региональной политике, а также во взаимодействии с мировым сообществом.

ВВЕДЕНИЕ

Исторически военная сила всегда играла решающую роль в обеспечении безопасности страны. Вместе с тем нельзя сказать, что здесь совсем не учитывались факторы «мягкой силы». Серьезные изменения в международной системе XXI века сегодня характеризуются увеличением роли невоенных компонентов безопасности (экологических, экономических, информационных). С этой точки зрения невоенные силы играют сегодня более гибкую и весомую роль в обеспечении национальной безопасности, в том числе Азербайджана. Мы попытаемся разъяснить роль и место невоенной силы в национальной системе власти страны, используя методологию сравнительного анализа возможностей военной и невоенной тактики в современной политике.

Как известно, уже создан международный индекс «мягкой силы», который объединяет в себе ряд категорий, таких, как правительство, культура, образование, глобальное вовлечение, предпринимательство и цифровое вещание [1]. Сразу отметим, что данная методология в определенной степени основана на классических моделях определения мощи государства, например, Н. Моргентау [2]. В свою очередь, выдвижение подобных моделей определяется реальными условиями политического существования.

Как показывает практика, невоенные средства создают для мирного развития стран новые возможности, в том числе и на правовом уровне. Эти средства с помощью заключения договоров ослабляют или предотвращают военную опасность и угрозы, помогая противникам занять нейтральные позиции. Применение невоенных средств приводит к ограничению возможности агрессора, созданию основы для его изоляции и форми-

рованию негативного имиджа. Благодаря невоенным средствам могут раскрыться планы агрессора, которые нежелательны для противоположной стороны. Азербайджан, как страна постсоветского пространства, в своей внешней политике придерживается баланса возможностей каждого из указанных средств.

Известно, что в конце XX века невоенные средства укрепления военной безопасности в военных доктринах НАТО в России, Китае и других странах стали приоритетными. Это стало естественным следствием послевоенного развития Европы и других континентов. Сегодня создание безопасного мира и защита каждого государства являются важнейшими правовыми и политическими задачами, которые вполне могут быть решены без применения военной (жесткой) силы. Поэтому на данный момент всерьез обсуждается концепция «мягкой силы», как набора невоенных силовых инструментов для обеспечения международной и национальной безопасности [3; 4].

С точки зрения геополитической терминологии, произошел переход от «жесткой силы» к «мягкой силе». В то же время стратегические цели сверхдержав не изменились – позиция силы должна быть в приоритете. В конце XX века З. Бжезинский писал: «Конечная цель американской политики – быть благородной и высокой: создать мировую систему, действительно готовую к сотрудничеству... Но жизненно важно, чтобы на политической арене не появился противник, «бросающий перчатку» Америке, способной править в Евразии...» [5, с. 2]. Что же касается региональной политики Азербайджана, З. Бжезинский считает ее успешной. [5]. Азербайджан, как развивающаяся страна, с учетом факторов экономического роста и демократизации общества,

сегодня оценивается как динамичный и привлекательный образец государственного устройства [6].

Поскольку сам мир представляет собой открытую систему, полную многомерных нелинейных отношений, то международные отношения для современных западных геополитических теорий – это «способность Запада играть на нескольких шахматных досках одновременно» [5, с. 13]. Здесь как раз предполагается использование возможностей как «мягкой», так и «жесткой» силы. В целом, переход к «мягкой силе» в геополитике следует рассматривать как позитивное историческое событие. Концепция «мягкой силы» также включает в себя такие процессы, как подготовка к диалогу на правовом уровне, развитие межкультурных связей и гуманитарное сотрудничество. Ожидается, что значимость этих средств в современной системе международных отношений повысится.

Как известно, термин «мягкая сила» (“Soft Power”) в научный обиход ввел J.S. Nye. Автор указывает, что метод «мягкой силы» используется в случае, когда одна страна подверглась воздействию другой страны, причем давление не оказывается посредством использования экономической и военной мощи, но при этом достигается желаемый результат [7].

J.S. Nye распределяет материальные и духовные ресурсы, необходимые стране для «мягкой силы», на: культуру страны, привлекательную для других стран; политические ценности, которым следуют как внутри страны, так и за ее пределами, и привлекательные для других стран; внешнюю политику, то есть легитимность этой политики и ее моральное превосходство.

J.S. Nye среди культурных ценностей различает массовую культуру – развлечения, и высокую культуру – искусство, художественная литература, образование. По мнению J.S. Nye, страна может стать успешной в том случае, если она сможет распространить свои культурные ценности и интересы среди других регионов мира, сделать их привлекательными для других стран. Сообщества, которые удачно следуют ценностям современной духовной культуры, могут влиять на другие сообщества и получать желаемые результаты [7].

Естественно, культура содержит в себе больше гражданских и гуманистических ценностей, нежели экономическая и военная мощь. Великие державы мира, к примеру, США, Россия, используют свою культуру, чтобы влиять на другие страны, в том числе вмешиваться в культурное пространство стран, входящих в сферу их геополитических интересов, и достигать своих политических, военных и геополитических целей. В прежние исторические периоды мир менялся под воздействием военной или экономической мощи, а сейчас он «захвачен» культурой (технологиями, искусством, идеологией и т. д.). Одним из главных приоритетов политики США “Rah America” в условиях современной глобализации является распространение ее культурных ценностей на весь мир, причем есть тенденция внедрения этих ценностей и на уровне международного правового порядка [8; 9]. В конечном счете достигаются цели глобального влияния на мир.

Как справедливо считает Д.А. Звягина, ««мягкая сила», как инструмент мировой политики, складывается из экономического, политического и культурного влияния [10]. Свободная рыночная демократия, права чело-

века, формирование либеральных ценностей и передовых избирательных технологий, института общественного мнения – все это является лейтмотивом глобализации, и рассматривается как стимул для реорганизации любых закрытых, авторитарных обществ, чтобы они стали более стабильными, конкурентоспособными и открытыми для мирового сообщества. Азербайджан с первых лет независимости стал работать именно в этом направлении.

Если страна демократична и стремится работать с международными организациями, а также утверждать права человека во внешней политике, она с большей вероятностью будет привлекательна для других в качестве модели государственного строя. В отличие от авторитарных политических режимов, в государствах с подобным режимом легче будет достичь долгосрочных целей по стабильному и устойчивому развитию. В Азербайджане в годы независимости, помимо определения стратегических приоритетных экономических связей и направлений, были определены и реализованы многие гуманитарные направления политики «мягкой силы». Это образование, наука, спорт, туризм, искусство, то есть сферы, где наиболее активно происходит процесс интеграции мирового сообщества с точки зрения выработки общей гуманитарной платформы развития, причем все они получают свое обоснование в правовой сфере. Цель исследования – определение основного содержания понятия «мягкой силы» в современной науке и выявление основных направлений ее использования для обеспечения государственной безопасности Азербайджанской Республики.

СРЕДСТВА «МЯГКОЙ СИЛЫ» И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Прежде всего, рассмотрим сущность понятий «средства “мягкой силы”» и «национальная безопасность». Для определения взаимосвязи между средствами «мягкой силы» и обеспечением государственной безопасности необходимо обратиться к рассмотрению особенностей современной внешней политики государств мира, правовых основ мирового порядка. Известно, что развитие политической системы мира в XXI в. вносит новые коррективы в применение «мягкой силы» [11].

Внешняя политика в международных отношениях считается общим делом, которым занимаются все государства. Это обеспечивает реализацию их национальных интересов посредством дипломатии. Качество дипломатической деятельности страны зависит от совокупности ряда важных факторов: соблюдения норм международного права, демократического режима, наличия экономических ресурсов, выгодного географического положения и т. д. [8; 10]. Исторически дипломатия государств в значительной степени основывалась на военной мощи, а сегодня и невоенные средства обеспечения национальной безопасности, относящиеся к сферам права, экономики, культуры и информации, играют существенную роль в жизни общества. В частности, «арабская весна», начавшаяся в 2011 году, еще раз доказала, что в наши дни государства реализуют свою внешнюю политику с опорой на информационный фактор, поскольку для государства манипуляции с информацией – коммерчески более выгодный способ достичь целей.

При помощи информационно-коммуникационных технологий можно оказывать положительное влияние на население стран-соперниц, оказывать психологическое воздействие на вооруженные силы и другие группы общества, манипулировать сознанием населения и настроить его против центрального правительства. Подобные события можно было наблюдать в период «цветных» революций в 2003 году в Грузии и немного позже – на Украине [10]. В этих случаях отчетливо просматривается связь между внешней политикой и средствами мягкой силы.

Потенциал средств мягкой силы зависит от комплексного использования возможностей и средств экономического и научно-технического развития страны, качества и эффективности политики, военного потенциала и опыта. Потенциал этот связан с политическими, дипломатическими, правовыми, экономическими, идеологическими, информационными и другими факторами, определяющими силу государства. Мы попытаемся определить взаимосвязь между «мягкой силой» и обеспечением государственной безопасности путем рассмотрения указанных факторов. Есть множество определений понятия «мягкая сила». Мы считаем, что понятие «мягкая сила» включает в себя понятия «факторы правового плана», «факторы политического плана», «факторы экономического плана» и «факторы информационного плана». В статье рассматривается политика Азербайджана, как молодого, развивающегося государства, реализуемая посредством использования потенциала «мягкой силы».

Определим некоторые средства «мягкой силы», влияющие на уровень национальной безопасности [11; 12].

Политические инструменты. Политические средства обеспечения национальной безопасности – это набор политических и дипломатических мер и приемов, совокупность национальных институтов и общественных организаций, которые в полном объеме, в комплексе представляют международно-правовые нормы и информацию. Эти политические инструменты обладают преимуществами, поскольку обеспечивают политическую мощь государства. При определенных обстоятельствах деятельность политических средств обеспечения национальной безопасности может укрепить внутреннюю стабильность государства, изолировать государства от непосредственной угрозы агрессивных международных кругов, стабилизировать внешнеполитическую ситуацию, увеличить число союзников в регионе. На региональную деятельность Азербайджана в этом плане отрицательно влияет многолетний конфликт с соседней Арменией, который в своих интересах используют другие влиятельные политические участники. В случае Нагорно-Карабахского, армяно-азербайджанского конфликта правительство использовало ряд политических мер, о которых пишут и исследователи, в том числе:

- официальные и неформальные встречи глав государств и правительств, политических представителей;
- переговоры и консультации по интенсификации межгосударственных отношений;
- проведение конференций и консультаций лидеров военно-политического альянса по оценке угроз, разработка рекомендаций для совместной деятельности;
- объявление ультимативных требований агрессору;

– использование международных институтов для принятия санкций против государств, нестабильных в международных условиях [13; 14].

Важность дипломатических мер измеряется тем фактом, что, используя ненасильственные средства для решения некоторых или всех противоречивых проблем, можно приблизиться к компромиссу. Современный Азербайджан, как политический актер, развивается в условиях растущего числа неправительственных и международных организаций. Следовательно, одним из условий реализации позиции «мягкой силы» в Азербайджане является формирование нового правового поля для этих организаций и усложнение их функций. Правительство страны всячески поддерживает деятельность многочисленных неправительственных организаций, ведь эта деятельность затрагивает многие актуальные направления социальной жизни. Речь идет о невоенных средствах. Именно под невоенными средствами подразумевается сегодня понятие «мягкой силы», имеющей указанный выше набор политических инструментов для реализации политики страны.

Кроме того, в условиях глобализации взаимное влияние стран мирового сообщества проявляется, прежде всего, в трансграничных областях экономики, технологий, связи, науки и транспорта. В этом процессе взаимовлияния и интеграции участвуют почти все страны, общества, организации, субъекты и отдельные лица со сложной системой взаимозависимости, с различной степенью глубины этой интеграции. С точки зрения особенностей развития западной и восточной цивилизации следует также отметить, что меняется само содержание силы, как жесткой, так и мягкой. В целом международная политическая система характеризуется в международных отношениях параллелизмом в деле централизации, фрагментации и демократизации, сближения и отчуждения, независимости и взаимозависимости местных сообществ [15].

В Азербайджане успешно применяется многосторонняя дипломатия, в том числе для решения продолжающегося армяно-азербайджанского, Нагорно-Карабахского конфликтов. Она включает в себя ряд мер, таких, как принятие высшими законодательными и исполнительными органами власти политического решения по урегулированию конфликта; публикация и распространение обращения Президента (о сохранении спокойствия, об успехах органов государственной власти и правоохранительных органов) в отношении продолжающегося конфликта; визит главы государства в кризисные регионы, организация многочисленных встреч с населением, а также визиты в дислоцированные воинские части в регионе; встреча президента с различными политическими и общественными деятелями, в том числе с лидерами этнических и религиозных партий и движений, которые имеют большое влияние на конфликт в регионе; организация встреч, переговоров и конференций с участием контрагентов, предоставление противоположной стороне возможности выразить свою позицию и найти общие основания для компромиссных решений.

Современная система правовых и политических коммуникаций построена таким образом, что политические позиции, тенденции и представления формируются и меняются с большой скоростью. С этой точки

зрения большое значение имеют принципы единой национальной идеологии. Как и в любой стране, одной из важных составляющих политической жизни в Азербайджане является формирование и проявление правовой и политической культуры. Технологии политической деятельности прогрессируют год от года, политическая жизнь усложняется, что влияет на восприятие политической культуры каждым человеком или политической избирательной группой. Хотим сказать, что важной составляющей «мягкой силы» в политической культуре является также характер и уровень развития правовой и политической культуры населения в целом.

Несмотря на продолжающийся Нагорно-Карабахский конфликт, формирование в независимом Азербайджане демократического государства, укрепление политико-правовых отношений и внутренней стабильности, экономических основ государства, определило основные линии политической идентификации людей. Вот важные элементы механизма политической идентификации: политические приоритеты, политическая платформа государства, авторитет представляющей его политической элиты, уровень жизни, социальный капитал. Особенности развития каждого из этих факторов влияют на показатели политической идентичности. Все это также влияет на соотношение применения силовых и «мягких» элементов в проводимой внешней политике страны.

Экономические средства. Большое значение в политике «мягкой силы» имеют экономические средства. Бессмысленность в мировом масштабе географических границ на фоне глобализации в «сужающемся» мире еще больше усложнила стратегии защиты существования национальных экономических систем. Мы не ошибемся, если скажем, что в такой ситуации обеспечение национальной безопасности больше зависит от решения экономических вопросов. Из-за угрозы войны в современном мире вопрос обеспечения экономической безопасности государства стал одной из важнейших проблем, остро стоящих перед государством [16].

Экономическая безопасность – это степень защиты от внутренних и внешних угроз национальной экономики, способность общества поддерживать свою экономическую и социально-политическую стабильность под воздействием неблагоприятных внутренних и внешних факторов. Составляющие экономическую безопасность государства элементы – это промышленный потенциал; уровень сельскохозяйственного производства; запасы природных ресурсов; географическое положение страны; уровень социально-демографического развития [16].

Как известно, Соединенные Штаты Америки, Россия, Япония, Китай и Европейский союз, а также Канада, развитые страны Ближнего и Дальнего Востока, Австралии и Океании являются мировыми лидерами в плане промышленного потенциала, сельскохозяйственного производства и запаса природных ресурсов, что способствует их экономической безопасности.

Азербайджан в годы независимости определил основные приоритеты в проведении внешней политики, связанные с «мягкой силой»: прежде всего это взаимовыгодные экономические и социально-культурные, политико-правовые отношения и другие общечивилизационные межгосударственные отношения. Возможность выстраивания таких отношений между странами

связана с нефтяной политикой, основу которой заложил еще общенациональный лидер Гейдар Алиев. Был заключен знаменитый «Контракт века» и другие договоры, связанные с использованием природных ископаемых. Все они активно реализуются.

Относительно экономической деятельности следует отметить, что больше всего подвергаются процессу глобализации экономические отношения, финансы, различные формы экономической деятельности. Как известно, Азербайджан, изучив экономическую систему стран Запада, создал благоприятную модель экономического развития страны. Принцип «открытых дверей» позволяет иностранным вкладчикам инвестировать в страну. При этом происходят фундаментальные изменения в экономической системе Азербайджана. Руководство страны предприняло шаги по содействию правовому регулированию рыночной экономики, тщательно изучило международный опыт, сейчас создана прочная правовая база для деятельности иностранных компаний в Азербайджане.

Статья 17 Закона Азербайджанской Республики «О национальной безопасности» гласит, что национальная безопасность Азербайджанской Республики есть защита в экономической сфере от внутренних и внешних факторов, угрожающих развитию национальной экономики и экономических отношений Азербайджанской Республики. Все это учитывается при определении приоритетов в развитии экономических связей и отношений страны.

Успешность нефтяной политики заключается в том, что Государственная нефтяная компания Азербайджана (ГНКАР) в рамках «Контракта века» заключила договоры с 13-ю известными нефтяными компаниями («Amok», «BP», «МакДермотт», «Юнокал», «SOCAR», «Лукойл», «Statoil», «Еххон», «Turkish Petroleum», «Penzoil», «Itochu», «Remko», «Delta»), которые стали краеугольным камнем экономического развития Азербайджана. Предполагается региональное экономическое развитие на взаимовыгодных условиях. Ясно, что сильная экономика страны – это также правовая база, образование, наука, жилье, производство капитала, разработка новых технологий и так далее. Все это способно влиять на развитие многих отраслей экономики и социальной жизни в целом [17].

Как известно, существуют внутренние и внешние источники угроз экономической безопасности. Некоторые страны являются конкурентами Азербайджанской Республики на внешних рынках. Они препятствуют созданию развитой экономики из-за борьбы за природные ресурсы на внешних рынках и усиливают технологическую зависимость Азербайджана от развитых стран. Зарубежные страны стремятся нарушить эффективную деятельность экономической системы страны, направленную на эксплуатацию и сохранение ресурсов, их экспорт на мировой рынок. Кроме того, существует острая необходимость в пресечении негативного воздействия международных террористических организаций, а также определенных иностранных организаций на экономическую, политическую, военную, разведывательную и другие сферы деятельности страны. Все это направлено против политических и экономических интересов Азербайджанской Республики.

Л.К. Самойлова отмечает, что без обеспечения экономической безопасности невозможно решить как

национальные, так и международные задачи, стоящие перед государством [11]. По мнению М.М. Лебедевой, экономическая безопасность – это такое состояние экономики, когда обеспечиваются долгосрочная жизнь и гармоничное развитие личности, достойные условия для социально-экономической, политической, моральной и психологической стабильности общества и государства, оптимальные затраты на все виды ресурсов, путем контролируемого использования, способность противостоять воздействию внутренних и внешних опасностей [17].

Исследователи, объясняя экономическую безопасность, сосредоточились при этом на экономических интересах страны и их обеспечении. Учитывая это, можно сказать, что экономическая безопасность является одной из качественных характеристик экономической системы, которая определяет нормальные условия жизни населения, развитие национальной экономики и, в конечном итоге, реализацию интересов национально-государства [18].

Структурные процессы обеспечивают экономический подъем в Азербайджане. Успехи в социально-экономической сфере, уверенно реализованные глобальные проекты дают возможность Азербайджану делать крупные успехи во внешней политике и дипломатии, превращая его в центр международного сотрудничества. Основные направления социально-экономического развития связаны с формированием социального государства и гражданского общества, укреплением и ростом социального капитала, формированием общества высокого благосостояния.

Информационный фактор. Трудно представить управление общественно-политическими процессами, происходящими в современном глобализирующемся мире, без информации. Это связано с возрастающей ролью информации в человеческом мире. Благодаря современному уровню технологий коммуникации формируется общая информационная среда, которая объединяет весь мир. Поэтому способность информации влиять на регулирование индивидуальной и общественной жизни возрастает. Изучение изменений в окружающей среде, изменений в обществе, а также адаптация повседневной и перспективной деятельности к этим изменениям являются одной из естественных потребностей людей и общества.

Одним из основных условий выбора правильного направления в каждом общественном, политическом процессе является наличие достаточного количества информации об этом процессе. Известно, что одним из основных условий изучения общественного отношения к тому или иному вопросу является использование публичной информации по этому вопросу. Роль информации в изучении общественных, политических, экономических, культурных и бытовых интересов людей, сообществ и общества возрастает, что в конечном счете создает возможность для использования информационного фактора как «мягкой силы» в политике страны.

Среди факторов, обуславливающих повышение роли «мягкой силы» во внешней политике страны, следует отметить также и политику «культурного внедрения» спорта и музыки в мир, например: Евро-2015, Исламские игры, «Формула-1», другие международные состязания, музыкальные события – участие Азербайджана

в музыкальном конкурсе «Евровидение», международный музыкальный фестиваль в Гебеле, многочисленные музыкальные мероприятия по линии ЮНЕСКО, и т. д.

Кроме того, страна давно стала инициатором проведения международных встреч для обсуждения вопросов регионального и культурно-социального развития народов, сближения стран региона через нахождение общих точек соприкосновения. Так, в 2019 году в Баку была проведена 43-я сессия Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО, где обсуждалось состояние материальных объектов культуры, находящихся под угрозой исчезновения. До этого 2 мая в Бакинском конгресс-центре стартовал V Всемирный форум по межкультурному диалогу. Форум под девизом «Налаживание диалога по вопросам дискриминации, ненасилия и противодействия насилию» собрал представителей более чем из 100 стран и более 30 международных организаций. В рамках форума состоялась встреча международных организаций на высшем уровне. Здесь обсуждались проблемы, требующие активного участия всех этих организаций, в указанном формате работа продолжается не первый год. Все это дает возможность для установления контакта между народами мира в общегуманитарном плане и, возможно, прихода к компромиссу.

Межкультурный диалог сегодня рассматривается как одно из важных направлений государственной политики в деле расширения взаимного сотрудничества между странами в культурной сфере. Азербайджан – единственная страна в регионе, которая ведет культурный и межрелигиозный диалог на государственном уровне, и где толерантность – черта национального менталитета. Сегодня толерантность и мультикультурализм являются основой социальной политики Азербайджана.

Вышеуказанные и другие международные мероприятия, в которых принимают участие представители разных культур из разных стран мира, являются конкретным доказательством существования культурной и религиозной толерантности в государственном устройстве Азербайджана. Азербайджан уже известен как страна, которая эффективно синтезирует исламизацию и модернизацию. В 2009 году Баку был объявлен столицей исламского мира [19].

Правовой фактор заключается в активном участии страны в реализации всех ведущих международных конвенций и договоров, связанных с реализацией концепции «мягкой силы». В этом отношении руководством страны прилагается много усилий для повышения международного авторитета страны. Азербайджан активно состоит в Движении неприсоединения (Движение неприсоединения – вторая после ООН по числу участников международная организация), представители многих стран систематически собираются в Азербайджане для обсуждения важных вопросов совместного культурного диалога, в том числе вопросов формирования его правовой базы.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Мы попытались определить направления деятельности азербайджанского государства в рамках трех основных составляющих «мягкой силы» в политике страны – экономической, информационной, культурной. Мы стремились показать, что важность политических и правовых мер неоспорима с точки зрения национальной

безопасности и социально-политической стабильности, верховенства закона и социальной взаимосвязи в обществе, предотвращения и устранения антиконституционных инициатив, а также повышения роли общественных организаций в осуществлении этих мероприятий.

Обобщая сказанное, следует отметить, что внутренняя экономическая (макроэкономическая) безопасность представляет собой комплекс мер, направленных на защиту макроэкономической стабильности в рамках политических и географических границ любой национальной экономики, на защиту от угроз национальным интересам, в частности, экономическим, которые приоритетны и для других стран.

Считаем, что роль информации в формировании и развитии социальных процессов в обществе также велика: определенным образом поданная информация может влиять на общественное сознание и, в конечном итоге, управлять им. Хорошо преподнесенная информация, в особенности относящаяся к культурно-духовной сфере, имеет большое значение в деле управления духовными процессами. Не случайно, что в военной доктрине США информация характеризуется как один из четырех источников силы государства. Дипломатия, экономика и вооруженные силы могут рассматриваться как другие средства власти государства.

Логика глобальных процессов в XXI веке дает основание считать, что безопасность носит комплексный характер. Традиционные представления о путях обеспечения безопасности постепенно теряют свою ведущую роль. В современных условиях вопросы безопасности наряду с военно-техническими охватывают также и такие сферы социальной жизни, как право, экономика, экология, энергетика, миграция, питание, и т. д. Следовательно, безопасность страны должна обеспечиваться единством политических подходов с позиций «жесткой» и «мягкой силы». Укрепление в процессе обеспечения национальной безопасности взаимозависимости внутренней и внешней политики страны в условиях глобализации, где национальные границы прозрачны, создаст возможности для более широкого применения методов как «жесткой силы», так и «мягкой силы», и для достижения желаемого конечного результата.

Считаем, что здесь также важен анализ роли политического лидера, личность которого играет большую роль в социально-политическом развитии независимой Азербайджанской Республики [20], в ускорении политических процессов. Личность политического лидера, проводимая им политика, отражается на характере использования возможностей «мягкой силы» во внешней политике страны. Азербайджан стремится учитывать интересы ведущих стран региона и мира, используя указанные выше возможности «мягкой силы».

ВЫВОДЫ

Общая стратегия развития Азербайджана сбалансирована с точки зрения нынешнего состояния страны, существующей системы международных отношений, основных принципов социально-политического и социально-нравственного развития. Национальная стратегия развития Азербайджана и проводимые правительством реформы обеспечили успешную координацию перспектив национального реализма с критериями глобализации и сформировали современную модель развития для

страны. Именно в рамках данного подхода возросла ответственность государства и органов власти за реализацию государственной политики в отношении общества и граждан, идет укрепление толерантных и демократических правил в обществе, развиваются международные отношения с позиции «мягкой силы». Подтверждение этому – международные связи страны, ее действия в сфере экономики, политики, культурной жизни, о чем говорилось в предыдущих разделах статьи.

Вместе с тем концепция применения «мягкой силы», в силу отсутствия единой оценки содержания данного понятия и его концептуальных основ, не может оформиться в цельную модель развития мира, региона или отдельной страны, хотя ясно, что именно в направлении учета всех сфер жизнедеятельности людей должна развиваться международная политическая система для достижения устойчивого, стабильного существования с ясными перспективами на будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Soft Power Logo MENU // The Soft Power 30. URL: softpower30.com/.
2. Zhang B. Hans Morgenthau, Realist Theory of International Leadership, and the Future of Global Order // Chinese Political Science Review. 2017. Vol. 2. № 4. P. 512–530.
3. Lebow R.N. Hans Morgenthau and the Purpose of American Politics // Ethics & International Affairs. 2016. Vol. 30. № 1. P. 55–62.
4. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. К уточнению проблемного поля. Часть 1 // Научно-аналитический журнал обозреватель – Observer. 2016. № 1. С. 31–42.
5. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: АСТ, 2014. 702 с.
6. Мехтиев Р. Сильное Азербайджанское государство как отражение национальной идеи в условиях глобализации // Бакинский рабочий. 2016. 1 июня. С. 9–14.
7. Nye J.S. Recovering American Leadership // Survival. 2008. Vol. 50. № 1. P. 55–68.
8. Глебов М.С. Элементы и механизмы новой публичной дипломатии во внешней политике государства // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 68. С. 275–293.
9. Аликин А.А. Мягкая сила и нормативная сила Европы: генеалогические истоки двух концепций мягкого влияния в международных отношениях // Вестник Пермского университета. Серия: политология. 2017. № 4. С. 152–164.
10. Звягина Д.А. Культурное влияние как компонент «мягкой силы» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11-2. С. 94–98.
11. Самойлова Л.К. Структурные элементы системы обеспечения экономической безопасности государства // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 1. С. 211–214.
12. Зарянов Е.П. Мягкая сила как характерный признак политического влияния великой державы в условиях многополярного мира // Мировая политика. 2015. № 1. С. 89–122.

13. Ланьшина Т.А. «Мягкая сила» Германии: Культура, образование, наука // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9. № 2. С. 28–58.
14. Тарасов И. Перспективы внешнеполитического единства ЕС // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 3. С. 76–82.
15. Семочкин В.А., Иванова А.А. Система экономической безопасности государства // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2011. № 1. С. 136–141.
16. Мехтиев Р.А. Мировой порядок бинарных стандартов и современный Азербайджан. Баку: Восток-Запад, 2015. 224 с.
17. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО университета. 2017. № 3. С. 212–223.
18. Романовский Г.Б. Особенности правового закрепления понятия национальной безопасности в России и странах ближнего зарубежья // Информационная безопасность регионов. 2015. № 2. С. 11–16.
19. Абиев А. Развитие спорта в Азербайджане связано с именем нашего общенационального лидера Гейдара Алиева. Лидер XXI века Ильхам Алиев-50 // Независимый лидер – общественно-политический, международный публицистический журнал. 2011. № 4. С. 29–30.
20. Гасанов А.М. Национальная политика развития и безопасности Азербайджанской Республики. Баку: Letterpress, 2011. 440 с.
8. Glebov M.S. Elements and mechanisms of the New Public Diplomacy in State Foreign Policy. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*, 2018, no. 68, pp. 275–293.
9. Alikin A.A. Soft power and normative power of Europe: genealogical origins of the two concepts of soft power in international relations. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: politologiya*, 2017, no. 4, pp. 152–164.
10. Zvyagina D.A. Cultural influence as component of “soft power”. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2012, no. 11-2, pp. 94–98.
11. Samoylova L.K. Structure elements of the system of ensuring the state economic security. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2014, no. 1, pp. 211–214.
12. Zaryanov E.P. Soft power as a specific feature of political influence of great power in the context of a multipolar world. *Mirovaya politika*, 2015, no. 1, pp. 89–122.
13. Lanshina T.A. Germany’s Soft Power: culture, education, science. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*, 2014, vol. 9, no. 2, pp. 28–58.
14. Tarasov I. Will the EU Be a Single Actor in Foreign Policy? *Mezhdunarodnye protsessy*, 2007, vol. 5, no. 3, pp. 76–82.
15. Semochkin V.A., Ivanova A.A. The system of economic security of a state. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve*, 2011, no. 1, pp. 136–141.
16. Mekhtiev R.A. *Mirovoy poryadok binarnykh standartov i sovremennyy Azerbaydzhan* [Global order of binary standards and contemporary Azerbaijan]. Baku, Vostok-Zapad Publ., 2015. 224 p.
17. Lebedeva M.M. Soft Power: The Concept and Approaches. *Vestnik MGIMO universiteta*, 2017, no. 3, pp. 212–223.
18. Romanovskiy G.B. Legal regulation of the concept of national security in Russia and the Cis countries. *Informatsionnaya bezopasnost regionov*, 2015, no. 2, pp. 11–16.
19. Abiev A. Sport development in Azerbaijan is associated with the name of our nationwide leader Heydar Aliyev. The leader of XXI century Ilham Aliyev-50. *Nezavisimyy lider – obshchestvenno-politicheskiy, mezhdunarodnyy publitsisticheskiy zhurnal*, 2011, no. 4, pp. 29–30.
20. Gasanov A.M. *Natsionalnaya politika razvitiya i bezopasnosti Azerbaydzhanskoj Respubliki* [National policy of development and security of Azerbaijan Republic]. Baku, Letterpress Publ., 2011. 440 p.

REFERENCES

1. Soft Power Logo MENU. *The Soft Power 30*. URL: softpower30.com/.
2. Zhang B. Hans Morgenthau, Realist Theory of International Leadership, and the Future of Global Order. *Chinese Political Science Review*, 2017, vol. 2, no. 4, pp. 512–530.
3. Lebow R.N. Hans Morgenthau and the Purpose of American Politics. *Ethics & International Affairs*, 2016, vol. 30, no. 1, pp. 55–62.
4. Neymark M.A. Some aspects of “soft power” concept in world politics (Part 1). *Nauchno-analiticheskiy zhurnal obozrevatel – Observer*, 2016, no. 1, pp. 31–42.
5. Bzhezinskiy Z. *Velikaya shakmatnaya doska* [Great chessboard]. Moscow, AST Publ., 2014. 702 p.
6. Mekhtiev R. Powerful Azerbaijan state as a reflection of national idea under globalization. *Bakinskiy rabochiy*, 2016, 1 June, pp. 9–14.
7. Nye J.S. Recovering American Leadership. *Survival*, 2008, vol. 50, no. 1, pp. 55–68.

**THE ROLE OF “SOFT POWER” MEANS
IN STATE SECURITY SUPPORT OF AZERBAIJAN REPUBLIC**

© 2019

M.G. Akbarov, PhD (Philosophy), judge
Baku Grave Offense Court, Baku (Azerbaijan)

Keywords: Azerbaijan; state security; “soft power”; national security; external policy; “soft power” means.

Abstract: In the XXI century, the role of soft power tools in the provision of more effective national security rises steadily. The USA and Russia pretend to implement their geopolitical interests using information, economy, law, ideology, culture, and education. Such an approach is a “softer” element than the military force. The achievements of the USA, Russia, and the PRC in this direction are indisputable. Using soft power, one can achieve set goals with fewer expenditures and manpower losses.

The goal of this study is the determination of the main content of the concept of soft power in the contemporary science and the identification of main directions of its use for the provision of state security of Azerbaijan Republic. The author used the method of the analysis of facts and the process of political development of the South Caucasus region and global legal order based on the contemporary views of the role of soft power in the political relationship. The essence of this conceptual approach is in the complex treatment of checks and balances in global order for the security provision of Azerbaijan.

Each country aspires to use the totality of state, social institutes (organizations), political, legal, economic norms and information to influence internal and external relations, to strengthen its national (domestic political as well as military) security. Since the early years of independence, Azerbaijan proficiently used oil factors having formed a favorable investment environment for foreign oil companies. Thus, the country has expanded the possibilities of comprehensive integration of the state into the international community, formed an atmosphere of trust and cooperation in the region. Every year, the possibilities of soft power application increase, which is proved by the practice of global development. Azerbaijan should consider this fact in its regional policy and the interrelation with the global community.

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮСТИЦИИ (АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА) В РОССИИ КАК ФОРМЫ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ НАД СФЕРОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

© 2019

И.В. Горбунова, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственного права Института истории и права
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан (Россия)

Ключевые слова: административное право; административный процесс; административная юстиция (административное судопроизводство); судебное административное право; подведомственность административных дел судам; административное дело.

Аннотация: Статья посвящена административной юстиции как форме судебного контроля над сферой деятельности публичной власти и важной конституционной гарантии судебной защиты прав граждан от незаконных действий органов государственного и публичного управления. История этого правового института в России начинается со второй половины XIX в. и проходит несколько этапов своего развития: царский (имперский, дореволюционный), советский, современный (с 1993 г. до сентября 2015 г.) и новейший (с сентября 2015 г.). Проведен анализ нормативных правовых актов советского, современного и новейшего периодов, имеющих основное значение для развития административной юстиции в России, рассмотрены исторические особенности становления и развития этого правового института, которые оказали значительное влияние на его современное оформление и содержание. Проанализированы проблемы административной юстиции, связанные с отсутствием до настоящего времени в России законодательных актов, устанавливающих понятие, систему и структуру административного процесса. Для повышения эффективности административной юстиции и Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС) необходимо осуществить серьезную правовую регламентацию института административных процедур и порядка принятия административных правовых актов органами публичного управления, поскольку законодательство, устанавливающее судебный порядок оспаривания действий (бездействия) органов публичной власти, неразрывно связано с порядком реализации последними своих полномочий, с принципами и стандартами осуществления публичного управления. Самым сложным в правоприменении КАС является вопрос разграничения дел, которые должны рассматриваться по правилам гражданско-процессуального, административного, конституционного судопроизводства.

ВВЕДЕНИЕ

При стабильном научном интересе к административной юстиции, который еще больше возрос с принятием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС) в 2015 г., система административно-процессуального законодательства и административного процесса до сегодняшнего дня не имеет стройной, упорядоченной и завершенной структуры. На законодательном уровне понятие административного судопроизводства не представлено, в связи с чем оно смешивается с понятием административной юстиции, или подменяется им [1], или даже отождествляется с административным процессом [2]. Также действующее законодательство не дает ответа на вопрос, что представляют собой административные дела и споры, рассматриваемые по правилам административного судопроизводства. В стране отсутствует концепция развития административного процесса и административного судопроизводства, не приняты федеральные законы об административных процедурах и административных актах в РФ, от которых зависит будущее системы административно-правового регулирования, эффективность публичного администрирования и качество деятельности органов публичной власти и их должностных лиц.

Разработкой вопросов формирования и развития судебного контроля над деятельностью публичной администрации занимались видные русские ученые дореволюционного периода [3–6]. С.А. Корф видел в административной юстиции способ судебного обжалования актов управления, а в административном иске – средство защиты субъективных публичных прав частного лица (граждани-

на) [4]. В 1882 г. И.Т. Тарасов в статье об административной юстиции подчеркнул значение административного суда как средства правового контроля над деятельностью администрации и выделил основные негативные черты последней, образующие «уголовную неправду»: халатность в исполнении обязанностей, злоупотребление властью и взяточничество. Правонарушения администрации более сложного характера, образующие так называемую «административную неправду» и нарушающие права частных лиц, ученый отметил как основания для подачи жалоб в суд [5]. Несмотря на то, что необходимость института административной юстиции для советского государства обосновывалась в работах ведущих ученых-административистов [6; 7], данные выводы не нашли поддержки ни среди руководителей советской юридической науки, ни среди политического руководства страны.

Разработка теоретических проблем, связанных с административным процессом, в советской науке административного права в 1960–1980-е гг. позволила возобновить исследования в области административной юстиции [8–10]. Именно с этого времени данный правовой институт рассматривается учеными в контексте теории административного процесса, при определении которого традиционно выделяются два научных подхода: 1) административный процесс – деятельность органов исполнительной власти и их должностных лиц, а также судей по разрешению индивидуально-конкретных дел и применению мер административного принуждения [8]; 2) административный процесс – любая деятельность органов управления, в том числе и судов, обеспечиваемая процессуальной процедурой [9; 11].

В последнее время учеными-административистами приведены достаточно убедительные аргументы о самодостаточности административной юстиции (административного судопроизводства) как самостоятельной процессуальной отрасли права [12], равной по статусу уголовному и гражданскому процессам [13], как правового института административного процессуального права [11; 14; 15], как правового института гражданского процесса [16] и самостоятельного вида производства в арбитражном суде [17].

Цель работы – анализ исторических особенностей формирования административной юстиции в России, выявление пробелов в познании вопросов, связанных с правовым регулированием данного института, выработка предложений по совершенствованию действующего отечественного административно-процессуально-го законодательства.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Административная юстиция как форма судебного контроля за сферой деятельности публичной власти не является для отечественного законодательства абсолютно новым инструментом в разрешении административных споров между гражданами и органами государственной власти. Зарождение и становление данного правового института приходится на вторую половину XIX века и связано с проведением в царской России судебной реформы 1864 г. и появлением департамента правительствующего Сената, который, не являясь судебным органом, выполнял функции высшего административного суда и рассматривал определенного рода дела (споры), связанные с обжалованием административных актов.

После революции 1917 г. происходит слом данного правового института. Административная юстиция рассматривается как элемент, характерный для буржуазного государства, а административный суд представляет собой государственный орган судебной власти, отличающийся от судов общей юрисдикции своими особыми функциями, основным назначением которого является отмена противозаконных актов управления и рассмотрение жалоб на действия публичной администрации. «Попытки создания системы административной юстиции в виде квазисудебных органов и даже административных судов в первые годы советской власти сменяются идеологической установкой на отношение к этому институту как сугубо буржуазному, чуждому социалистическому государству (конец 20-х – начало 60-х гг. XX в.)». [18, с. 78].

Главная причина официального непризнания административного судопроизводства заключается в господствовавшей в те годы государственной идеологии, а также в специфике самой системы права России, которая не подразделяет отрасли права на публичные и частные. Исковые заявления граждан на оспаривание актов управления и действий органов управления и должностных лиц подрывали миф об эффективности советского государственного управления, которое считалось «самым демократичным в мире и эффективным», и были заменены на жалобы, которые рассматривались по правилам гражданского судопроизводства [19].

Наивысшей юридической гарантией в области защиты прав личности не только в частных, но и в публичных правоотношениях в 60-х – начале 70-х гг. XX в. стали суды общей юрисдикции (общие суды), которые рассматривали дела, в том числе и административные, и дела об административных правонарушениях, по правилам гражданского судопроизводства. Основное значение для развития административной юстиции в СССР этого периода имели следующие нормативные правовые акты: Указ Президиума Верховного Совета СССР 1961 г. «Об ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке»; Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 г., содержащий подраздел 2 «Производство по делам, возникающим из публично-правовых отношений» Раздела II «Производство в суде первой инстанции», включающий главу 24 «Жалобы на действия административных органов или должностных лиц»; Основы гражданского судопроизводства союза ССР и союзных республик 1961 г. (далее – Основы 1961 г.).

Согласно ст. 4 Основ 1961 г., городским (народным) судам были подведомственны дела по жалобам на неправильности в списках избирателей, на действия органов и должностных лиц в связи с наложением административных взысканий, другие дела, возникающие из административно-правовых отношений, дела по жалобам на неправомерные действия должностных лиц, ущемляющие права граждан.

С принятием Конституции СССР 1977 г., законов от 1987 г. и 1989 г. о порядке обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, Основ законодательства СССР и союзных республик об административных правонарушениях 1980 г., Кодекса об административных правонарушениях РСФСР 1984 г. законодатель окончательно закрепил за городскими (народными) судами полномочие осуществлять правосудие по делам административно-правового характера.

Начало современного этапа развития административной юстиции в России связано с принятием Конституции РФ (прежде всего ее положений, которые закреплены в ст. 18, ч. 2 ст. 46, ст. 118), Закона РФ от 27 апреля 1993 г. «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права граждан». Состояние данного правового института характеризовалось отсутствием единого кодифицированного акта и противоречивостью многих правовых источников, регулирующих осуществление административного судопроизводства. В 1998 г. Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) в одном из решений отнес к процессуальному законодательству, регулируемому производством по делам административно-правового характера, Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее – ГПК), Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее – АПК) и Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Нормы, касающиеся административного судопроизводства, содержались и в других законах, в том числе в законе от 27 апреля 1993 г.

С момента установления Конституцией РФ (ст. 118) административного судопроизводства как самостоятельной формы правосудия потребовалось 22 года для того, чтобы российская модель административной юстиции получила свою правильную и адекватную реализацию

в специальном кодифицированном законе. Поэтому КАС 2015 г. – долго ожидаемый, прогрессивный и серьезный процессуальный закон, регулирующий порядок рассмотрения большой группы административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений в порядке административного судопроизводства [20].

Данный закон еще до его принятия и вступления в силу получил весьма неоднозначную оценку как среди практикующих юристов, так и среди научной юридической общественности во многом в силу того, что представляет феномен специальной административно-процессуальной формы осуществления судебной власти в стране.

В отличие от ГПК, целью этого закона является не просто разрешение спора и защита прав и свобод граждан, но еще и осуществление судебного контроля над законностью осуществления органами государственного и муниципального управления своих полномочий. Рассматривая административные дела по правилам административного судопроизводства, суд наделен активными процессуальными правами: самостоятельно истребовать доказательства; применять меры предварительной защиты без ходатайств сторон; применять к должностным лицам, нарушившим установленный порядок, обязательства о явке, вплоть до привода, и т. п.

В научной юридической литературе отмечалось наличие ряда проблем формирования административной юстиции в России в связи с принятием КАС. Например, было высказано мнение, что «административное судопроизводство в РФ, в полной мере использующее гражданско-процессуальную форму рассмотрения дел, вряд ли может быть названо административно-процессуальной формой рассмотрения дел или административным процессом. Это, по существу, слегка подправленное гражданское судопроизводство, которое к тому же создает для граждан и судей ряд серьезных, а порой и трудноразрешимых проблем» [16, с. 50]. Было указано на бесполезность принятия КАС и несовершенство проводимой в стране судебной реформы без создания в стране системы специальных административных судов, а также на то, что закон принят «сырым», поскольку за время действия КАС в него были внесены изменения и дополнения 19 федеральными законами.

Отмечается также, что эффективность административного судопроизводства, как и административного процесса в целом, невозможна без законодательства об административных процедурах. Нормативно установленные административные процедуры станут важным звеном в цепи распространения на органы публичной администрации (исполнительную власть) принципов правового государства, чиновники получат правильные стандарты осуществления своих полномочий при осуществлении государственного управления, для граждан и должностных лиц будет создана модель их взаимодействия при принятии актов управления последними [20].

Главная проблема КАС, как представляется нам, состоит в том, что закон, сформировав абсолютно новые институты и порядки, добавил противоречия между законами одного и того же уровня (ГПК и АПК). Так, например, согласно ч. 1 ст. 189 АПК дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, рассматриваются по общим правилам искового

производства, предусмотренным КАС, с особенностями, установленными разделом III АПК, если иные правила административного судопроизводства не предусмотрены федеральным законом.

Представляется, что при рассмотрении административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, должны применяться одни и те же принципы (правила) рассмотрения. КАС, как основной закон об административном судопроизводстве, не установил единые принципы (правила) рассмотрения административных дел и не дал понятие тому, какое дело по своей природе является административным, чем оно отличается от административного дела, рассматриваемого арбитражными судами по правилам АПК, или дела, рассматриваемого в исковом производстве по правилам ГПК (например, о признании незаконным ненормативного акта о предоставлении земельного участка, о признании недействительными решений администраций муниципальных образований об отказе в назначении пенсии и др.). Если это по природе административное дело, то при его рассмотрении должны применяться единые стандарты (правила), учитывающие специфику таких дел.

Между тем административные дела рассматриваются Верховным Судом РФ (далее – ВС РФ), судами общей юрисдикции, мировыми судьями по правилам административного судопроизводства (ст. 1 КАС), арбитражными судами, в том числе специализированным арбитражным судом – Судом по интеллектуальным правам, по правилам, установленным законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах. КС РФ в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ осуществляет конституционный нормоконтроль в отношении законов РФ, актов Президента РФ и Правительства РФ. Другими словами, отдельные дела, например о судебном нормоконтроле, при определенных условиях могут стать предметом рассмотрения КС РФ по правилам конституционного судопроизводства.

В данный момент некоторые административные дела вызывают вопросы по определению вида судопроизводства. Это значит, что не ко всем им применяются правила административного судопроизводства, установленные КАС. Например, дела по оспариванию нормативного правового акта могут рассматриваться по правилам КАС, АПК и Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ». В связи с этим важным представляется, как мы уже отмечали выше, четкое определение КАС понятия «административное дело» и его признаков как неотъемлемой составляющей административного судопроизводства, поскольку одна из важных гарантий судебной защиты прав личности (ч. 2 ст. 46 Конституции) – это выбор судом формы, по которой дело (спор) будет рассмотрено.

Попытка ограничить круг дел, при рассмотрении которых не применяются правила административного судопроизводства, предпринята ВС РФ путем направления председателям судов субъектов РФ Письма ВС РФ от 5 ноября 2015 г. № 7-ВС-7105/15. Письмом установлено, что споры о признании недействительными актов органов государственной власти, которые носят ненормативный характер, если их исполнение привело

к возникновению, изменению или прекращению гражданских прав и обязанностей, подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства. Приведен перечень таких дел с участием органов исполнительной власти, подлежащих рассмотрению по правилам ГПК.

Другая попытка придать административным делам, рассматриваемым по правилам КАС, свои отличительные критерии, предпринята в Постановлении Пленума ВС РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами КАС». Согласно абз. 4 п. 1 данного Постановления, к административным делам, рассматриваемым по правилам КАС, относятся: 1) дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников; 2) в рамках этих правоотношений один из участников реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику. Нельзя назвать данное определение административного дела весьма удачным, поскольку оно содержит малоэффективные субъективно-оценочные критерии подходов к идентификации такой правовой категории судебного административного процесса.

ВЫВОДЫ

1. В КАС, как основном законе об административном судопроизводстве, должны быть прописаны принципы (правила) рассмотрения судами по своей природе административных дел, которые должны быть едиными и общими для всех судов, рассматривающих такие дела.

2. КАС, как главный закон об административном судопроизводстве, не содержит четкого определения понятия «административное дело», приведенный в нем перечень административных дел носит открытый характер. Разъяснения Пленума ВС РФ № 36 по вопросу идентификации административного дела носят сугубо оценочный характер, что вызывает сложности на практике, так как одни и те же дела рассматриваются по разным правилам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Салищева Н.Г., Хаманева Н.Ю. Административная юстиция и административное судопроизводство в Российской Федерации. М.: Акад. правовой ун-т при Ин-те государства и права РАН, 2001. 66 с.
2. Стариков Ю.Н. Административная юстиция в России // *Lex russica*. 2016. № 1. С. 21–33.
3. Коркунов Н.М. Очерк теории административной юстиции // *Журнал гражданского и уголовного права*. 1885. Кн. 9. С. 1–28.
4. Корф С.А. Административная юстиция в России. В 2х т. Т. 1, 2. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1910. 528+507 с.
5. Тарасов И.Т. Организация административной юстиции // *Юридический вестник*. 1887. Т. XXVI. Кн. 1. С. 63–65.
6. Елистратов А.И. Основные начала административного права. М.: Изд. Г.А. Лемана, 1914. 332 с.
7. Загряцков М.Д. Административная юстиция и право жалобы. В теории и законодательстве. Развитие идеи и принципов административной юстиции. Административный процесс и право жалобы в советском праве. М.: Право и жизнь, 1924. 244 с.

8. Салищева Н.Г. Административный процесс в СССР. М.: Юридическая литература, 1964. 158 с.
9. Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. М.: Юридическая литература, 1972. 239 с.
10. Чечет Д.М. Административная юстиция (теоретические проблемы). Л.: Ленингр. ун-т, 1973. 134 с.
11. Панова И.В. Административная юстиция. М.: Норма, 2014. 463 с.
12. Зеленцов А.Б. Административная юстиция как судебное административное право: концептуальные проблемы. М.: Буки-Веди, 2014. 179 с.
13. Стариков Ю.Н. Административное судопроизводство в Российской Федерации: развитие теории и формирование административно-процессуального законодательства. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2013. 1060 с.
14. Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс: полный курс. М.: Юринформцентр, 2005. 1150 с.
15. Попов Л.Л. Административно-процессуальное право как самостоятельная отрасль российского права // *Административное право и процесс*. 2019. № 5. С. 9–11.
16. Боннер А.Т. Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность, или спор процессуалиста с административистом // *Закон*. 2016. № 7. С. 24–51.
17. Дивин И.М. Административное судопроизводство по экономическим спорам: отдельные аспекты развития. М.: Статут, 2017. 208 с.
18. Зеленцов А.Б. Административная юстиция. Общая часть. Теория судебного административного права. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 399 с.
19. Стариков Ю.Н. Административная юстиция. Теория, история, перспективы. М.: НОРМА, 2001. 304 с.
20. Модернизация административного законодательства (цели, задачи, принципы и актуальные направления) / отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2019. 496 с.

REFERENCES

1. Salishcheva N.G., Khamaneva N.Yu. *Administrativnaya yustitsiya i admini-strativnoe sudoproizvodstvo v Rossiyskoy Federatsii* [Administrative justice and administrative legal proceedings in the Russian Federation]. Moscow, Akad. pravovoy un-t pri In-te gosudarstva i prava RAN Publ., 2001. 66 p.
2. Starilov Yu.N. Administrative justice in Russia. *Lex russica*, 2016, no. 1, pp. 21–33.
3. Korkunov N.M. The analytical review of theory of administrative justice. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovolnogo prava*, 1885, kn. 9, pp. 1–28.
4. Korf S.A. *Administrativnaya yustitsiya v Rossii* [Administrative justice in Russia]. Sankt Petersburg, Tip. Trenke i Fyusno Publ., 1910. Vol. 1, 2, 528+507 p.
5. Tarasov I.T. Organization of administrative justice. *Yuridicheskiy vestnik*, 1887, vol. XXVI, kn. 1, pp. 63–65.
6. Elistratov A.I. *Osnovnye nachala administrativnogo prava* [Basic principles of administrative law]. Moscow, Izd. G.A. Lemana Publ., 1914. 332 p.
7. Zagryatskov M.D. *Administrativnaya yustitsiya i pravo zhaloby. V teorii i zakonodatelstve. Razvitie idei i printsipov administrativnoy yustitsii. Administrativnyy protsess i pravo zhaloby v sovetskom prave* [Administrative

- justice and the cassation right. In theory and legislation. The development of the idea and principles of administrative justice. Administrative procedure and the cassation right in Soviet law]. Moscow, Pravo i zhizn Publ., 1924. 244 p.
8. Salishcheva N.G. *Administrativnyy protsess v SSSR* [Administrative procedure in the USSR]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1964. 158 p.
  9. Sorokin V.D. *Administrativno-protsessualnoe pravo* [Administrative procedure law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1972. 239 p.
  10. Chechet D.M. *Administrativnaya yustitsiya (teoreticheskie problemy)* [Administrative justice (theoretical problems)]. Leningrad, Leningr. un-t Publ., 1973. 134 p.
  11. Panova I.V. *Administrativnaya yustitsiya* [Administrative justice]. Moscow, Norma Publ., 2014. 463 p.
  12. Zelentsov A.B. *Administrativnaya yustitsiya kak sudebnoe administrativnoe pravo: kontseptualnye problemy* [Administrative justice as the judicial administrative law: conceptual problems]. Moscow, Buki-Vedi Publ., 2014. 179 p.
  13. Starilov Yu.N. *Administrativnoe sudoproizvodstvo v Rossiyskoy Federatsii: razvitie teorii i formirovanie administrativno-protsessualnogo zakonodatelstva* [Administrative legal proceedings in the Russian Federation: the development of theory and formation of administrative procedural legislation]. Voronezh, Voronezhskiy gos. un-t Publ., 2013. 1060 p.
  14. Tikhomirov Yu.A. *Administrativnoe pravo i protsess: polnyy kurs* [Administrative law and process: complete book]. Moscow, Yurinformtsentr Publ., 2008. 1150 p.
  15. Popov L.L. Administrative-procedural law as an independent branch of Russian law. *Administrativnoe pravo i protsess*, 2019, no. 5, pp. 9–11.
  16. Bonner A.T. Administrative legal procedure in the Russian Federation: a myth or reality, or a dispute of a processualist with administrativist. *Zakon*, 2016, no. 7, pp. 24–51.
  17. Divin I.M. *Administrativnoe sudoproizvodstvo po ekonomicheskim sporam: otdehnye aspekty razvitiya* [Administrative legal procedure for economic disputes: certain aspects of development]. Moscow, Statut Publ., 2017. 208 p.
  18. Zelentsov A.B. *Administrativnaya yustitsiya. Obshchaya chast. Teoriya sudebnogo administrativnogo prava* [Administrative justice. General part. The theory of judicial administrative law]. Moscow, YuNITIDANA Publ., 2015. 399 p.
  19. Starilov Yu.N. *Administrativnaya yustitsiya. Teoriya, istoriya, perspektivy* [Administrative justice. Theory, history, and prospects]. Moscow, NORMA Publ., 2001. 304 p.
  20. Nozdrachev A.F., ed. *Modernizatsiya administrativnogo zakonodatelstva (tseli, zadachi, printsipy i aktualnye napravleniya)* [Modernization of administrative legislation (goals, tasks, principles and actual directions)]. Moscow, Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitelstve RF Publ., 2019. 496 p.

ON THE QUESTION OF FORMING ADMINISTRATIVE JUSTICE (ADMINISTRATIVE JUDICIAL PROCEDURE) IN RUSSIA

AS A FORM OF JUDICIAL CONTROL OVER THE SPHERE OF PUBLIC AUTHORITY ACTIVITY

© 2019

I.V. Gorbunova, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair of Public Law of the Institute of History and Law
N.F. Katanov Khakass State University, Abakan (Russia)

Keywords: administrative law; administrative process; administrative justice (administrative judicial procedure); judicial administrative law; jurisdiction of administrative cases to courts; administrative case.

Abstract: The paper deals with administrative justice as a form of judicial control over the sphere of public authorities' activity and the important constitutional guarantee of protection of citizens' rights from the illegal actions of state and public authorities. The history of this legal institute in Russia begins in the second half of the 19th century and goes through several stages of its development: tsarist (imperial, pre-revolutionary), Soviet, recent (from 1993 to September 2015), and contemporary (since 2015). The author analyzed laws and regulations of Soviet, recent, and contemporary periods having the main significance for the development of administrative justice in Russia; considered the historical characteristics of formation and development of this legal institute, which significantly influenced its contemporary form and content. The author analyzed the problems of administrative justice related to the absence of legislative acts until the present time in Russia establishing the concept, system, and structure of administrative procedures. To improve the efficiency of administrative justice and the Code of Administrative Judicial Procedure of the RF, it is necessary to implement significant legal regulation of the institute of administrative procedures and methods of adoption of administrative legal acts by public authorities as the legislation establishing legal procedure of challenging affirmative performance (negative performance) of public authorities is inseparably related to the procedure of implementing legal power by public authorities, to the principles and standards of public government implementation. The hardest part in the legal enforcement of the Code of Administrative Judicial Procedure is the issue of differentiation of cases, which should be considered under the rules of civil procedure, administrative, and constitutional legislation.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО-ПРЕСТУПНИКА

© 2019

Н.Д. Гусейнов, кандидат юридических наук, доцент, докторант
Военная Академия Вооруженных сил Азербайджанской Республики, Баку (Азербайджан)

Ключевые слова: специальный субъект; личность преступника; криминологическая характеристика личности преступника; криминологическая характеристика личности военнослужащего-преступника; Азербайджанская Республика.

Аннотация: Вопросы теоретико-правового обоснования понятия личности преступника-военнослужащего в условиях современного положения военнослужащих в системе общественно-правовых отношений исключительно актуальны. Анализ имеющихся подходов показал, что личность подобных преступников формируется на основе существенных социально-психологических, экономических и нравственных факторов. На основании проведенного исследования автор обосновывает идею о том, что преступник из числа военнослужащих срочной службы – это не вполне сложившаяся личность, с неустойчивой психикой, хорошо развитая физически, занимающая лидирующее положение в неформальной армейской структуре (или стремящаяся к этому), имеющая опыт агрессивного поведения и насилия. Преступник из командного состава – это сложившаяся личность, часто холерического темперамента, имеющая опыт агрессивного поведения и насилия, безразличная к судьбам подчиненных и к армии вообще, ставящая свои личные интересы превыше всего. На основе примеров из судебной практики Азербайджанской Республики показаны преобладающие виды преступлений, совершаемых как рядовыми, так и командным составом. Установлено, что у преступников имеется тесная связь с гражданской жизнью и многими сферами жизнедеятельности общества. Решение проблемы видится в комплексном анализе и прогнозировании социально-экономических, духовно-нравственных и психологических проблем общества и армии. Наиболее важно преодоление таких проблем, как коррупция и низкий профессиональный уровень подготовки военных кадров, поэтому среди вопросов, ждущих своего решения, следует выделить подготовку профессиональных кадров военных с учетом мирового опыта, в том числе опыта дружественных соседних стран.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение криминологических характеристик личности преступников среди военнослужащих имеет большое значение для исследования криминальных аспектов преступности в вооруженных силах Азербайджанской Республики. Оно дает возможность всесторонне проанализировать причины и условия формирования мотивации и мотива правонарушения, совершения правонарушения, а также определить действия, которые необходимо произвести для выявления и предотвращения обстоятельств и условий правонарушения.

Прежде всего, следует отметить, что согласно Конституции Азербайджанской Республики военнослужащий – это *особый субъект* со своими чертами и свойствами. Известно, что несоответствие признаков, характеризующих предмет преступления, признакам, указанным в диспозиции конкретной статьи уголовного закона, исключает ответственность за эту статью. В уголовно-правовой литературе классифицируются признаки, характеризующие *особые субъекты*. В статье 327 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики (далее – УК) перечислены основные субъекты военной службы (военнослужащие, военнообязанные на военных сборах, лица со статусом военнослужащих). В статьях 328–353 главы 35 названы субъекты отдельных видов преступлений, направленных против военной службы. Например, в диспозиции статьи 339 указывается на то, что субъектом преступления, упомянутого в этой статье, может быть только военнослужащий, входящий в пограничный отряд. Содержание статьи 341 дает основание утверждать, что субъектом преступления, упомянутого в этой статье, может быть руководитель военного подразделения. В статьях 328–353 35-й главы указываются субъекты отдельных видов преступлений против

военной службы. К примеру, из диспозиции статьи 339 ясно, что субъектом преступления, упомянутого в этой статье, может быть только военный, служащий пограничником.

Следует отметить, что в юридической литературе выделяются следующие два вида преступлений, совершаемых военнослужащими:

- преступления против военной службы, совершенные военнослужащими как специальными субъектами;
- общие преступления [1].

Следует отметить, что вопросы преступлений против военной службы и общих преступлений достаточно подробно проанализированы, причем характеристика преступлений дана на основе законодательных источников, поскольку все эти преступления отражены в соответствующих документах [2–4].

Личность военнослужащего-преступника обусловлена такими специфическими особенностями, как преданность межличностным отношениям в замкнутой социальной группе; строгое регулирование повседневной жизни; необходимость рисковать своей жизнью при определенных условиях; строгая приверженность принципу самоограничения; иерархические отношения между руководством и подчиненными; как правило, узкие рамки культурного выбора; значительная ежедневная физическая и психологическая нагрузка; «кочевой» образ жизни и т. д. Наряду с этим имеются специфические особенности личности военнослужащего-преступника и преступника-командира (начальника) в условиях срочной действительной военной службы [5]. Существуют многочисленные исследования, посвященные криминологическим особенностям личности военных преступников, где подобные качества характеризуются с социально-экономической, административно-правовой,

социально-психологической и политической точек зрения [6; 7]. Все это говорит о сложности данного феномена, который необходимо исследовать в конкретных обстоятельствах и условиях.

Р.А. Акишев считает существующую классификацию личности военнослужащих-преступников неадекватной, подчеркивая необходимость анализа характерных черт правонарушителя – военнослужащего из рядов срочной действительной военной службы и правонарушителя – военнослужащего, отбывающего военную службу по договору [8].

По мнению авторов, которые проанализировали криминологические данные военнослужащих-преступников, личность преступников – военнослужащих из рядов срочной действительной военной службы обычно характеризуется следующими показателями:

- предел активного с точки зрения криминогенности возраста (18–21) и черты агрессивного поведения, характерного для этого возраста;

- полностью несформированная, неустойчивая психика;

- зависимость несформировавшейся психики от многочисленных объективных и субъективных факторов (например, сложных условий службы, межличностных внеуставных отношений и т. д.);

- получение удовольствия молодым человеком от рискованных действий в опасных условиях;

- низкий уровень образования и воспитания в результате негативных социально-экономических условий жизни в допризывном возрасте;

- противоправное поведение в допризывном возрасте;

- опыт употребления алкоголя и наркотиков;

- ограниченные духовные потребности и интересы;

- неумение объективно оценивать свои действия, увидеть результаты правонарушения и объективно оценить их общественную опасность;

- ограниченный, низкий уровень юридического мышления, отсутствие однозначно законопослушного отношения к требованиям закона;

- стремление быть представленным в неформальных структурах и лидировать в них;

- желание показать хорошую физическую подготовку и силу, доминирование примитивных бытовых навыков;

- эмоциональная нестабильность, вспыльчивость, агрессивное поведение, которое ничем не обосновано;

- пренебрежение обязанностями военной службы и т. д. [9].

Борьба с военной преступностью – это и деятельность по оздоровлению социальной среды. Неоднократно проводились исследования, целью которых было психологическое обоснование совершения преступлений военнослужащими. [10]. Вопросы декриминализации военных преступлений (признания деяния непреступным) непосредственно решаются на уровне законодательной оценки соответствующим органом, причем в данном направлении работа ведется давно [11]. Отчасти изменился основной состав и характер современных преступлений, что связано с развитием информационно-коммуникационных технологий и мобильностью населения [12; 13]. Многие исследователи особый упор делают на экономическое положение страны, которое отражается и на криминальном поведении населения, в том числе в армии [14–16]. Как считают иссле-

дователи, причины и условия совершения военнослужащими преступлений следует рассматривать с точки зрения исторического развития общества и положения армии [17].

Цель исследования – определение конкретных криминологических черт военного преступника, исходя из характера совершенного преступления, предпосылок и условий, в которых оно совершалось.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Характер военных преступлений. Анализируя характерные черты личности военнослужащих, находящихся на срочной действительной военной службе и совершивших преступление, следует отметить, что военнослужащие этой категории чаще совершают преступления [18]. Это подтверждают статистические данные. Например, в 2005 году из 2198 военнослужащих, совершивших преступления, 1621 человек (73,7 %) – это солдаты и матросы, проходившие действительную срочную службу [19]. Анализ уголовных дел, рассматривавшихся в Бакинском военном суде, демонстрирует аналогичный результат. Так, в 2007–2013 годах в Бакинском военном суде было рассмотрено 333 уголовных дела. Из 408 осужденных 47 (11,5 %) – офицеры, 27 (6,6 %) – прапорщики и мичманы, 35 (8,6 %) – младший офицерский состав, 27 (6,6 %) – курсанты и 272 (66,7 %) – солдаты и матросы действительной срочной службы [20].

Судебная практика показывает, что в основном являются жертвами военных преступлений или случаев неразрешенных межличностных или внутригрупповых конфликтов военнослужащие, проходящие срочную военную службу (в большинстве случаев это проявляется в дезертирстве из воинской части или с места службы, уклонении от военной службы путем нанесения вреда своему здоровью или иными способами). Например, Бакинским военным судом были признаны виновными в различных преступлениях 189 из 272 лиц, участвовавших в 221 уголовном преступлении; эти преступления были совершены солдатами и матросами, проходившими срочную военную службу в период 2007–2013 годов: статья 127 УК (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью) – 1 человек; статья 128 УК (умышленное причинение вреда здоровью) – 2 человека; статья 150 УК (сексуальные акты насильственного действия) – 6 человек; статья 151 УК (принуждение к действиям сексуального характера) – 1 человек; статья 330 УК (насильственные действия в отношении командира) – 6 человек; статья 331 УК (оскорбление, избиение или пытки военнослужащего) – 31 человек; статья 332 УК (нарушение нормативных актов о взаимоотношениях военнослужащих, не находящихся в подчинении друг другу) – 142 человека. В некоторых случаях непосредственно связанными с указанными деяниями являются следующие наиболее распространенные виды преступлений: статья 333 УК (самовольное покидание военной части или места службы) – 42 уголовных преступления; статья 334 УК (жестокое обращение) – 11 уголовных преступлений, статья 335 УК (уклонение от военной службы путем нанесения вреда здоровью или иным образом) – 13 уголовных преступлений [20].

Наряду с вышеизложенным, широко распространены преступления, совершенные военнослужащими,

проходящими срочную военную службу, на почве алчности. В некоторых случаях такие преступления связаны с похищением или вымогательством с угрозами денег или другого имущества других военнослужащих, с кражей денег или другого имущества военнослужащих и гражданских лиц и т. д. Например, в Бакинском военном суде в 2007–2013 годах были привлечены к ответственности за различные преступления против собственности 272 военнослужащих по 221 уголовному делу: статья 177 (похищение) – 27 человек; статья 178 УК (мошенничество) – 4 человека; статья 182 УК (вымогательство чужого имущества под угрозой) – 4 человека и т. д. [20].

Во многих случаях преступления совершаются военнослужащими срочной действительной военной службы совместно с военнослужащими других категорий, а также с участием гражданских лиц. Например, солдат “Г” воинской части “N” формирует группу с лицами “Q” и “A” и похищает из магазина “Istanbul Clothing World”, расположенного на первом этаже дома 247 по улице Д. Алиевой, 28 комплектов мужских костюмов общей стоимостью 4555 манатов, 11 рубашек общей стоимостью 275 манатов, 10 мужских брюк общей стоимостью 250 манатов и пр. По приговору Бакинского военного суда от 29 мая 2008 года им были назначены различные виды уголовного наказания за совершение преступлений, указанных в статьях 177.2.1, 177.2.2, 177.2.3 и 177.2.4 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики [20].

Обычно такие преступления совершаются по разным мотивам (чтобы иметь карманные деньги; чтобы иметь определенное имущество (например, телефон); чтобы откупиться от солдат и сержантов старших возрастных призывов, т. е. избавиться от их постоянного давления, и т. д.). Для любого преступления, совершенного военнослужащими срочной действительной военной службы, типична мотивация эгоизма, предвзятости, сопровождаемая желанием воспользоваться всем. Преступника мотивирует не только желание незаконно овладеть материальными ценностями (хотя оно и существует), но и желание чувствовать власть над людьми, в т. ч. заставлять других работать и выполнять все грязные работы (например, уборку туалетов). Следовательно, для личности потенциального преступника, находящегося на срочной действительной военной службе, типична крайняя асоциальность, формирование анти-социального поведения, крайний эгоизм, стремление немедленно исполнять свои спонтанные желания, примитивизм и цинизм, а также психологические черты, связанные с насилием [10].

Типы личности преступников из рядов военнослужащих. Ю.М. Антонов и В.Ю. Эминов, характеризуя личность преступников из рядов срочных военнослужащих, считают целесообразным выделить следующие их типы: 1) случайные преступники – те, чье преступление было вызвано неадекватной реакцией на внезапно тревожные конфликтные условия; 2) стабильные (постоянные) преступники – те, которые отличаются постоянной агрессивной ориентацией и стереотипами в применении грубой силы; 3) жестокие (преднамеренные) преступники – те, кто считают агрессивное поведение нормой [11].

Можно добавить, что основными чертами личности военнослужащего, который склонен к совершению насильственных преступлений, является его одиночество в воинском коллективе и изоляция от внешней среды. Одиночество, в свою очередь, усложняет восприятие социальных норм, которыми регулируются межличностные отношения, усиливает у военнослужащих чувство самодовольства, формирует негативное отношение к окружающей среде, создает враждебность в отношении социального окружения, сближает их с себе подобными, они теряют способность ощущать эмоциональное состояние другого человека (эмпатию).

Следует отметить, что во многих случаях следственные органы не заинтересованы в определении таких преступлений, как самовольное оставление места службы и дезертирство из-за суровых условий пребывания на службе, в т. ч. насилия, т. е. в случаях «дедовщины» в воинской части или по месту службы. Выявление таких случаев свидетельствует о низком уровне дисциплины и требует наказания командира воинской части. Из-за большого количества уголовных дел следственные органы в ходе расследования стремятся направить уголовное дело в суд, не прилагая серьезных усилий по проведению полного, всестороннего и объективного расследования преступления, и, как следствие, стремятся не возбуждать уголовное дело в соответствии со статьей 333 (Примечание) Уголовного кодекса Азербайджанской Республики. Военнослужащего приговаривают к тюремному заключению, а вооруженные силы теряют очередного солдата. Таким образом, преступник остается безнаказанным, и самое большое зло состоит в том, что принципы равенства и справедливости нарушаются, что, в свою очередь, создает условия для совершения новых преступлений. Стоит подчеркнуть, что Законом Азербайджанской Республики от 18 июня 2010 года № 1036-IIIQD к Уголовному кодексу Азербайджанской Республики была добавлена статья 214.2.3. Согласно этой статье расследование уголовных преступлений на территории воинских частей или военных учреждений вооруженных сил или против военной службы передавалось следователям соответствующих структур. Это привело к изменению ситуации в положительную сторону, но проблема еще не решена полностью.

Черты личности преступников из числа представителей командного состава. Личность преступников-командиров и начальников (офицеров, мичманов и сверхсрочных военнослужащих) определяется в основном особенностями их личных и профессиональных качеств. Представители командного состава составляют основу вооруженных сил, поскольку являются профессиональными военнослужащими. Готовность воинских частей к бою во многом зависит от уровня командования и готовности руководителей, их отношения к службе.

В отличие от личности преступников – срочных военнослужащих, личность преступников-командиров, в зависимости от совершенных ими преступлений, имеет различные характеристики [11]. Их зрелый возраст показывает, что процесс формирования личности командиров и начальников в психологическом отношении завершен. По сравнению с военнослужащими они имеют более высокий социальный статус (как правило, не живут в казарме, свободно используют свой досуг,

могут воспользоваться возможностью избрать желаемое место службы, а также должность, их действия и поведение не имеют многих ограничений, которые есть у военнослужащих, проходящих срочную службу, и т. д.) [12].

Преступления, совершенные командирами, создают наибольшую общественную опасность. Спектр преступлений, совершаемых командиром и начальниками, шире, а социальные последствия этих преступлений являются очень серьезными, поскольку наносят армии серьезный военный и материальный ущерб. Тот факт, что у руководителей вооруженных сил есть прямой доступ к видам обеспечения (наличные деньги, одежда, различные предметы быта и службы, еда, боеприпасы и т. д.), облегчает совершение ими преступления. Вот почему личность командира и начальников представляет большой интерес для преступного сообщества. Следует отметить, что криминогенное состояние воинских частей и объединений в значительной степени зависит от того, как командиры и начальники исполняют свои обязанности, как они ведут себя в отношении подчиненных и как относятся к их обучению и воспитанию [5].

Обобщая мнения Р.М. Агишева, В.Н. Кудрявцева, В.Ю. Эминова, И.М. Мацкевича и др., проанализировавших криминологические характеристики преступников из рядов военнослужащих, можно предположить, что для личности преступников среди командиров и начальников характерны следующие черты [5; 8; 9]:

- достаточно взрослый возраст – старше 21 года, когда личность человека в психологическом плане уже сформирована;

- наличие агрессивно-насильственного опыта в течение предыдущего периода службы, низкий уровень общей и правовой культуры, выраженный в грубом стиле поведения и осознанный правонарушения;

- недостойное поведение и утрата профессиональных привычек, присущих воинской службе, в результате участия в хозяйственных делах и других видах деятельности, не связанных с военной службой;

- перекладывание значительной части своей профессиональной нагрузки (например, проведение общественно-политической и физической подготовки) на военнослужащих срочной действительной военной службы в результате собственной низкой психолого-педагогической готовности и, таким образом, создание условий для случаев «дедовщины»;

- употребление алкогольных напитков или наркотиков;

- боязнь ответственности за принятие решений и исполнение лишь прямых требований начальника (даже если они незаконны);

- высокомерие в поведении; в каждом случае оно сопровождается грубостью и оскорбительным поведением в отношении своих подчиненных, в том числе военнослужащих, проходящих длительную военную службу, даже совершивших мелкие правонарушения;

- жадность, алчность и равнодушие к судьбам тех, кто находится под их подчинением;

- коррупция, преступное объединение с коррумпированными руководящими сотрудниками гражданских организаций, вовлечение в преступную деятельность военнослужащих, в том числе военнослужащих, проходящих длительную военную службу;

- контакт с криминальным миром, в том числе с организованной преступностью.

Часть указанных качеств (за исключением, например, случаев, связанных с незаконным оборотом алкоголя и наркотиков и преступными объединениями, включая связи с организованной преступностью) в какой-то степени характерна для преступных личностей из числа командиров и начальников вооруженных сил Азербайджанской Республики. Черты преступников-командиров и начальников определяются характером совершаемых ими преступлений и степенью общественной опасности этих преступлений [12].

Судебная практика показывает, что мошенничество (статья 178 УК), растрата или вымогательство (статья 179 УК), взяточничество (статья 311 УК), служебное правонарушение (статья 313 УК), оскорбление, избиение или пытки военнослужащего (статья 331 УК), самовольное оставление военной службы, дезертирство (статьи 333 и 334 УК), злоупотребление властью, превышение власти или неприменение власти (статья 341 УК) – наиболее часто встречающиеся преступления.

Например, в 109 преступлениях, совершенных военнослужащими и командирами военных частей, 97 человек, причастных к 95 уголовным делам, рассмотренным под надзором Бакинского военного суда в 2007–2013 годах, были признаны виновными в совершении вышеуказанных действий: статья 178 УК – 9 человек; статья 179 УК – 14 человек; статья 311 УК – 4 человека; статья 313 УК – 12 человек; статья 331 УК – 24 человека; статья 333 УК – 18 человек; статья 334 УК – 7 человек; статья 341 УК – 9 человек [20]. Как видно, значительную часть осужденных (39 человек) составляют лица, совершившие преступление на почве алчности.

Следует отметить, что для личности командира и начальника, совершивших преступление на почве алчности, типичны, наряду с жадностью, алчностью, стремлением к легкому заработку, утрата элементарных функций внутреннего социального контроля, полное равнодушие к судьбе подчиненных и т. д. Преступники-командиры и начальники в некоторых случаях создают преступные группы из своих подчиненных и даже гражданских лиц для достижения своих целей и совершения различных тяжких преступлений. Например, полковник «А», военный комиссар районного отделения «N», начальник 2-го отдела этого комиссариата, полковник-лейтенант «И», начальник 4-го отдела капитан «Т», гражданское лицо «Э», назначенное главой районной исполнительной власти председателем военно-медицинской комиссии, и другое гражданское лицо «В», будучи также членом призывной комиссии, создали группу с целью совершения различных уголовных преступлений (взяточничество в крупных размерах, служебное мошенничество, превышение власти).

Решением Бакинского военного суда № 1 (093)-8/2013 от 11 февраля 2013 года полковник «А» и другие члены преступной группы были осуждены по статьям 311.3.1, 311.3.2, 311.3.3, 312.2, 313, 318.1, 325, 326.2 и 341.2.1 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики и приговорены к различным срокам лишения свободы по обвинительным приговорам. Кстати, материалы этого уголовного дела дают основание утверждать, что одна из причин серьезных правонарушений связана с недостатками кадровой политики. Осужденный капитан «Т» ранее уже был осужден по статье 333.4 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики и приговорен

к 3 годам лишения свободы на основании статьи 70 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики по решению Тертерского военного суда от 23 февраля 2011 года. Назначенное наказание было обусловлено предоставлением годичного испытательного срока. Офицер, который без разрешения оставил воинскую часть, находясь на службе, а именно на поле боя, по необъяснимой причине позже был назначен на ответственную должность в системе военного комиссариата. Логичным следствием такой неприемлемой кадровой политики стало то, что на своем новом посту он совершил более серьезное преступление [20].

ВЫВОДЫ

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что на действительной срочной военной службе совершение военнослужащими преступления связано с их психической незрелостью, нестабильным нервно-психологическим состоянием, вместе с тем такие люди физически хорошо развиты и зачастую являются неформальными лидерами в военной структуре или же стремятся к этому, имеют опыт агрессии и насилия. Преступники из числа командно-руководящего состава – это люди, которые уже сформированы как личность, во многих случаях имеют опыт агрессии и насилия, пренебрегают подчиненными и вообще армией и ставят свои личные интересы превыше всего. Возраст, как показательный элемент, является важным фактором для преступности, в том числе и военной. Проблемы неадекватного поведения у солдат бывают как в начале, так и в конце военной службы. В основном это связано со слабой интеграцией личности в общество, существовавшими ранее хроническими проблемами у ближайших родственников и у них самих, а также с неправильной организацией солдатской службы в части из-за неадекватного руководства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алиев А.Дж. Уголовно-правовые проблемы борьбы с преступными деяниями против военной службы. Баку: Сада, 2012. 256 с.
- Эфендиев Е.М. Уголовный Кодекс Азербайджанской Республики: источники, толкование, применение. В 5 т. Т. 5. Баку: Юридическая литература, 2006. 856 с.
- Walter A. Lunden, *Military Service and Criminality* // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1962. Vol. 42. № 6. P. 766–773.
- Луптаков А.В. Актуальные проблемы квалификации преступлений против военной службы // *Отечественная юриспруденция*. 2018. № 5. С. 38–43.
- Петухов Н.А., Новокшенов Д.В. Характеристика личности военнослужащего-преступника против порядка починенности и воинской чести // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2006. № 4. С. 438–443.
- Васильев А.М. Типология и особенности криминологической характеристики личности преступника, совершившего сопряженное с исчезновением человека преступление // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2015. Т. 9. № 4. С. 629–639.
- Данилов П.С. Субъект преступлений против военной службы // *Вестник Омского университета*. Серия: Право. 2017. № 2. С. 190–192.
- Майоров А.В., Черепашкин А.С. Преступность военнослужащих: уголовно-правовой и криминологический аспекты // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2016. № 1. С. 64–71.
- Эминов В.Е., Мацкевич И.М. Преступность военнослужащих (исторический, криминологический, социально-правовой анализ). М.: Пенаты, 1999. 261 с.
- Антонов Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическо-психологическое исследование. М.: Норма, 2010. 368 с.
- Филиппов П.А. О декриминализации уклонения от военной и гражданской альтернативной службы (ст. 328 УК РФ) // *Пробелы в российском законодательстве*. 2014. № 6. С. 110–117.
- Коцуба В.А., Зайцев С.Б. О современном состоянии преступности военнослужащих // *Национальная ассоциация ученых*. 2015. № 8-2. С. 68–69.
- Фаргиев З.Р. Криминологические и виктимологические факторы, обуславливающие совершение преступлений военнослужащими // *Молодой ученый*. 2017. № 11. С. 380–387.
- Лисаускайте В.В. Сравнительный анализ ст. 359 УК РФ и норм международного уголовного права // *Сибирский юридический вестник*. 2006. № 2. С. 79–82.
- Бахтадзе Г.Э. Причины и условия должностной преступности военнослужащих в Российской Федерации // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2018. Т. 1. № 2. С. 133–142.
- Ермолович Я.Н. О проблемах военной криминологии и ее взаимосвязи с военно-уголовным правом // *Военное право*. 2016. № 1. С. 64–78.
- Мацкевич И.М. Причины и условия преступности военнослужащих: по материалам криминологического исследования // *Правоведение*. 1999. № 2. С. 165–173.
- Петухов Н.А., Чукин Д.С. Некоторые аспекты криминологической характеристики насильственных преступлений против личности, совершаемых военнослужащими // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2007. № 4. С. 151–158.
- Статистические данные о преступлениях, совершенных военнослужащими в Вооруженных силах Азербайджанской Республики, других войсках и воинских частях. Баку: Сада, 2007. 25 с.
- Архив Бакинского Военного Суда // Единый судебный портал. Бакинский военный суд. URL: courts.gov.az/az/bakumilitary.

REFERENCES

- Aliev A.Dzh. *Ugolovno-pravovye problemy borby s prestupnymi deyaniyami protiv voennoy sluzhby* [Criminal-legal problems of fight against criminal acts against military service]. Baku, Sada Publ., 2012. 256 p.
- Efendiev E.M. *Ugolovnyy Kodeks Azerbaydzhanskoy Respubliki: istochniki, tolkovanie, primeneniye* [Criminal Code of the Azerbaijan Republic: sources, interpretation, application]. Baku, Yuridicheskaya literatura Publ., 2006. Vol. 5, 856 p.

3. Walter A. Lunden, Military Service and Criminality. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 1962, vol. 42, no. 6, pp. 766–773.
4. Luptakov A.V. Topical issues of qualifying the crimes against military service. *Otechestvennaya yurisprudentsiya*, 2018, no. 5, pp. 38–43.
5. Petukhov N.A., Novokshonov D.V. Characteristics of the personality of a military criminal against the command status and military honor. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2006, no. 4, pp. 438–443.
6. Vasilev A.M. The typology and specifics of criminological personal characteristics of a criminal guilty of kidnapping. *Kriminologicheskij zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2015, vol. 9, no. 4, pp. 629–639.
7. Danilov P.S. Subject of Crimes Against Military Service. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2017, no. 2, pp. 190–192.
8. Mayorov A.V., Cherepashkin A.S. Crimes committed by militatyemen: criminal-and-legal and criminological aspect. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, 2016, no. 1, pp. 64–71.
9. Eminov V.E., Matskevich I.M. *Prestupnost voennosluzhashchikh (istoricheskij, kriminologicheskij, sotsialno-pravovoy analiz)* [Criminality of the military (historical, criminological, and social-legal analysis)]. Moscow, Penaty Publ., 1999. 261 p.
10. Antonov Yu.M., Eminov V.E. *Lichnost prestupnika. Kriminologo-psikhologicheskoe issledovanie* [Personality of a criminal. Criminological-psychological study]. Moscow, Norma Publ., 2010. 368 p.
11. Filippov P.A. The decriminalization of evasion of military and civilian alternative service (Art. 328 of the Criminal Code). *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*, 2014, no. 6, pp. 110–117.
12. Kotsuba V.A., Zaytsev S.B. The present state of the military crime. *Natsionalnaya assotsiatsiya uchenykh*, 2015, no. 8-2, pp. 68–69.
13. Fargiev Z.R. Criminological and victimologic factors causing the execution of crimes by the military. *Molodoy uchenyy*, 2017, no. 11, pp. 380–387.
14. Lisauskayte V.V. The comparative analysis of article 359 CC of the Russian Federation and norms of the international criminal law. *Sibirskiy yuridicheskij vestnik*, 2006, no. 2, pp. 79–82.
15. Bakhtadze G.E. Reasons and conditions of official crimes of military servicemen in the Russian Federation. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2018, vol. 1, no. 2, pp. 133–142.
16. Ermolovich Ya.N. On the problems of the military criminology and its relationship with the military criminal law. *Voennoe pravo*, 2016, no. 1, pp. 64–78.
17. Matskevich I.M. Causes and circumstances of criminality of the military: on the material of criminological research. *Pravovedenie*, 1999, no. 2, pp. 165–173.
18. Petukhov N.A., Chukin D.S. Some aspects of criminological characteristics of violent crimes against personality executed by the military. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2007, no. 4, pp. 151–158.
19. *Statisticheskie dannye o prestupleniyakh, sovershennykh voennosluzhashchimi v Vooruzhennykh silakh Azerbaydzhanskoj Respubliki, drugikh voyskakh i voinskikh chastyakh* [Statistical data on the crimes executed by the military in the Armed Forces of the Republic of Azerbaijan, other military forces and military bases]. Baku, Sada Publ., 2007. 25 p.
20. Archive of the Baku Military Court. *Edinyy sudebnyy portal. Bakinskiy voennyj sud*. URL: courts.gov.az/az/bakumilitary.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF A MILITARY CRIMINAL

© 2019

N.J. Huseynov, PhD (Law), Associate Professor, doctoral candidate
Academy of the Armed Forces of the Republic of Azerbaijan, Baku (Azerbaijan)

Keywords: special subject; personality of a criminal; criminological characteristic of the personality of a criminal; criminological characteristic of the personality of a military criminal; the Republic of Azerbaijan.

Abstract: The issues of theoretical and legal justification for the concept of the military criminal personality in the context of the current state of the military within the system of social-legal relations are very urgent. The analysis of the existing approaches showed that the personality of such criminals develops based on the essential socio-psychological, socio-economic, and moral factors. Based on the study, the author proves the idea that an offender from among the compulsory-duty servicemen is a not fully developed personality with an unstable psyche, well-developed physically, dominating in the informal army structure (or aspiring to that), and having experience of aggressive behavior and violence. A command staff criminal is a fully developed personality; it is often a choleric temperament subject, who has the experience of aggressive behavior and violence, indifferent to the fate of the subordinates and the army in general, putting his interests above all things. The study determined that criminals have a close relationship with civilian life and many life spheres of society. The solution to this problem is in the complex analysis and the predictive modeling of the socio-economic, spiritual, moral, and psychological problems of the society and the army. It is the most important to overcome such problems as corruption and a low professional level of military personnel. Therefore, among the issues awaiting the decision, it is necessary to highlight the training of the professional military personnel considering the global experience, including the experience of the friendly neighboring countries.

**НАКАЗАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ:
ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

© 2019

Л.Н. Кабанова, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
«Уголовное право и процесс»

П.А. Кабанов, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: наказание; система наказаний; система санкций; виды наказаний; имущественные наказания; уголовно-правовые наказания имущественного характера.

Аннотация: Существующая система санкций, в том числе отдельные уголовно-правовые наказания, а также их подсистема в виде имущественных наказаний направлены на минимизацию таких негативных явлений в обществе, как ежегодный количественный и качественный рост уровня преступности.

Однако проблема санкций в целом и имущественных санкций в уголовном праве в частности менее исследована в сравнении с проблемой юридической ответственности. Ведутся дискуссии относительно видов уголовно-правовых наказаний, соотношения понятий «санкция» и «наказание», существования в уголовном праве поощрительных санкций, определения особенностей наказаний имущественного характера; остаются спорными вопросы их классификации и соотношения со смежными правовыми категориями как на общетеоретическом, так и на отраслевом уровне.

В статье проанализированы точки зрения российских ученых, которые обосновывают широкое толкование понятия «наказание» как общетеоретической категории, одинаково приемлемой для представителей самых разнообразных течений в науке. Подчеркивается, что, несмотря на то, что в уголовном кодексе содержится понятие «наказание», оно, по мнению авторов, не может удовлетворить потребности исследования наказания как системы.

Обосновывается необходимость определения юридического наказания на институциональном уровне как сложного межотраслевого института (субинститута юридической ответственности). Исследуется и само соотношение между такими понятиями, как «санкция» и «наказание». Делается вывод, что их соотношение зависит от уровней, на которых происходит исследование, а именно: уровне системы санкций и системы наказаний; формальном уровне конкретной санкции и конкретного наказания; уровне определения санкции и наказания как правового последствия, которое претерпевает правонарушитель. Исследуются наказания имущественного характера в уголовном праве. Полученные данные позволяют определить особенности уголовно-правовых наказаний имущественного характера.

ВВЕДЕНИЕ

По мере развития государственно-правовых явлений, а также юридической терминологии, термин «наказание» стал свойственен исключительно науке уголовного права. Однако наказание можно рассматривать и, соответственно, исследовать в различных аспектах. Во-первых, как межотраслевой институт и, соответственно, как систему, состоящую из ряда подсистем [1]. Во-вторых, как конкретную меру, применяемую к правонарушителю, являющуюся особым правовым последствием, вытекающим из юридического факта правонарушения [2]. В-третьих, как общесоциальное явление, которое охватывает все виды социальной ответственности [3]. На общетеоретическом уровне наиболее актуальным представляется определение юридического наказания на институциональном уровне как сложного межотраслевого института (субинститута юридической ответственности). Существуют единичные научные работы по теории государства и права, посвященные данной проблематике [3–5]. Исходя из данных позиций, представляется необходимым исследовать на общетеоретическом уровне и само соотношение между понятиями «санкция» и «наказание».

Проблема определения специфики имущественных санкций в уголовном праве менее исследована в сравнении с другими видовыми категориями наказания [6]. Между тем, имущественные санкции являются наиболее динамично изменяющейся частью законодательст-

ва. Ведутся дискуссии относительно системы уголовно-правовых наказаний [7], соотношения с иными мерами уголовно-правового характера [8], существования в уголовном праве поощрительных санкций [9], а так же определения общих признаков (особенностей) наказательных уголовно-правовых санкций [10]. Таким образом, одним из актуальных и дискуссионных аспектов является выявление общих признаков наказаний имущественного характера в уголовном праве с применением специфического подхода к исследованию: не с точки зрения видов наказания, предусмотренных действующим уголовным законодательством, применяемых к конкретному субъекту, а с точки зрения системы неблагоприятных имущественных последствий.

Цель исследования – анализ и определение общих признаков (особенностей) наказаний имущественного характера в уголовном праве.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Определение понятия наказания. В рамках проведенного исследования в первую очередь мы предприняли попытку сформулировать ряд отправных теоретических положений об определении понятия «наказание». Мы рассматривали понятие не в узкоотраслевом (уголовно-правовом или административно-правовом) значении, а в общетеоретическом, при этом подчеркивая необходимость определения юридического наказания на институциональном уровне как сложного межотраслевого института.

В науке теории государства и права существуют единичные работы, посвященные данной проблематике [3–5]. Считаем, что понятие «наказание» должно и может охватывать все многообразие мер юридической ответственности, которые предусмотрены не только отраслями публичного, но и частного права, а достаточно редкое использование в юридической литературе данного понятия именно в указанном аспекте – это, скорее всего, дань сложившимся традициям. В советский период развития юридической науки пальма первенства в изучении категории «наказание» принадлежала уголовному праву, что обусловлено его местом и ролью в структуре данной отрасли, а также тем значением, которое придается наказанию как одному из средств (и, пожалуй, основному) уголовно-правового воздействия [11].

Мы придерживаемся мнения ученых, рассматривающих наказание как общесоциальный институт, свойственный всем видам социальной ответственности, который имеет древнее происхождение и появился задолго до возникновения самого государства и права [12]. Известно, что в системе древнего права отсутствовало деление на отрасли. На ранних этапах развития древнего права в одном нормативном акте предусматривались наказания как за преступления, так и за иные правонарушения (сам термин правонарушение мы употребляем в данном контексте с известной долей условности, так как на ранних этапах развития общества оно отсутствовало как понятие и как правовое явление). В этой связи можно согласиться с мнениями ученых, что основой самого права является наказание [12; 13].

По мере развития государственно-правовых явлений, а также юридической терминологии, которую формируют не общественные отношения, а ученые, термин «наказание» стал свойственен исключительно науке уголовного права и соответствующей одноименной отрасли права. При этом в юридической терминологии для обозначения мер юридической ответственности существует большое количество различных терминов: «взыскание», «неустойка», «меры оперативного воздействия», «санкция», «реституция», «репарация», «наказание» и так далее. Поэтому для науки теории государства и права, которая выполняет методологическую функцию, встает вопрос об обобщающем понятии всех схожих по своим целям и функциям мер государственно-правового воздействия.

Следует отметить, что сама идея о наказании как общеправовой категории не нова. Еще в дореволюционный период А.А. Жижиленко выявил общие черты гражданско-правовых и уголовно-правовых мер юридической ответственности. Он подчеркивал необходимость «определения правовой природы наказания в широком смысле, одинаково приемлемым для представителей самых разнообразных течений в науке» [4, с. 63]. В этой связи думается, что перспективному направлению исследования необоснованно мало уделяли внимание как в советский, так и в постсоветский этапы развития юридической науки. Свообразным импульсом для исследований в данной области стало принятие нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), в котором законодатель отказался от понятия «административное взыскание» и заменил его понятием «административное наказание», а наличие наказания в двух отраслях

права позволяет утверждать уже как минимум не об отраслевом, а о межотраслевом значении данной категории.

Особо следует отметить ряд работ ученых саратовской школы права, определяющих наказание как общеправовую категорию [3; 5; 11]. По мнению А.В. Малько, «правовое наказание – это средство правового ограничения, которое обладает рядом признаков: применяется в особом процессуальном порядке за совершение правонарушения на одной из стадий реализации юридической ответственности в целях предупреждения и исправления правонарушителя» [5, с. 20]. Ученый формулирует дефиницию юридического наказания исходя из развиваемой им концепции стимулов и ограничений, и, таким образом, выделяет следующие характерные признаки.

1. Наказание – это правовое ограничение. При этом оно является особым правовым ограничением, так как существенно сужает права граждан и влечет за собой негативные правовые последствия.

2. Наказание реализуется в процессуальном порядке.

3. Реализация наказания совпадает с одной из стадий юридической ответственности.

4. Наказание характеризуется целевой направленностью.

Следует отметить, что понятия «наказание» и «ответственность» не являются тождественными. Проявления ответственности намного многообразнее и сложнее, но исследование данного вопроса не входит в предмет настоящей работы.

К названным выше признакам наказания необходимо добавить и ряд, на наш взгляд, уточняющих особенностей: наказание обладает количественными и качественными характеристиками, является одной из мер юридической ответственности, и кроме указанных целей результатом наказания может быть упорядочивание общественных отношений, а также их восстановление.

В целом, мы согласны с определением наказания, предложенным А.В. Малько, и, развивая данную идею, считаем необходимым указать и на другой аспект исследования наказания, заключающийся в его изучении как институционального правового образования. Так, Д.А. Липинский делает попытку определить наказание государственных служащих как комплексный правовой институт [14]. А.С. Родионова рассматривает правовое наказание как многоуровневую систему [11]. Юридическое наказание не сводится к обычной совокупности мер наказания для правонарушителя, оно характеризуется взаимосвязанной системой формализованных мер и правил их применения; принципами применения; обстоятельствами, смягчающими и отягчающими наказания; наличием функциональных связей и иными признаками.

Понятие наказания не тождественно и тем его официальным определениям, которые предусмотрены в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) и КоАП РФ. В двух нормативных правовых актах наказание определяется с позиции его применения к конкретному субъекту, то есть как единичная мера, а не система. Такое понятие тоже имеет право на существование, тем более что оно закреплено легально, но оно не может удовлетворить потребности исследования наказания как системы.

Итак, подводя предварительный итог о понятии юридического наказания, следует отметить, что его

можно рассматривать и исследовать в различных аспектах. Во-первых, как межотраслевой институт и, соответственно, как систему, состоящую из ряда подсистем. Во-вторых, как конкретную меру, применяемую к правонарушителю, являющуюся особым правовым последствием, вытекающим из юридического факта правонарушения. В-третьих, как общесоциальное явление, которое охватывает все виды социальной ответственности.

Определение понятия санкции нормы права. Санкция правовой нормы – понятие многоаспектное. Ее принято рассматривать как средство обеспечения предписаний, содержащихся в диспозиции; как правовое последствие правонарушения; как структурный элемент нормы права; как правовое последствие правомерного поведения. Соответственно, в юридической науке определяют наказательные и поощрительные санкции, то есть в санкции могут быть закреплены кардинально противоположные по своим характеристикам последствия как положительного, так и негативного свойства. Сразу отметим, что мы признаем существование в отечественной правовой системе поощрительных санкций, но в данной работе они не являются предметом исследования, но один аспект, который значим для нашего исследования, мы проанализируем специально.

Уже сам факт наличия поощрительных санкций, а также общее определение санкции правовой нормы, которое аккумулирует признаки как негативных, так и позитивных санкций, обуславливает то, что они не совпадают по своему объему, содержанию и последствиям. Так, П.В. Васильев в своей работе указывает, что «правовая санкция – это гарантирующее реализацию юридической нормы правовое последствие противоправного или заслуженного поведения лица, существующее в механизме правового регулирования общественных отношений в форме качественно и количественно определенных мер юридического воздействия» [15, с. 38].

При рассмотрении санкции в качестве правового последствия подразумевают ее динамику и действие не на психологическом уровне, а в реальной действительности, которое выражается в ограничениях, применяемых к субъекту в процессе ее реализации.

Когда санкцию исследуют как один из элементов правовой нормы, то подразумевают ее статическое состояние, то есть формальную сторону вопроса, так как правовые нормы закреплены в нормативных правовых актах.

Соотношение понятий санкция и наказание. Исследование различных аспектов определения понятия санкции нормы права и юридического наказания позволило нам выявить соотношение санкции и наказания.

Прежде всего, мы выявили признаки, являющиеся общими и отличительными для санкций и юридического наказания. Для этого сравнили характеристики санкции и наказания как формализованных правовых средств в своем статическом состоянии. Так, санкции с этой позиции являются структурным элементом нормы права, в котором закрепляется конкретная мера юридического наказания, обладающая количественными и качественными характеристиками. И в этом смысле количественные и качественные характеристики санкции и наказания начинают представлять собой единое целое, сливаясь на уровне конкретного наказания, закрепленного в конкретной санкции. Однако даже та-

кая, кажущаяся на первый взгляд, общность санкции и наказания в формальном аспекте не дает повода для их отождествления по нескольким основаниям.

Во-первых, в санкции может быть закреплено несколько наказаний и в зависимости от юридико-технического способа их изложения к правонарушителю подлежит применению одно наказание (в случаях с альтернативными санкциями) или два наказания одновременно (в случаях с кумулятивными санкциями).

Во-вторых, санкция конкретной нормы является ее итоговым элементом, который предусматривает конкретные пределы юридического воздействия в рамках определенных ранее правил (положений), существующих для той или иной меры юридического наказания. Само понятие конкретного наказания, его общие пределы, рамки и виды правонарушений, за которые оно назначается, закрепляются совершенно в других статьях нормативного правового акта, а уже в дальнейшем законодатель определяет санкции, исходя из общих положений о том или ином виде наказания, которые им же были установлены ранее.

В-третьих, в санкции нормы права не всегда указываются все наказания, которые могут быть применены к правонарушителю. Такой вывод следует из ряда положений УК РФ. Например, в части 3 статьи 45 УК РФ отмечается, что лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград может применяться только в качестве дополнительных видов наказаний. За ряд преступлений дополнительное наказание может назначаться и в тех случаях, когда оно специально не указано в санкции статьи.

И санкции, и наказания являются системами, которые взаимодействуют друг с другом, но не являются тождественными. А.С. Родионова отмечает, что структура системы правового наказания включает в себя следующие уровни подсистем и элементы:

1) первый уровень подсистем – система уголовного наказания, система административного наказания, система дисциплинарных взысканий, система гражданско-правовых и иных имущественных санкций;

2) второй уровень системы наказаний состоит из одной из подсистем, указанных выше;

3) третий уровень – отдельные виды наказаний в праве. Отдельно взятое правовое наказание представляет собой первичный структурный элемент системы, который имеет лишь относительную самостоятельность и порой применяется совместно, в комплексе с другими наказаниями, может быть заменен при определенных обстоятельствах более суровым наказанием или более мягким [11].

Не вступая в дискуссию относительно уровней системы наказаний, мы отметим только, что сами санкции в праве являются сложной системой. Данная система проявляется на нескольких уровнях: межотраслевом, отраслевом и институциональном.

Под институциональным уровнем мы понимаем уровень конкретного правового института. Причем уровни системы санкций полностью не совпадают с уровнями системы наказаний. В определенных моментах системы санкций и системы наказаний могут пересекаться друг с другом, но структура системы санкций всегда будет отличаться от структуры системы наказаний. Первичным элементом системы санкций

будет являться конкретная санкция той или иной нормы права, в которой может быть закреплено не одно, а несколько юридических наказаний, тогда как первичным элементом системы наказаний всегда выступает конкретное наказание. Это наказание может быть закреплено в санкции в виде определенной конкретной меры, абсолютно-определённой или относительно-определённой меры, а также в дефинитивной норме, в которой определяется общее понятие того или иного наказания, указываются правоограничения, которые ему свойственны и так далее. Сложно определить, какая из систем является производной – система санкций от системы наказаний или система наказаний от системы санкций. Считаем, что они оказывают равноценное влияние друг на друга, а также в целом связаны с другой вышестоящей системой – системой юридической ответственности.

В своей динамике, на уровне применения права (конкретного наказания) наказание всегда определяют как неблагоприятное последствие для правонарушителя, выражающееся в том, что он претерпевает правоограничения имущественного, неимущественного или организационного характера. В своей динамике санкцию наказательного характера определяют тоже как правовое последствие для лица, нарушившего правовую норму. В этом аспекте санкция как последствие и наказание как последствие, применяемое к конкретному правонарушителю, совпадают. Однако их совпадение полностью исключается на институциональном уровне наказания и институциональном уровне санкции.

Употребление терминов «имущественная санкция» и «имущественное наказание» также неоднозначно. Понятие «имущественные санкции» используют при указании на вид наказания, который имеет противоположное по последствиям значение. В частности, отмечаются имущественные и неимущественные наказания в науке уголовного права [2].

Виды наказательных санкций имущественного характера в уголовном праве. Анализ имущественных санкций в уголовном праве позволяет сделать вывод, что они реализуются главным образом через такой вид меры уголовно-правового воздействия, как штраф. При этом штраф (судебный штраф), назначаемый на основании ст. 76.2 УК РФ, может рассматриваться не только как негативное последствие, но и поощрительная санкция. Так, в силу ст. 76.2 УК РФ, лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. Необходимо отметить, что в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 22.12.2015 № 58 судебный штраф, назначаемый лицу, освобожденному от уголовной ответственности, не является уголовным наказанием, а относится к иным мерам уголовно-правового характера, правила статьи 46 УК РФ к назначению и исполнению судебного штрафа не применяются.

Штраф, как вид уголовного наказания, при любом способе его исчисления должен быть определен в виде денежного взыскания. Размер штрафа определяется с учетом тяжести совершенного преступления, имущественного положения осужденного и его семьи, а так же

с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода. Исходя из положений части 2 ст. 46 УК РФ минимальный размер штрафа, назначенного за совершенное преступление, в определенной сумме, в том числе и с применением ст. 64 УК РФ, не может быть ниже пяти тысяч рублей. Минимальный размер штрафа также может устанавливаться в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет [16]. Размер штрафа, исчисляемый исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа, взятки или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов, не может быть менее двадцати пяти тысяч рублей, даже если сумма, рассчитанная с учетом кратной величины, меньше двадцати пяти тысяч рублей. В таком случае штраф назначается в размере двадцати пяти тысяч рублей [8].

В науке уголовного права достаточно подробно изучены проблемы поощрения в сфере посткриминального поведения [9; 17; 18], в том числе поощрения имущественного характера. Так, А.В. Малько и другие ученые считают сокращение обременений и ограничений ничем иным, как мерами стимулирующего характера [7; 19]. На наш взгляд, к числу поощрительных санкций имущественного характера, кроме уже рассмотренной (ст. 76.2 УК РФ), можно отнести возможность при условиях, определенных в норме уголовного закона, добиться освобождения от уголовной ответственности, примирившись с потерпевшим и загладив причиненный ему вред. В случае, если примирение сторон по каким-либо причинам невозможно, предусмотрена норма о возможности освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Однако по данному основанию возможно освобождение от уголовной ответственности в случае наличия условий: явка с повинной, возмещение ущерба, подтверждения факта деятельного раскаяния. При этом в разъяснениях, содержащихся в Постановлении Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 19 (п. 21) приводится ряд определений, в частности, понятия «ущерб» для целей применения статей 75–76.2 УК РФ. Анализ определения понятия позволяет сделать вывод, что способ, размер заглаживания вреда определяется потерпевшим самостоятельно.

Интересным с точки зрения практики применения ст. 75 УК РФ представляется разъяснение Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 29, как суду оценивать одно из условий деятельного раскаяния как основания освобождения от уголовной ответственности – явку с повинной. Высшая судебная инстанция обращает внимание, что освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно при условии установления в суде всех перечисленных в норме обстоятельств. Так, например, задержание на месте преступления объективно исключает возможность явиться в правоохранительные органы с сообщением о совершенном преступлении, однако последующее способствование лица раскрытию и расследованию преступления, возмещение им ущерба и (или) заглаживание вреда иным образом могут свидетельствовать о его деятельном раскаянии.

Е.В. Рязанова отмечает, что наложенный штраф или принятое решение о конфискации вещи в рамках

уголовного или административного производств не относятся к категории имущества [20]. Такое суждение представляется весьма спорным, поскольку штраф или конфискация, как правило, воздействуют на отношения собственности, предметом которых выступает тот или иной вид имущества [10].

Другим видом уголовно-правовой санкции имущественного характера является конфискация имущества. В качестве предмета конфискации выступают: деньги, ценности, доходы от имущества, которые были получены преступным путем, и иное имущество. Постановление Пленума ВС РФ от 14.07.2018 № 14 не содержит положений о видах иного имущества для целей применения главы 15.1 УК РФ. Следовательно, такое имущество («иное») необходимо понимать в том контексте, который представлен в нормах Гражданского кодекса РФ. Таким образом, предмет конфискации шире, что следует из самой ее сути.

Кроме конфискации имущества главой 15.1 УК РФ предусмотрены: конфискация денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации; возмещение причиненного ущерба. Главой 15.2 предусмотрен судебный штраф. Законодатель определил природу данных мер воздействия как мер уголовно-правового характера, поместив указанные главы в раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера». Несмотря на несколько иную юридическую природу санкций, предусмотренных, например, главами 15.1 и 15.2 УК РФ, они являются уголовно-правовыми санкциями и носят имущественный характер. Несмотря на различные способы исчисления судебного штрафа, он носит денежный характер.

Некоторые уголовные наказания, содержащиеся в санкциях, носят дуалистический характер, действуя как на имущественные, так и на неимущественные права субъекта. Например, исправительные работы содержат имущественное ограничение в виде удержания из заработной платы в размере от 5 % до 20 %. Имущественное ограничение в данном случае действует, когда у осужденного есть основное место работы. Если осужденный официально не трудоустроен, тогда будет следовать другое ограничение неимущественного характера – ограничение права на труд, так как осужденный будет отбывать наказание в учреждениях по выбору компетентных органов в принудительном порядке. Таким образом, если осужденный не имеет основного места работы, последует ограничение права на свободу труда, и одновременно он будет претерпевать имущественные ограничения.

Анализ имущественных санкций наказательного характера, закрепленных в отрасли уголовного права показал, что, несмотря на различные способы исчисления штрафов, в конечном итоге он выражается в деньгах, а санкция как следствие правонарушения заключается в переходе собственности от одного субъекта к другому. Существенные различия имеют и их количественные характеристики. Так, если вести речь об имущественных санкциях, то количество выражается в денежных суммах или объеме иного имущества, которое подлежит изъятию и переходу из собственности одного субъекта в собственность другого субъекта. Неимущественные санкции, по общему правилу, обладают другими единицами измерения. Они предусматривают ог-

раничения, которые исчисляются годами, месяцами, днями или часами.

Однако даже в уголовном праве сводить все имущественные санкции исключительно к штрафам недопустимо, существует определенная доля санкций, заключающихся в конфискации. Еще одной особенностью имущественных санкций в уголовном праве является их четкая количественная и качественная закреплённость. Определённость в размерах и объемах не зависимо от способа исчисления.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

На основании исследования различных учений о юридическом наказании, сделано заключение о необходимости широкого его толкования, одинаково приемлемого для представителей самых разнообразных течений в науке. Определены признаки, являющиеся общими и отличительными для санкции нормы права и юридического наказания.

Анализ наказаний (наказательных санкций) имущественного характера в уголовном праве показал, что штраф является универсальной санкцией, вместе с тем существует определенная доля санкций, заключающихся в конфискации.

Исследование различных аспектов самой санкции нормы права и юридического наказания позволило нам выявить особенности наказаний имущественного характера в уголовном праве: четкая количественная и качественная закреплённость, строго определенные размеры и объемы, не зависящие от способа исчисления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Юридическая ответственность, санкции и меры защиты. М.: РИОР, 2013. 138 с.
2. Дуюнов В.К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. Курск: РОСИ, 2000. 504 с.
3. Ныркoв В.В. Наказание и поощрение как парные юридические категории. Саратов: СГАП, 2006. 180 с.
4. Жижиленко А.А. Наказание: Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Т. VII. Петрозаводск: тип. «Правда», 1914. 676 с.
5. Наказание и ответственность в российском праве: актуальные проблемы / под ред. А.В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2014. 271 с.
6. Новоселов Г.П. Уголовно-правовая норма: понятие, содержание и структура // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 6. С. 15–19.
7. Малько А.В., Кроткова Н.В., Розенко С.В. Обзор всероссийской научной конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь» на тему «Уголовное наказание: состояние, система, проблемы, тенденции, перспективы совершенствования» // Государство и право. 2018. № 5. С. 115–119.
8. Уголовное право России. Часть общая и особенная / под ред. А.В. Бриллиантова. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 1184 с.
9. Мусаткина А.А. О поощрительных санкциях в отраслях публичного права (на примере финансового и уголовного права) // Вестник Орловского

- государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2009. № 4. С. 91–98.
10. Кабанова Л.Н. О классификации имущественных санкций // *Власть Закона*. 2018. № 4. С. 136–143.
  11. Родионова А.С. Формирование концепции наказательной правовой политики в Российской Федерации // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2015. № 1. С. 92–95.
  12. Мальцев Г.В. Мест и возмездие в древнем праве. М.: Норма, 2012. 736 с.
  13. Хачатуров Р.Л., Ягуян Р.Г. Юридическая ответственность. Тольятти: Акцент, 1995. 202 с.
  14. Липинский Д.А. К вопросу об ответственности государственных служащих // *Российская юстиция*. 2017. № 12. С. 49–52.
  15. Васильев П.В. Автоматические санкции в российском праве. М.: Юрлитинформ, 2016. 184 с.
  16. Маркунцов С.А. Теория уголовно-правовых запретов. М.: Юриспруденция, 2015. 559 с.
  17. Жариков Ю.С. Санкция в уголовном праве: к вопросу о понятии и соотношении с мерами принуждения и поощрения // *Современное право*. 2018. № 1. С. 98–104.
  18. Щедрин Н.В., Кылина О.М. Российское уголовное право в контексте доктринальных моделей построения уголовно-правовых санкций // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2008. № 3. С. 40–49.
  19. Запреты в праве и правовой политики: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. А.В. Малько. М.: РИОР, 2018. 377 с.
  20. Рязанов Е.Е. Правотворческие начала частного и публичного права // *Актуальные проблемы современного законодательства Российской Федерации: сборник статей*. Вып. 7. Саратов: Саратовский источник, 2018. С. 80–85.
- REFERENCES**
1. Lipinskiy D.A., Musatkina A.A. *Yuridicheskaya otvetstvennost, sanktsii i mery zashchity* [Legal responsibility, sanctions and protective measures]. Moscow, RIOR Publ., 2013. 138 p.
  2. Duyunov V.K. *Problemy ugovnogo nakazaniya v teorii, zakonodatelstve i sudebnoy praktike* [Problems of criminals punishment in theory, law and judicial practice]. Kursk, ROSI Publ., 2000. 504 p.
  3. Nyrkov V.V. *Nakazanie i pooshchrenie kak parnye yuridicheskie kategorii* [Punishments and promotion as paired legal categories]. Saratov, SGAP Publ., 2006. 180 p.
  4. Zhizhilenko A.A. *Nakazanie: Ego ponyatie i otlichie ot drugikh pravookhranitelnykh sredstv* [Punishment. Its concepts and difference from other law enforcement]. Petrograd, tip. «Pravda» Publ., 1914. Vol. VII, 676 p.
  5. Malko A.V., ed. *Nakazanie i otvetstvennost v rossiyskom prave: aktualnye problem* [Punishments and responsibility in Russian law: current issues]. Moscow, YurLitinform Publ., 2014. 271 p.
  6. Novoselov G.P. Criminal law norm: concept, content and structure. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2015, no. 6, pp. 15–19.
  7. Malko A.V., Krotkova N.V., Rozenko S.V. Review of all-Russian scientific conference in the form of “round table” journals “State and law”, “Legal policy and legal life” on the theme “Criminal penaltus: staty, system, problems, trends, prospects of improvement”. *Gosudarstvo i pravo*, 2018, no. 5, pp. 115–119.
  8. Brilliantov A.V., ed. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chast obshchaya i osobennaya* [Criminal law of Russia. Part general and special]. Izd. 2nd pererab. i dop. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 1184 p.
  9. Musatkina A.A. On incentive sanctions in the branches of public law (on the example of financial and criminal law). *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya*, 2009, no. 4, pp. 91–98.
  10. Kabanova L.N. To the question about classification property sanctions. *Vlast Zakona*, 2018, no. 4, pp. 136–143.
  11. Rodionova A.S. The Concept of Punitive Legal Policy in the Russian Federation. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2015, no. 1, pp. 92–95.
  12. Maltsev G.V. *Mest i vozmezdie v drevnem prave* [Revenge and retribution in ancient law]. Moscow, Norma Publ., 2012. 736 p.
  13. Khachaturov R.L., Yagutyay R.G. *Yuridicheskaya otvetstvennost* [Legal liability]. Tolyatti, Aktsent Publ., 1995. 202 p.
  14. Lipinskiy D.A. To the question of the responsibility of public servants. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2017, no. 12, pp. 49–52.
  15. Vasilev P.V. *Avtomaticheskie sanktsii v rossiyskom prave* [Automatic sanctions in Russian law]. Moscow, YurLitinform Publ., 2016. 184 p.
  16. Markuntsov S.A. *Teoriya ugovno-pravovykh zapretov* [The theory of criminal prohibitions: a training manual]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2015. 559 p.
  17. Zharikov Yu.S. Sanction in Criminal Law: The Concept and Correlation with Measures of Coercion and Incentive Revisited. *Sovremennoe pravo*, 2018, no. 1, pp. 98–104.
  18. Shchedrin N.V., Kylina O.M. Russian criminal law in the context of doctrinal models of constructing criminal law sanctions. *Kriminologicheskij zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2008, no. 3, pp. 40–49.
  19. Malko A.V., ed. *Zaprety v prave i pravovoy politiki: obshcheteoreticheskiy i otraslevoyy aspekt* [Bans in law and legal policy: General theoretical and sectoral aspects]. Moscow, RIOR Publ., 2018. 377 p.
  20. Ryzanov E.E. Law-Making principles of private and public law. *Aktualnye problemy sovremennogo zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii: sbornik statey*. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2018. Vyp. 7, pp. 80–85.

**PECUNIARY PENALTIES IN CRIMINAL LAW:
GENERAL-THEORETICAL ASPECT**

© 2019

L.N. Kabanova, PhD (Law), senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”

P.A. Kabanov, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: punishments; system of punishment; system of sanctions; types of punishments; property penalty; criminal and legal pecuniary penalties.

Abstract: The current system of sanctions, including certain criminal penalties, as well as their subsystem in the form of property penalties is aimed at minimizing such negative phenomena in society as the annual quantitative and qualitative increase in the crime rate.

However, the problem of sanctions, in general, and property sanctions in criminal law, in particular, is less studied compared to the problem of legal liability. The researchers discuss the types of criminal penalties, the correlation of the concepts of sanction and punishment, the existence of criminal law incentive sanctions, and the determination of special aspects of the pecuniary punishments. The issues of their classification and the relationship with the related legal categories, both at the general-theoretical and sectoral levels remain disputable.

The paper analyzes the opinions of Russian scientists supporting the broad interpretation of the concept of punishment as a general-theoretical category equally acceptable to the representatives of various scientific schools. The authors emphasize that, although the criminal code contains the concept of punishment, this concept can not meet the need of the study of punishment as a system.

The authors prove the necessity to define legal punishment at the institutional level as a complex inter-branch institute (legal responsibility sub-institute). The paper studies the relationship between such concepts as sanction and punishment. The authors conclude that the relationship between them depends on the levels at which the research takes place, and namely, the level of the system of sanctions and the punishment system; the formal level of certain sanctions and certain penalty; the level of defining sanctions and penalties as a legal consequence experienced by an offender. The authors study the pecuniary punishments in criminal law. The obtained data allow defining special aspects of criminal law pecuniary penalties.

КРЕСТЬЯНСКОЕ (ФЕРМЕРСКОЕ) ХОЗЯЙСТВО КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

© 2019

О.С. Лапшина, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: крестьянское (фермерское) хозяйство; сельское хозяйство; глава хозяйства; юридическое лицо; индивидуальный предприниматель; гражданское право; предпринимательская деятельность.

Аннотация: На сегодняшний день проблема развития крестьянских (фермерских) хозяйств, которые призваны обеспечивать продовольствием страну в достаточном объеме, является наиболее острой. Сельхозпроизводители являются поставщиками сырья для агропромышленных комплексов и легкой промышленности, что весьма значимо для экономики страны. Крестьянские (фермерские) хозяйства сталкиваются с большим количеством трудностей, так как институт фермерства появился относительно недавно. В момент его появления не была корректно сформулирована нормативная база.

В статье проводится комплексное исследование проблем, связанных, во-первых, со спецификой правового регулирования деятельности крестьянского (фермерского) хозяйства, а во-вторых, с изменениями ГК РФ и действующего Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 11.06.2003 № 74-ФЗ с учетом практического применения. В статье проводится сравнение ранее действовавшего Закона РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 22.11.1990 № 348-1 с новым федеральным законом.

Автор рассматривает вопросы правового обеспечения развития различных предпринимательских объединений крестьянских (фермерских) хозяйств. Кратко описаны особые признаки крестьянского (фермерского) хозяйства как субъекта права. Результатом исследования являются теоретическое осмысление действующего на данный момент законодательства о крестьянском (фермерском) хозяйстве и предложения по совершенствованию правового регулирования деятельности хозяйств с учетом современных тенденций развития аграрного сектора российской экономики.

ВВЕДЕНИЕ

Сельское хозяйство – обширная сфера народного хозяйства страны, которая производит продукты питания и сырье для пищевой и легкой промышленности [1]. С 1990 года в этом секторе России произошли крупные изменения с организационно-юридическими, организационно-экономическими и социально-экономическими отношениями. Появились воспроизводимые средства производства и индивидуальная форма собственности на землю, а также возник новый тип ведения хозяйства – крестьянское (фермерское) хозяйство [2].

Главной реформой аграрных отношений в Российской Федерации стало создание нового сектора сельхозпроизводства, а именно крестьянского (фермерского) хозяйства. Одна из главных задач – обеспечение отечественных продовольственных рынков готовой продукцией и всем необходимым сырьем. Формирование и развитие крестьянского (фермерского) хозяйства способствовало усилению конкуренции между сельскохозяйственными предприятиями, что обеспечивало высокое качество производимой продукции. В последнее время иностранные производители стали завоевывать российский продовольственный рынок для сбыта своей не всегда качественной продукции [3]. Значительные изменения правового статуса участников гражданского оборота вызвали переход от плановой экономики к рыночным отношениям [4]. Были приняты законы, утверждающие различные виды некоммерческих и коммерческих организаций, но это не помогло четко определить правовое положение крестьянского (фермерского) хозяйства. На наш взгляд, актуальной задачей на сегодняшний день является конкретное определение правового положения крестьянских (фермерских) хозяйств.

Не всегда нормативные правовые акты учитывают особенности крестьянских (фермерских) хозяйств, осо-

бенно это касается Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2019). Исходя из этого, можно предположить, что такие виды взаимоотношений, как ответственность хозяйства по своим обязательствам, наследование имущества и право их собственности, регулируются весьма неопределенно. Множество проблем появляется из-за того, что в теоретической части гражданского и аграрного права нет достаточно проработанных концептуальных подходов к данному виду хозяйствования.

Цель статьи – раскрытие понятия, правового положения и содержания права собственности крестьянского (фермерского) хозяйства, а также рассмотрение специфики отдельных объектов права собственности и правового режима собственности членов крестьянского (фермерского) хозяйства.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Крестьянское (фермерское) хозяйство – это объединение граждан, совместно ведущих свое хозяйство и обладающих совместным имуществом. К предпринимательской деятельности в области крестьянского хозяйства применяются положения гражданского законодательства, которые регулируют деятельность коммерческих организаций [5].

Согласно ст. 1 Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» крестьянское (фермерское) хозяйство представляет собой объединение граждан, связанных родством или свойством, имеющих в общей собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность – производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции, – основанную на их личном участии.

Крестьянское (фермерское) хозяйство может быть создано одним гражданином. Крестьянское (фермерское) хозяйство ведет предпринимательскую деятельность без создания юридического лица. Статус крестьянского (фермерского) хозяйства до сих пор законодательно до конца не определен.

До 16 июня 2003 года крестьянские (фермерские) хозяйства создавались как юридические лица. Это следует из п. 1 ст. 1 и ст. 9 закона РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» 1990 года. На основе п. 3 ст. 23 Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» этот статус крестьянские (фермерские) хозяйства имеют возможность сохранить до 1 января 2021 года.

Однако затем – в силу п. 3 ст. 1 Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» – крестьянское (фермерское) хозяйство разрешили создавать без образования юридического лица.

В 2012 году появился Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», который дополнил Гражданский кодекс РФ (ст. 86.1). Согласно этой статье крестьянские (фермерские) хозяйства могут создаваться как юридические лица [6].

В законе нет четкого разделения между правом на имущество крестьянского (фермерского) хозяйства – юридического лица и крестьянского (фермерского) хозяйства – незарегистрированного образования. Однако в обоих случаях формулировки закона позволяют рассматривать именно крестьянское (фермерское) хозяйство как объединение граждан, обладающее правом на имущество (землю и основные средства производства), отличное от права собственности каждого гражданина в отдельности [7].

Правильно замечает О.В. Попова, что «закон о крестьянском (фермерском) хозяйстве – юридическом лице пока еще не создан, при этом нам представляется правильным установить особенности правового статуса крестьянского (фермерского) хозяйства в качестве юридического лица уже в действующем законе, посвященном договорному режиму крестьянского (фермерского) хозяйства, однако можно предположить, что законодатель еще будет возвращаться к уточнению правового статуса крестьянского (фермерского) хозяйства как с точки зрения определения организационно-правовой формы хозяйствования, так и с точки зрения прав, обязанностей, ответственности его членов и в крестьянское (фермерское) хозяйство – юридическое лицо, и в крестьянское (фермерское) хозяйство, основанном на договоре» [8, с. 49].

В законодательстве о крестьянском (фермерском) хозяйстве его основные признаки закреплены противоречно и непоследовательно. Главный отличительный признак крестьянского хозяйства как формы хозяйствования – это его семейно-трудовой характер. Семейный признак крестьянского хозяйства заключается в том, что такое хозяйство исторически, традиционно создавалось членами одной семьи крестьян [9]. Основным отличием утратившего силу закона РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 22.11.1990 № 348-1 (ред. от 21.03.2002) от нового Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 11.06.2003 № 74-ФЗ

(ред. от 23.06.2014) является то, что больше не допускается создание крестьянского (фермерского) хозяйства «группой лиц», не состоящих в родстве. Во время возникновения первых хозяйств в современной России последние состояли в основном из членов, не связанных между собой родственными узами. Это происходило из-за того, что большинство колхозов были распущены, а их бывшие работники хотели вернуться к своей деятельности.

На данный момент фермерское хозяйство должно состоять из лиц, связанных между собой родством и (или) свойством (супружеством), обладающих общей собственностью, с помощью которой они осуществляют производственную деятельность. В хозяйстве могут быть граждане, не состоящие в родстве с главой, но их количество не может превышать пяти человек [10].

Под родством понимается связь между людьми, которая основана на происхождении от общего предка одного лица или разных лиц. Родство может также возникать при вступлении в брак. Так, в основе родства лежит кровная связь, но к числу близких родственников также относится супруг или супруга. Помимо этого, родственной связью могут стать отношения усыновителя с усыновленным. Линии кровного родства подразделяются на прямые и боковые. Прямая линия родства характеризуется непосредственной последовательной связью между родственниками, например, мать – дочь, бабушка – внучка. Боковая линия родства характеризуется наличием общего предка у родственников, например у братьев.

Свойство можно охарактеризовать как отношение между супругом и родственниками другого супруга или между родственниками обоих супругов. Приводя пример, можно сказать, что в свойстве находятся супруг с сестрой, братом или родителями другого супруга, мачеха (отчим) с падчерицей (пасынком) и т. д. В п. 2 ст. 3 Федерального закона указываются все лица, которые могут быть членами крестьянского (фермерского) хозяйства. В основном фермерские хозяйства создаются сельскими жителями или людьми, работавшими в сфере сельского хозяйства. Как правило, это бывшие руководители колхозов и другие специалисты в этой области.

В гражданском праве Российской Федерации общая собственность подразделяется на совместную и долевую. Согласно п. 2 ст. 244 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ имущество может находиться в общей собственности с определением доли каждого из собственников (долевая собственность) или без определения таких долей (совместная собственность) [11].

Согласно п. 3 ст. 244 ГК РФ установлено, что общая собственность на имущество будет являться долевой, за исключением случаев, когда законом предусмотрено образование совместной собственности на данное имущество.

Исходя из п. 1 ст. 257 ГК РФ и п. 3 ст. 6 Федерального закона, получается, что все имущество крестьянского (фермерского) хозяйства будет принадлежать его членам на праве совместной собственности, но только если договором или законом между ними не установлено иное.

Имущество хозяйства может принадлежать его членам как на праве общей совместной, так и на праве общей долевой собственности, но только если

это указывается в соглашении, заключенном в момент регистрации. Стоит отметить, что при составлении соглашения все члены хозяйства должны быть согласны с его содержанием, иначе оно не может быть достоверным, что указывается в п. 3 ст. 6 и ст. 4 Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».

В утратившем силу законе РСФСР был противоположный принцип регулирования отношений. В нем утверждалось, что имущество хозяйства принадлежит его членам на праве долевой собственности. Также в ст. 15 было сказано, что если все члены хозяйства согласятся, то имущество может находиться в совместной собственности. Как указано выше, данные правила противоречат друг другу, но в законе ничего не говорится о том, как это должно регулироваться.

Весь имущественный состав хозяйства, его права на продукцию и доходы, полученные от его использования, определяются п. 2, 3 ст. 257 ГК РФ и п. 1, 2 ст. 6, п. 2 ст. 15 Федерального закона. Данный перечень можно дополнить по соглашению между всеми членами хозяйства, в нем также может быть указан и порядок формирования.

В общей собственности членов хозяйства могут быть объекты недвижимости, будь то различные хозяйственные постройки, земельный участок и т. д. В соответствии с Федеральным законом «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 25.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) все права на доли в общей собственности на недвижимое имущество подлежат государственной регистрации.

Различные противоречивые и взаимоисключающие правовые нормы, закрепленные в тексте нового Федерального закона, свидетельствуют о его непроработанности, которая в будущем может повлечь за собой практические трудности. Рассматривая п. 1 ст. 19 нового закона, можно провести следующее разделение видов деятельности хозяйства. Допустим, если основной вид деятельности хозяйства – это производство и переработка собственной сельскохозяйственной продукции, то все остальное будет являться вспомогательным видом деятельности. Мы неоднократно отмечали, что крестьянское (фермерское) хозяйство без образования юридического лица ограничено в некоторых видах деятельности, в частности, не может заниматься племенным животноводством [12; 13].

Еще один признак фермерского хозяйства, идентифицирующий его среди участников предпринимательской деятельности, – вся деятельность хозяйства выполняется совместно всеми участниками хозяйства. Хотя в законе не сказано о личном участии каждого участника в деятельности хозяйства, но, на наш взгляд, необходимо участие конкретного члена хозяйства в конкретной работе. Следует отметить, что речь идет не о наемном труде, а о самостоятельном.

При создании хозяйства только одним гражданином некоторые нормы Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» действовать не будут, но такое возможно только в двух случаях: если заключать соглашение не требуется и если в законе указано, что нормы будут применяться только при условии, что в составе хозяйства два и более члена, так как применение этих норм противоречило бы существующим отно-

шениям. Тем самым закон определяет основы правового положения крестьянского (фермерского) хозяйства как своеобразного субъекта предпринимательской деятельности, принципы его взаимоотношений с государственными и муниципальными органами, порядок создания и прекращения фермерского хозяйства, полномочия его главы, правила о членстве в хозяйстве. Регламентированы некоторые земельные и имущественные отношения с участием фермерского хозяйства, основные виды его деятельности, полномочия главы хозяйства и др. [14]. Таким образом, главу крестьянского (фермерского) хозяйства необходимо рассматривать как субъект права, который обладает специальной правоспособностью, действует от имени хозяйства и представляет его интересы без специальной доверенности. Законом предусмотрены случаи, когда глава может отказаться от своих полномочий и перейти в состав членов хозяйства, а нового главу вправе выбрать из числа других членов. Именно с этим моментом закон связывает юридически значимые действия, которые могут повлечь неблагоприятные правовые последствия в виде признания действий (бездействия) главы, совершения сделок по отчуждению имущества и др. [15].

Еще одним существенным отличием утратившего силу закона от нового является то, что крестьянское (фермерское) хозяйство создавалось как юридическое лицо со всеми правами. С 1995 года данное правило стало противоречить п. 2 ст. 23 ГК РФ (на данный момент статья утратила силу), так как хозяйство может вести свою деятельность без образования юридического лица, что указано в п. 5 ст. 23 ГК РФ. Крестьянское хозяйство является субъектом предпринимательской деятельности. В законе указывается, что главой может стать гражданин, который уже зарегистрирован как индивидуальный предприниматель. Становятся очевидными различия: например, крестьянское (фермерское) хозяйство отвечает по сделкам своим собственным имуществом. Это имущество, которое принадлежит ему на правах общей собственности. Если сравнивать хозяйство с организацией, то последняя не может распоряжаться своим имуществом. Имущество принадлежит членам хозяйства, и только они вправе им распоряжаться. В отличие от организации всю имущественную ответственность несет как глава, так и участники хозяйства. Но стоит отметить, что все движимое и недвижимое имущество, находящееся в общей собственности членов хозяйства, будет включено в конкурсную массу для оплаты долгов перед кредиторами (при признании хозяйства банкротом) [16].

Одной из проблем предпринимательской деятельности в хозяйстве является отсутствие реального субъекта деятельности. В основном, в деятельности хозяйства принимают участие глава хозяйства и другие участники хозяйства. Несмотря на то, что у хозяйства как организации имеются банковские счета и наименование, оно не может участвовать напрямую в предпринимательской деятельности. У главы хозяйства есть различные ограничения при осуществлении своей деятельности в хозяйстве: он зависим в принятии решений от мнения других членов хозяйства, он должен всегда действовать в интересах своего хозяйства.

Крестьянское (фермерское) хозяйство имеет особую организационно-правовую форму предпринимательства,

у которой на данный момент нет аналогов, в отличие от индивидуальных предпринимателей и коммерческих организаций.

Можно выявить недостатки и преимущества этой организационно-правовой формы. К преимуществам относится мотивация участников хозяйства, поскольку хозяйство принадлежит всем членам хозяйства. Преимущество ещё в том, что члены хозяйства – родственники, поэтому различные управленческие решения принимаются более оперативно. Основные недостатки такой формы следующие: зависимость деятельности хозяйства от сезонов, непродолжительный срок существования хозяйства, конфликты внутри семьи, которые могут неблагоприятно сказываться на всей деятельности.

Некоторые фермеры главным мотивом создания хозяйства называют получение дохода для обеспечения семьи. Главы хозяйств, созданных руководителями колхозов и людьми, работавшими в этой сфере, отмечают, что работа «сама на себя» повышает эффективность труда.

Не стоит забывать про личные подсобные хозяйства. Главным его отличием от других видов хозяйств будет являться то, что эта форма хозяйства не подразумевает предпринимательства в сфере сельскохозяйственной деятельности. Сельскохозяйственная деятельность ведется в одиночку, при этом глава хозяйства может привлекать и других членов семьи для выполнения каких-либо работ на благо хозяйства. Вся продукция будет принадлежать ведущему эту деятельность гражданину, и при возможной продаже данной продукции эта деятельность не будет считаться предпринимательством. Серьезное отличие личного подсобного хозяйства от крестьянского (фермерского) хозяйства состоит в том, что личное хозяйство не подлежит регистрации. В будущем такие хозяйства могут перерасти в фермерские, и тогда уже будет обязательна регистрация.

Крестьянское (фермерское) хозяйство как коллектив граждан, ведущих предпринимательскую деятельность, обладает имуществом с особым правовым режимом, который регулируется ст. 257 и 258 ГК РФ – именно в этом и состоит отличие хозяйства от индивидуального предпринимателя и от юридического лица, что прописано в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) и других нормативных правовых актах.

Академик В.В. Лаптев говорил, что «крестьянское хозяйство, состоящее из нескольких членов, не может сводиться к индивидуальной предпринимательской деятельности его главы. Данный вывод он считал справедливым даже для крестьянских хозяйств, состоящих из одного человека» [17].

При регистрации крестьянского (фермерского) хозяйства необходимо выбрать его организационно-правовую форму, даже если на момент его создания в его состав входит один человек. Это особенно важно, если члены хозяйства хотят получить земельный участок для ведения сельскохозяйственных работ. В отношении земельных участков будет действовать принцип сохранения их целевого использования. Некоторые ученые отмечают, что данный принцип предполагает, что сторона, приобретающая земельный участок сельскохозяйственного назначения, обязуется использовать его

только для целей ведения сельскохозяйственного производства или иных целей, связанных с таким производством [18]. «Деление земель по целевому назначению на категории, согласно которому правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к определенной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий и требованиями законодательства» [19]. Следует отметить, что данной организационно-правовой форме доступны определенные налоговые, кредитные льготы и т. д.

Еще одно значительное отличие старого Закона РСФСР от нового Федерального закона – появилось соглашение. В соглашение, как при его регистрации, так и при его изменении, могут быть внесены любые условия, не противоречащие законодательству. Соглашение будет нужно, только если в состав хозяйства входит несколько граждан. Соглашение будет действительным и вступит в силу с момента подписания его всеми участниками хозяйства. При создании хозяйства необходимо выбрать главу, которым может стать любой член хозяйства, но только при единогласном решении. Простого соглашения для получения статуса главы одного из членов хозяйства недостаточно, необходимы еще два юридических документа – государственная регистрация крестьянского (фермерского) хозяйства в момент его создания и свидетельство о государственной регистрации индивидуального предпринимателя, которое выдается в момент регистрации хозяйства. Государственная регистрация хозяйства осуществляется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. В Приказе Федеральной налоговой службы России «Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств» от 25.01.2012 № ММВ-7-6/25@ (ред. от 25.05.2016) представлены все необходимые формы документов для регистрации крестьянского хозяйства. В частности, это заявление о государственной регистрации (Р21002), о прекращении деятельности (Р26002), о внесении изменений в сведения о хозяйстве (Р24002). В данном приказе прописаны требования по заполнению данных форм.

Итак, нельзя не согласиться с Е.А. Золотовской, которая утверждает, что «некоторые вопросы правового регулирования крестьянского (фермерского) хозяйства выглядят скорее надуманными, нежели реальными» [20, с. 36].

Упущением в действующем законодательстве о крестьянском (фермерском) хозяйстве является отсутствие требований к уровню профессиональной подготовки главы хозяйства. Необходимо дополнить законодательство такими требованиями, как наличие профессиональной подготовки и опыта работы, которые предъявлялись бы к главе крестьянского (фермерского) хозяйства.

Необходимо устранить все противоречия в нормах с помощью внесения всех предложенных изменений в законодательные акты.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

1. Крестьянское (фермерское) хозяйство является особым субъектом гражданского права.

2. Выделены особые признаки крестьянского (фермерского) хозяйства как субъекта права:

– в большинстве случаев крестьянское (фермерское) хозяйство представляет собой объединение кровных и/или некровных родственников;

– присутствие одного или нескольких участников при создании крестьянского (фермерского) хозяйства;

– все члены хозяйства имеют общие права собственности на имущество;

– возможность осуществления предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве;

– непосредственное участие каждого члена хозяйства в производстве не закреплено законодательно;

3. Для крестьянского (фермерского) хозяйства характерна имущественная обособленность, которая, в свою очередь, выражается в обособлении имущества всех членов хозяйства, переданного в хозяйство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анищенко А.В. Крестьянские (фермерские) хозяйства: создание, деятельность, налогообложение. Вып. 3. М.: Российская газета, 2017. 160 с.
2. Елисеева И.А. Правовой режим земель сельскохозяйственного назначения: проблемы законодательства и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 91–95.
3. Ждан А. Размер компенсации при изъятии земельных участков: подходы судебной практики // Административное право. 2018. № 4. С. 89–96.
4. Габов А.В. Право и экономическая деятельность: современные вызовы. М.: Статут, 2015. 400 с.
5. Комментарий части первой ГК РФ для предпринимателей / под ред. В.Д. Карповича. М.: БЕК, 1996. 258 с.
6. Самарханов Т.Г. Создание и эффективное функционирование крестьянских (фермерских) хозяйств: методические рекомендации для сельскохозяйственных консультантов. М.: Росинформагротех, 2018. 257 с.
7. Харитонов Ю.С. Правосубъектность крестьянского (фермерского) хозяйства в свете проблем права общей собственности его членов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 2. С. 32–37.
8. Попова О.В. Признаки крестьянского (фермерского) хозяйства // Юрист. 2018. № 5. С. 44–50.
9. Тютерева Н.Н. Актуальные проблемы правового положения крестьянского (фермерского) хозяйства // Право и экономика. 2018. № 12. С. 53–59.
10. Мельников Н. Необходимость и особенности заключения соглашения между членами крестьянского хозяйства // Твоя земля. 1999. № 4. С. 13–14.
11. Чефранова Е. Правовое регулирование имущественных отношений супругов // Российская юстиция. 1996. № 7. С. 36–37.
12. Лапшина О.С., Киршин Д.И. Правовое положение крестьянских (фермерских) хозяйств // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2018. № 2. С. 13–17.
13. Лапшина О.С., Киршин Д.И. Правовой режим земельных участков крестьянских (фермерских) хозяйств // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2018. № 2. С. 18–22.

14. Тихомиров М.Ю. Комментарий к Федеральному закону «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». М.: Тихомиров М.Ю., 2015. 126 с.

15. Тагилова А.В. Правовой статус крестьянских (фермерских) хозяйств в условиях модернизации гражданского законодательства // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 1. С. 107–111.

16. Авдонина О.Г., Серова О.А., Писарев Г.А., Рыбаков В.А. Правовой статус и имущественные права крестьянского (фермерского) хозяйства как субъекта гражданского права // Юрист. 2014. № 23. С. 9–14.

17. Лаптев В.В. Проблемы предпринимательской (хозяйственной) правосубъектности // Государство и право. 1999. № 11. С. 13–21.

18. Рыженков А.Я. Принципы оборота земель сельскохозяйственного назначения и их правовое значение // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 6. С. 101–109.

19. Сапоткина Т.И. Споры в отношении земель сельскохозяйственного назначения, земель особо охраняемых территорий и объектов, земель лесного фонда // Арбитражные споры. 2016. № 4. С. 47–82.

20. Золотовская Е.А. К вопросу о гражданско-правовом статусе крестьянского (фермерского) хозяйства и правовом режиме его имущества // Административное и муниципальное право. 2019. № 2. С. 36–41.

REFERENCES

1. Anishchenko A.V. *Krestyanskie (farmerskie) khozyaystva: sozдание, deyatelnost, nalogooblozhenie* [Peasant (private farm) enterprises: creation, activity, taxation]. Moscow, Rossiyskaya gazeta Publ., 2017. Vyp. 3, 160 p.
2. Eliseeva I.A. Legal Regime of Agricultural Land: Problems of Legislation and Jurisprudence. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2018, no. 10, pp. 91–95.
3. Zhdan A. The amount of compensation during the land plots seizure: common law approaches. *Administrativnoe pravo*, 2018, no. 4, pp. 89–96.
4. Gabov A.V. *Pravo i ekonomicheskaya deyatelnost: sovremennye vyzovy* [Law and economic activity: contemporary challenges]. Moscow, Statut Publ., 2015. 400 p.
5. Karpovich V.D., ed. *Kommentariy chasti pervoy GK RF dlya predprinimateley* [Commentary of part one of the RF Civil Code for business owners]. Moscow, BEK Publ., 1996. 258 p.
6. Samarkhanov T.G. *Sozдание i effektivnoe funktsionirovanie krestyanskikh (farmerskikh) khozyaystv: metodicheskie rekomendatsii dlya selskokhozyaystvennykh konsultantov* [Creation and effective functioning of peasant (private farm) enterprises: methodological recommendations for agricultural consultants]. Moscow, Rosinformagrotekh Publ., 2018. 257 p.
7. Kharitonova Yu.S. Legal personality of the peasant (farm) enterprise in the light of problems of the common property right of its members. *Zhurnal predprinimatelskogo i korporativnogo prava*, 2018, no. 2, pp. 32–37.
8. Popova O.V. Evidences of the Farm. *Yurist*, 2018, no. 5, pp. 44–50.
9. Tyutereva N.N. Actual problems of the legal status of the peasant (farm) enterprise. *Pravo i ekonomika*, 2018, no. 12, pp. 53–59.

10. Melnikov N. The necessity and special aspects of concluding an agreement between the members of peasant household. *Tvoya zemlya*, 1999, no. 4, pp. 13–14.
11. Chefranova E. Legal regulation of marital property relations. *Rossiyskaya yustitsiya*, 1996, no. 7, pp. 36–37.
12. Lapshina O.S., Kirshin D.I. Legal status of peasant (farmer) farms. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Pravo*, 2018, no. 2, pp. 13–17.
13. Lapshina O.S., Kirshin D.I. Legal regime of land plots of peasant (farm) farms. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Pravo*, 2018, no. 2, pp. 18–22.
14. Tikhomirov M.Yu. *Kommentariy k Federalnomu zakonu "O krestyanskom (fermerskom) khozyaystve"* [Commentary to the Federal Law On Farms]. Moscow, Tikhomirov M.Yu. Publ., 2015. 126 p.
15. Tagirova A.V. General Legal Characteristics of Peasant (Farmer's) Economy in the Conditions of Modernization of Civil Legislation. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*, 2018, vol. 15, no. 1, pp. 107–111.
16. Avdonina O.G., Serova O.A., Pisarev G.A., Rybakov V.A. Legal status and property rights of peasant (farmer) economy as a subject of civil law. *Yurist*, 2014, no. 23, pp. 9–14.
17. Laptev V.V. The problems of business (economic) legal personality. *Gosudarstvo i pravo*, 1999, no. 11, pp. 13–21.
18. Ryzhenkov A.Ya. Principles of land turnover of agricultural purpose and their legal value. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*, 2017, no. 6, pp. 101–109.
19. Sapotkina T.I. Disputes in conjunction with agricultural lands, lands of specially protected territories and objects, and forestry fund lands. *Arbitrazhnye spory*, 2016, no. 4, pp. 47–82.
20. Zolotovskaya E.A. On the legal status of a peasant (private farm) enterprise and the legal structure of its property. *Administrativnoe i munitsipalnoe pravo*, 2019, no. 2, pp. 36–41.

PEASANT (PRIVATE FARM) ENTERPRISE AS A SUBJECT OF CIVIL LAW

© 2019

O.S. Lapshina, PhD (Law), assistant professor of Chair "Civil Law and Procedure"
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: peasant (private farm) enterprise; agriculture; head of household; legal entity; individual entrepreneur; civil law; entrepreneurial activity.

Abstract: Currently, the problem of the development of peasant (private farm) enterprises that serve to supply the country with food in sufficient volumes is the most urgent. Agricultural producers supply raw materials for the agro-industrial complexes and consumer goods what is particularly important for the country's economy. Peasant (private farm) enterprises face many difficulties as the farming institute has emerged relatively recently. At the moment of its introduction, the normative base was not properly defined.

The paper gives a comprehensive study of the problems related to the specifics of legal regulation of the peasant (private farm) economy, as well as to the amendments of the RF Civil Code and the current Federal law "Concerning Peasant (Private Farm) Holdings" of 11.06.2003 No. 74-FZ taking into account practical application. The paper compares the previous RSFSR Law "Concerning Peasant (Private Farm) Holdings" of 22.11.1990 No. 348-1 and the new Federal law.

The author considers the issues of legal support for the development of various business associations of peasant (private farm) enterprises, briefly describes the specific attributes of a peasant (private farm) enterprise as a legal entity. The result of this study is a theoretical understanding and analysis of the provisions of the current legislation on the peasant (private farm) economy, as well as the proposals for improving the legal regulation of the economy, taking into account current trends in the development of the agricultural sector of the Russian economy.

**ОПИСАНИЕ ОБЪЕКТА В ЗАКЛЮЧЕНИИ ЭКСПЕРТА:
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

© 2019

А.М. Мусеев, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Криминалистика»
Донбасская юридическая академия, Донецк (Донецкая Народная Республика)

С.В. Кондратюк, адвокат палаты адвокатов Самарской области,
старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс» Института права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: судебная экспертиза; заключение эксперта; доказательственное значение; средства аргументации; доступность текста.

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы доказательственного значения заключения эксперта. Показано, что указанная характеристика экспертизы зависит от аргументированности заключения эксперта, доступности текста экспертизы для восприятия участниками уголовного процесса, не владеющими специальными знаниями. В условиях состязательности судопроизводства эксперт должен убедить субъектов, оценивающих его заключение, в достоверности полученных выводов. Взаимодействие эксперта с другими участниками уголовного судопроизводства рассматривается как коммуникативная деятельность. С научных позиций коммуникативной прагматики и теории аргументации рассмотрены речевые и внеречевые средства обоснования экспертом полученных выводов.

Показана перспективность внедрения технологического подхода в практику судебных экспертиз. Понятие технологии судебных экспертиз трактуется как система рабочих операций, то есть рациональных действий по оптимальному использованию судебным экспертом имеющихся в его распоряжении ресурсов. Технологии судебных экспертиз предназначены для обеспечения достоверного, научно обоснованного и аргументированного результата судебной экспертизы.

Технологии указанного вида содержат алгоритмы формирования текста заключения эксперта. В статье показано, что аргументационные качества выполненной экспертизы определяются точностью и логичностью описания, полнотой и наглядностью представления исследуемых объектов. Предложено в структуре технологий судебных экспертиз расширить блок составления текста заключения эксперта за счет формализации описания исследуемых объектов. Обозначены пути оптимизации текста заключения эксперта. Сформулированы требования к адекватности и полноте, относимости и достоверности, объективности и информативности описания объекта. Обоснованы требования к представлению объектов экспертизы: минимизация речевых средств, исключение неоднозначных терминов, доступность для восприятия участниками судопроизводства. Даны рекомендации по наименованию общих признаков исследуемых объектов.

ВВЕДЕНИЕ

Заключение эксперта отображает ход и результаты проведенных им исследований. Этот процессуальный документ признан источником доказательств (ст. 74 УПК РФ). Следователь и суд оценивают его по правилам ст. 88 УПК РФ. С ним могут ознакомиться другие участники уголовного судопроизводства. Доказательственное значение экспертизы зависит от полноты изложения ее хода и представления результатов, от аргументированности заключения эксперта, а также пригодности текста экспертизы для восприятия участниками судопроизводства, не владеющими специальными знаниями. Определенное место в тексте заключения эксперта занимает описание объектов, какими могут быть вещественные доказательства, явления, ситуации, образцы, документы, признаки и явления и т. п.

В трудах отечественных основоположников теории судебной экспертизы внимание уделено логике обоснования экспертных выводов. В современных работах научно-методического характера [1–3] разработаны критерии общих и частных признаков исследуемого объекта, а также даны рекомендации насчет последовательности представления установленных признаков в заключении эксперта, степени детализации описания хода и результатов экспертизы. В настоящее время ученые уделяют внимание формулированию выводов на основе результатов проведенной экспертизы, а также на описание хода и результатов применения экспертных методик [4–6]. За

последние годы издано большое количество образцов заключений эксперта, однако, многие из них противоречат друг другу в части содержания и объема описания объектов исследования [7; 8]. Между тем, в судебной экспертизе все чаще применяется технологический подход [9]. В технологиях судебных экспертиз составление текста заключения эксперта приобретает алгоритмизированный характер. В таких технологиях предусмотрены блоки формирования текста заключения эксперта, причем форма и содержание данного процессуального документа направлены на то, чтобы следователь, суд, а также иные участники судопроизводства адекватно понимали ход проведенных экспертных исследований и воспринимали результаты проведенных экспертных исследований. Также в технологиях судебных экспертиз предусмотрен блок сопровождения экспертом собственного заключения. В этой части технологий содержатся рекомендации эксперту по предоставлению им в ходе допроса разъяснений и дополнений к выполненному заключению. К тому же, эксперт может принимать участие в профилактическом направлении деятельности следователя (суда). Однако в технологиях судебных экспертиз еще не конкретизированы принципы составления текста заключения эксперта, не уточнены направления оптимизации данного процессуального документа и окончательно не установлены правила описания исследуемых объектов для обеспечения эффективной коммуникации эксперта с другими участниками судопроизводства [10; 11].

Эксперт составляет текст своего заключения с целью сформировать верное представление у следователя (суда, других процессуальных субъектов) о ходе и результатах проведенной экспертизы [12]. Средством составления убедительного описания является аргументация, которая определена как элемент коммуникативной деятельности субъекта. Ее целью называют «убеждение адресата путем обоснования правильности своей позиции» [13, с. 5]. Задачей аргументации в заключении эксперта следует считать создание убедительного воздействия на следователя (суд, других участников судопроизводства) за счет достоверности аргументов, а также четкости, последовательности и непротиворечивости описания исследуемых объектов. Текст заключения эксперта, как средство коммуникативного взаимодействия судебных экспертов с другими участниками следственно-судебного познания, должен отвечать критериям смыслового, коммуникативного и структурного единства [14]. Смысловое единство – это содержательная структура элементов и порядок представления смысловых частей, а также логическая последовательность формирования смысловых элементов в процессе развертывания текста. Коммуникативное единство следует понимать как ориентированность текста на его восприятие следователем, судом, другими участниками уголовного судопроизводства. Структурное единство – это категория, предусматривающая конкретно-знаковое кодирование текста заключения эксперта в виде речевых кодов и внеречевых средств (фототаблиц, схем, графиков, диаграмм и т. п.). Таким образом, текст заключения эксперта становится важным элементом в процессе взаимодействия следствия и суда с судебным экспертом, неотъемлемым звеном в процессуальном общении эксперта с другими участниками судопроизводства.

Следователь (суд) могут верно оценить результаты экспертизы при условии проверки ими заключения эксперта по критерию его полноты. Для этого текст указанного заключения должен быть доступен и убедителен. Участники судопроизводства оценивают этот текст в том числе и по критериям качества произведенной экспертизы. К таким критериям относим профессиональную объективность и объем компетентности эксперта, полноту проведенных им исследований, соответствие выбранных экспертом методик конкретному экспертному заданию, а также обоснованность их применения [15].

Цель работы – оптимизация текста заключения эксперта путем уточнения правил описания исследуемых объектов в технологиях судебных экспертиз.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В свете изложенного, считаем необходимым рассмотреть проблему формирования текста в аспекте доказательственного значения заключения эксперта. Эта характеристика экспертного заключения определяет значимость результатов экспертизы в системе других доказательств по делу, а также уровень его аргументированности и пригодности для восприятия следователя (суда), иных участников уголовного судопроизводства. Подчеркиваем, что описание исследуемого объекта может быть использовано в процессе проведения различных следственных действий. Например, в ходе допроса специалиста следователь может представлять допраши-

ваемому полученные по делу заключения эксперта, чтобы допрашиваемый помог следователю обнаружить в них ошибки и иные погрешности. Допрашиваемому подозреваемому следователь предъявляет результаты экспертизы, чтобы обнаружить факт дачи ложных показаний и чтобы пресечь отказ давать показания. Для добросовестного свидетеля предъявляемые следователем экспертизы могут служить средством припоминания или устранения препятствий психологического характера [16]. Фрагменты экспертизы могут быть использованы в ходе предъявления для опознания, в частности, при отборе предъявляемых объектов. Экспертиза служит также источником фактических данных при проведении узнавания объекта по описанию, а также в ходе проведения других розыскных мероприятий. Таким образом, описание объекта, представленное экспертом, должно быть ориентировано не только на оценку результата экспертизы следователем (судом), что характеризует доказательственное значение экспертизы [17; 18], но и на обеспечение отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

ТРЕБОВАНИЯ К ОПИСАНИЮ ИССЛЕДУЕМОГО ОБЪЕКТА

Адекватность, относимость, информативность. Опираясь на положения теории аргументации, сформулируем требования, которые следователь (суд) предъявляют к описанию исследуемого объекта в заключении эксперта.

1. Адекватность описания, т. е. экспертиза должна верно отображать существенные признаки объекта. Описание, представленное экспертом, может подлежать сопоставлению с описаниями в протоколах следственных действий и иных материалах дела [19]. Поэтому участники уголовного процесса требуют от эксперта отображения существенных признаков объекта, воспринимаемых, в первую очередь, визуально, и для установления которых не требуется применения специальных знаний.

2. Подтверждение относимости к расследуемому делу, что означает отображение уникальных признаков объекта. Так, необходимо описать признаки, которые вычлениют объект из числа подобных. Следователь (суд) ожидают от эксперта обоснований исследования именно конкретного объекта, зафиксированного в материалах дела.

3. Информативность описания означает, что выбор экспертных методик должен быть обоснованным. Такие методики характеризуются специфичностью, то есть требуют актуализации определенных признаков и свойств объекта исследования. Подобного рода признаки должны быть описаны в тексте экспертизы. По ним следователь (суд) могут убедиться, что только выбранные экспертом методики наилучшим образом подходят для исследования объекта данного вида.

Конкретизируем рекомендации, которых следует придерживаться эксперту в ходе описания представленного ему объекта. В научной литературе сформулированы критерии качества результата экспертизы – процессуального, гносеологического, фактического характера [20–22]. Среди них мы выделяем те, которые обеспечивают адекватное представление исследуемого объекта в тексте заключения эксперта, и к ним относим достоверность, полноту и убедительность описания.

Критерий достоверности, кроме прочего, означает верное отображение представленных объектов в тексте экспертизы. Он реализуется тем, что эксперт должен применять формализованное наименование объекта, его частей, признаков и свойств. Рекомендуем экспертам применять исключительно научную терминологию, соответствующую той области знаний, к которой принадлежит исследуемый объект, и не применять термины и высказывания, неоднозначные по содержанию, а также эмоционально окрашенные выражения.

Полноту экспертизы трактуем как рассмотрение всех вопросов, поставленных перед экспертом, исследование полного перечня объектов и материалов, предоставленных ему, а также отображение в полном объеме всех существенных признаков объекта. К этому можно добавить последовательность описания от общего к частному. Принципу полноты отвечает рекомендация описывать в заключении эксперта признаки, выделяющие объект из группы аналогичных, а также тех, которые имеют значение для применения выбранных экспертных методик. Рекомендуем экспертам придерживаться указанной последовательности отображения признаков различного характера – как морфологических, так и отображающих количественные показатели.

Объективность – это научная обоснованность хода и результатов исследования, а также отсутствие предвзятости эксперта при проведении исследования и формулировании выводов. Объективность описания основана на критерии реальности признаков и свойств объекта, описанных в заключении эксперта. Показателем объективности в тексте экспертизы считаем соответствие системы признаков объекта, представленных в экспертизе, знаниям об этом объекте, которые сформировались у следователя (суда) в результате изучения протоколов следственных действий и иных процессуальных документов. Рекомендуем экспертам стандартизировать описание исследуемых объектов, их признаков и свойств. Убедительность проявляется в аргументированности описания. Что касается отображения исследуемого объекта в экспертизе – эксперт должен убедить следователя (суд, иных участников судопроизводства) реальности существования объекта и адекватности его отображения речевыми способами. Средствами обеспечения убедительности текста называем подтверждение описания фотоиллюстрациями, а также выполнение требований к оформлению текста, отсутствие фактических, логических, орфографических ошибок. Рекомендуем экспертам осуществлять описание признаков в логической последовательности, сопровождая его фотоиллюстрациями, строго придерживаться требований к оформлению данного процессуального документа.

По признакам логичности описания, обоснованности и целесообразности применения терминологии нами было изучено 200 экспертных заключений криминалистических видов экспертиз, выполненных в Республиканском центре судебных экспертиз при Министерстве юстиции ДНР. В ходе обработки архивных заключений эксперта было обращено внимание на отображение в тексте признаков, которые выделяют объект из группы аналогичных. При этом не учитывались отдельные признаки, поскольку их отображение в экспертизе определяется частными экспертными методиками.

Проверка экспертиз по признаку последовательности описания выявила их соответствие общему принципу – признаки указаны в порядке от общих к частным.

Наименование объекта. Установлено, что признак наименования исследуемых объектов представляется неоднозначным в значительном количестве экспертных заключений. Так, отмечено употребление бытовых наименований слесарного инструмента (например, «ключ "попугай"» вместо «ключ трубный рычажный»). К слову, именно этим термином этот инструмент был обозначен в материалах дела). Верное наименование экспертом исследуемого объекта необходимо для обеспечения сопоставления экспертизы с протоколами следственных действий и с другими материалами дела [23]. Поэтому рекомендуем экспертам применять справочник следователя при выборе верного наименования инструментов, а также иных объектов специального назначения.

Отметим, что исследованные экспертизы содержат высказывания, например, «предмет в форме пистолета», «пятна, похожие на кровь» и т. п. В ходе опроса экспертов (нами опрошено более 40 экспертов, проводивших криминалистические экспертизы) установлено, что, употребляя такие высказывания, некоторые из них хотя и подчеркнуть, что исследуемый объект может оказаться не тем предметом, на который он похож внешне. Так, пистолет может быть зажигалкой, а пятна бурого цвета могут иметь небиологическое происхождение. Однако заметим, что в таком случае происходит неоправданная перенасыщенность текста заключения эксперта посторонними понятиями. Термин «пистолет» в общем употреблении означает не только огнестрельное оружие, но и инструмент, приспособление, и т. п. Поэтому наименованием «пистолет» можно обозначать и другие объекты данной формы. То же самое можно сказать и относительно «похожих на кровь пятен бурого цвета». Здесь необходимо заметить, что наличие следов крови устанавливается из обстоятельств расследуемого события [24]. Принадлежность пятна к физиологическим выделениям может приобрести значение доказываемого обстоятельства. В любом случае, предположение эксперта о происхождении данного объекта может негативно воздействовать на субъектов, которые оценивают заключение эксперта, а также на других участников уголовного судопроизводства, которые вправе только ознакомиться с результатами экспертизы. Рекомендуем экспертам-криминалистам ограничиваться описанием цвета пятна без высказывания предположений о его происхождении.

Форма и размер. Разнобой в исследованных экспертизах выявлен нами при обозначении формы объектов. В криминалистике общепринятой считается рекомендация описывать форму, как общий признак объекта, с помощью геометрических фигур. Между тем, например, для описания формы пятен употребляют высказывания «неправильная геометрическая форма». Очевидно, что такое выражение не воспринимается как конкретное. По нашим наблюдениям, пятна всегда имеют геометрическую форму, например, округлую, продолговатую, в форме полосы, и т. п. В случаях сложного механизма слеодообразования, форму пятна целесообразно описать как сложную, похожую на несколько геометрических фигур. Вызывает возражения и описание формы с помощью букв: «Г-образная» или

«X-образная» форма. Такие высказывания содержат эмоциональный оттенок, поскольку речь идет о буквах славянского или латинского алфавита, что может выказывать личностные предпочтения эксперта. В соответствии с принципом снижения степени эмотивности, рекомендуем применять обозначения «угловая форма», «крестообразная форма». Поэтому применение в экспертизе терминов для обозначения формы объекта, не соответствующих наименованиям геометрических фигур, нельзя считать оправданным.

Что касается размерных характеристик в заключении эксперта, считаем необходимым заметить, что описание формы неразрывно связано с обозначением размеров объекта. При этом советуем придерживаться установленных рекомендаций: 1) размеры устанавливать по геометрической форме исследуемого объекта или признака, в котором направления определены естественным образом, и измерения производить по этим, объективно существующим, направлениям (длину и ширину прямоугольника, основания и высоту треугольника, диаметр круга и т. п.). Трудности вызывает определение размеров округлой, продолговатой или сложной геометрической формы. Рекомендуем выбирать для измерения наибольший и наименьший диаметр такого объекта или его максимальный диаметр и размер по перекрестному ему направлению; 2) единица измерения, с помощью которой указывают размерные характеристики объекта, зависит от природы самого объекта, и одновременно она выражает точность произведенного измерения. Так, размеры микроскопических объектов типа трасс и царапин целесообразно указывать в миллиметрах, чтобы подчеркнуть точность произведенного измерения; размеры объектов среднего масштаба (следы обуви, орудие взлома, размеры предмета одежды) – в сантиметрах, поскольку измерения в данном случае производятся именно с такой точностью; размеры крупномасштабных объектов, таких как длина дорожки следов, ширина проезжей части дороги, длина отрезка провода – указывать в метрах с десятичными частями, поскольку точность измерения таких объектов в большинстве случаев составляет дециметры. Относительно размеров некоторых стандартных объектов (таких, например, как лист бумаги, диаметр водопроводной трубы, размеры шины автомобиля) – представляется неоправданным обозначать их размеры метрическими единицами (как признака, выделяющего объект из числа подобных). Предлагаем применять общепринятые технические стандарты, а именно: размеры бумажной продукции обозначать по типу «А4», «А5»; диаметр водопроводных труб выражать по стандарту «1 дюйм», «1/2 дюйма», «3/4 дюйма»; для автомобильных шин применять обозначения размера «195 / 65 R 15» и т. п.

Цвет. Считаем важным предоставить результаты проведенного нами анализа обозначения цвета в тексте экспертиз как признака, выделяющего объект из числа аналогичных. При этом следует учитывать, что большинство участников уголовного процесса, ввиду отсутствия определенных профессиональных знаний, воспринимают цвет по установившимся на бытовом уровне представлениям. Однако, в обработанных трасологических экспертизах встречаются обозначения цвета с использованием специальных стандартов. Так, для обозначения цвета лакокрасочного покрытия автомоби-

ля эксперты применяли криминалистический определитель цвета. Указанное не может не вызывать замечаний со стороны следователя (суда, других участников уголовного процесса), поскольку в этом случае возникает несовпадение с соответствующими обозначениями в техническом паспорте транспортного средства. Известно, что в сопровождающих транспортное средство документах его цвет обозначается по упрощенным критериям (в диапазоне «белый – цвет радуги – черный»). Поэтому, предлагаем экспертам в процессе описания объекта обозначать указанный признак с помощью цветов радуги с уточнением оттенка «светлый», «темный». Градации белого обозначать по схеме «белый – серый – черный».

Признаки видео- и фотоматериалов. В отдельных изученных нами трасологических экспертизах исследовались записи с камер видеонаблюдения, а также видеозаписи места происшествия, видеозаписи и фотоснимки исследуемых объектов. Во всех случаях в результате просмотра представленных видео- и фотоматериалов эксперты указывали на наличие либо отсутствие следов на месте происшествия, а также на изображенных объектах. Однако, в тексте заключения эксперта не было указано никаких реквизитов исследованных видео- и/или фотоматериалов (таких, как компакт-диск и обозначения на нем, формат записи, зафиксированные в поле видеозаписи и фотоснимков дата и время, продолжительность записи в целом и отдельных ее фрагментов, и т. п.). Отсутствует и описание необходимых признаков (общих и частных) изображенных объектов. Между тем, находясь в рамках своей компетенции, эксперт-трасолог способен верно указать реквизиты видео- и фотоизображений. По нашему мнению, игнорирование общих и частных признаков исследуемых видео- и фотоматериалов существенно снижает аргументационные качества выполненной экспертизы.

ВЫВОДЫ

В структуру технологий судебных экспертиз предлагается включить блок составления текста заключения эксперта. Обоснована оптимизация заключения эксперта путем усовершенствования описания исследуемых объектов и их признаков. Сформулированы требования, которые следователь (суд) предъявляют к описанию объектов в заключении эксперта: адекватность, подтверждение принадлежности к расследуемому (рассматриваемому) делу, а также информативность. Конкретизировано содержание критериев достоверности, полноты, объективности, которых должен придерживаться эксперт в ходе описания исследуемого объекта. Уточнены принципы описания объектов в тексте заключения эксперта: минимизация речевых средств; исключение неоднозначных терминов и эмоционально окрашенных высказываний; доступность для восприятия участниками судопроизводства, не владеющими специальными знаниями; соответствие примененной экспертной методике. Конкретизирована цель описания исследуемого объекта (вещественного доказательства, явления, образца, документа, признака, свойства, ситуации и т. п.) – речевыми средствами создать модель объекта в аспекте разрешаемого экспертного задания, убедить следователя (суд, других участников уголовного судопроизводства) в реальности объекта исследования,

а также в действенности примененных экспертных методов, обеспечении научности и достоверности полученных результатов. Также предложены рекомендации по наименованию общих признаков исследуемых объектов (формы, размеров, цвета).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бжассо М.Ч., Меретуков Г.М. Общие правила подготовки, назначения и проведения дактилоскопической экспертизы // *Аллея науки*. 2019. Т. 1. № 2. С. 703–708.
- Бондаренко Л.К. Доказательственное содержание судебной искусствоведческой экспертизы // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2015. № 3. С. 17–22.
- Бутырин А.Ю., Данилкин И.А. Выводы в заключениях эксперта по уголовным делам о хищениях в строительстве // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2018. Т. 13. № 1. С. 71–75.
- Бутырин А.Ю., Трифонова З.В. Обеспечение достоверности выводов в заключении эксперта при производстве судебной строительно-технической экспертизы // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2017. Т. 12. № 3. С. 78–84.
- Жижина М.В., Ягутьян И.Р. О форме и содержании заключения эксперта-почерковеда // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2019. Т. 14. № 2. С. 51–60.
- Кудряшов Д.А. К вопросу о доказательственном значении комплексной судебной экспертизы // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2016. № 3. С. 10–13.
- Майлис Н.П. К вопросу о соотношении видов идентификации и доказательственном значении выводов // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2017. Т. 12. № 3. С. 28–32.
- Майлис Н.П. Руководство по трасологической экспертизе. М.: Щит-М, 2007. 344 с.
- Моисеев А.М. Экспертная технология в судебной экспертизе: понятие и структура // *Вестник Донбасской юридической академии: сборник научных трудов*. Вып. 7. Донецк: ДЮА, 2019. С. 83–89.
- Кискина Е.Е. Заключение эксперта как акт коммуникации // *Судебная экспертиза*. 2009. № 3. С. 100–106.
- Панько Н.А. Судебно-экспертная деятельность: коммуникативный аспект // *Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 20-летию кафедры криминалистики*. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2019. С. 152–156.
- Ахмерова Д.Ф. Некоторые проблемы оценки заключения эксперта в современном уголовном судопроизводстве // *Приоритетные направления развития науки и образования: сборник материалов Международной научно-практической конференции*. Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2018. С. 190–192.
- Белова А.Д. Лингвистические аспекты аргументации. Киев: Астрея, 1997. 309 с.
- Прокопенко Н.А. Особенности оценки экспертизы микрообъектов субъектами доказывания // *Вестник Таганрогского института управления и экономики*. 2017. № 2. С. 58–61.
- Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. М.: Юрист, 1995. 64 с.
- Коновалова В.Е. Допрос: тактика и психология. Харьков: СПД ФЛ Вапнярчук Н.М., 2006. 176 с.
- Шкиндрер А.С. Заключение судебного эксперта как вид доказательства в уголовном судопроизводстве // *Вестник северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право*. 2018. № 3. С. 13–17.
- Ахмедов У.Н., Суворова Л.А. Доказательственное значение заключение эксперта в российском уголовном судопроизводстве // *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии*. 2017. № 3-1. С. 201–207.
- Кондратюк С.В., Румянцев П.А. Система и системность использования квалифицирующих признаков преступления // *Хуманитарни Балкански изследованиа*. 2019. Т. 3. № 3. С. 112–115.
- Шляхов А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. М.: Юридическая литература, 1979. 178 с.
- Эйсман А.А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). М.: Юридическая литература, 1967. 152 с.
- Трифонова З.В. Относимость заключения эксперта как доказательства по делу // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2017. Т. 12. № 4. С. 78–82.
- Моисеев А.М., Кондратюк С.В. Возможности получения доказательственной информации при расследовании интернет-преступлений // *Хуманитарни Балкански изследованиа*. 2017. № 1. С. 41–43.
- Закомолдин Р.В., Кондратюк С.В. Критерии выбора обстоятельств, используемых в качестве квалифицирующих признаков преступления // *Хуманитарни Балкански изследованиа*. 2019. Т. 3. № 3. С. 116–120.

REFERENCES

- Bzhasso M.Ch., Meretukov G.M. General rules for the preparation, arranging and carrying out fingerprint examination. *Alleya nauki*, 2019, vol. 1, no. 2, pp. 703–708.
- Bondarenko L.K. The immaterial content of justice art expert. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*, 2015, no. 3, pp. 17–22.
- Butyrin A.Yu., Danilkin I.A. Expert's Conclusions in Criminal Investigations of Construction Fraud. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*, 2018, vol. 13, no. 1, pp. 71–75.
- Butyrin A.Yu., Trifonova Z.V. Ensuring the Reliability of Conclusions in the Expert's Statement in the Course of a Forensic Construction Investigation. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*, 2017, vol. 12, no. 3, pp. 78–84.
- Zhizhina M.V., Yagutyayn I.R. On the Form and Content of a Forensic Handwriting Expert's Opinion. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*, 2019, vol. 14, no. 2, pp. 51–60.
- Kudryashov D.A. The issue of evidentiary value in integrated forensic investigations. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*, 2016, no. 3, pp. 10–13.
- Maylis N.P. Concerning the Relationship between Different Types of Identification and Evidentiary Value of Expert Findings. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*, 2017, vol. 12, no. 3, pp. 28–32.

8. Maylis N.P. *Rukovodstvo po trasologicheskoy ekspertize* [Guide to Trace Examination]. Moscow, Shchit-M Publ., 2007. 344 p.
9. Moiseev A.M. Expert technology in forensics: concept and structure. *Vestnik Donbasskoy yuridicheskoy akademii: sbornik nauchnykh trudov*. Donetsk, DYuA Publ., 2019. Vyp. 7, pp. 83–89.
10. Kiskina E.E. The expert's statement as the communications certificate. *Sudebnaya ekspertiza*, 2009, no. 3, pp. 100–106.
11. Panko N.A. Judicial activity: communicative aspect. *Sovremennye problemy otechestvennoy kriminalistiki i perspektivy ee razvitiya: sbornik nauchnykh statey po materialam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem), posvyashchennoy 20-letiyu kafedry kriminalistiki*. Krasnodar, Kubanskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet imeni I.T. Trubilina Publ., 2019, pp. 152–156.
12. Akhmerova D.F. Some issues of assessing the expert opinion in modern criminal proceedings. *Prioritetnye napravleniya razvitiya nauki i obrazovaniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Cheboksary, Tsentr nauchnogo sotrudnichestva «Interaktiv plyus» Publ., 2018, pp. 190–192.
13. Belova A.D. *Lingvisticheskie aspekty argumentatsii* [Linguistic aspects of reasoning]. Kiev, Astreya Publ., 1997. 309 p.
14. Prokopenko N.A. Features of the assessment of micro-objects examination by the subjects of evidence. *Vestnik Taganrofskogo instituta upravleniya i ekonomiki*, 2017, no. 2, pp. 58–61.
15. Orlov Yu.K. *Zaklyuchenie eksperta i ego otsenka po ugovornym delam* [Expert opinion and assessment in criminal matters]. Moscow, Yurist Publ., 1995. 64 p.
16. Konovalova V.E. *Dopros: taktika i psikhologiya* [Interrogation: tactics and psychology]. Kharkov, SPD FL Vapnyarchuk N.M. Publ., 2006. 176 p.
17. Shkinder A.S. The Forensic Expert Opinion as an Evidence in the Criminal Proceedings. *Vestnik Severo-vostochnogo federalnogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya: Istoriya. Politologiya. Pravo*, 2018, no. 3, pp. 13–17.
18. Akhmedov U.N., Suvorova L.A. Proof of the expert's conclusion in Russian criminal proceedings. *Obshchestvennaya bezopasnost, zakonnost i pravoporyadok v III tysyacheletii*, 2017, no. 3-1, pp. 201–207.
19. Kondratyuk S.V., Rumyantsev P.A. System and consistency in applying qualifying elements of an offence. *Khumanitarni Balkanski izsledovaniya*, 2019, vol. 3, no. 3, pp. 112–115.
20. Shlyakhov A.R. *Sudebnaya ekspertiza: organizatsiya i provedenie* [Forensic examination: organization and conduct]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1979. 178 p.
21. Eysman A.A. *Zaklyuchenie eksperta (struktura i nauchnoe obosnovanie)* [Expert opinion (structure and scientific foundation)]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1967. 152 p.
22. Trifonova Z.V. Relevance of An Expert Witness Report Submitted as Evidence in a Case. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*, 2017, vol. 12, no. 4, pp. 78–82.
23. Moiseev A.M., Kondratyuk S.V. The ability to acquire evidentiary information during the investigation of internet crimes. *Khumanitarni Balkanski izsledovaniya*, 2017, no. 1, pp. 41–43.
24. Zakomoldin R.V., Kondratyuk S.V. Criteria for the selection of circumstances used as a signs qualifying the crime. *Khumanitarni Balkanski izsledovaniya*, 2019, vol. 3, no. 3, pp. 116–120.

**DESCRIPTION OF THE OBJECT IN THE EXPERT OPINION:
TECHNOLOGICAL APPROACH**

© 2019

A.M. Moiseev, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of Chair “Forensics”
Donbass Law Academy, Donetsk (Donetsk People’s Republic)

S.V. Kondratyuk, public attorney of the Chamber of Attorneys of Samara region,
senior lecturer of Chair “Criminal Law and Process”, the Institute of Law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: forensic investigation; expert opinion; evidential significance; argument techniques; text accessibility.

Abstract: The paper considers the issues of the evidential significance of the expert opinion. It explains how the specified characteristic of the examination depends on the argumentativeness of the expert opinion, the text accessibility of the examination for the perception of the criminal process participants who do not have special knowledge. In the conditions of adversarial proceedings, the expert should convince the entities evaluating his opinion of the reliability of the findings. The authors considered the expert’s interaction with other participants in criminal proceedings as a communicative activity. Verbal and non-verbal means of substantiation of the findings by the expert are considered from the scientific point of view of communicative pragmatics and the theory of argumentation.

The paper reveals the prospects of introducing a technological approach into the practice of forensic examinations. The concept of forensic technology is interpreted as a system of operations, that is, rational actions of forensic experts for the optimal use of the resources at their disposal. Forensic technologies are designed to provide a reliable, scientifically sound and reasoned forensic examination result.

Technologies of this type contain algorithms for generating the text of the expert opinion. The paper shows that the argumentative qualities of the examination are determined by the accuracy and consistency of the description, the completeness, and clarity of the presentation of the studied objects. In the structure of forensic technology, the authors suggest that the unit for compiling the text of the expert opinion should be expanded through formalizing the description of the studied objects. The ways of optimizing the text of the expert opinion are outlined. The requirements to the adequacy and completeness, relevance and reliability, objectivity and information content of the description of the object are formulated. The following requirements for the presentation of objects of the examination are justified: minimization of verbal means, elimination of ambiguous terms, and the accessibility for the perception of participants in legal proceedings. Recommendations are given on the naming the common features of the studied objects.

**ВЫБОРЫ ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ:
ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ**

© 2019

А.В. Моисеев, старший преподаватель кафедры «Конституционное и административное право»*В.Ю. Моисеева*, кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: муниципальное образование; глава муниципального образования; представительный орган муниципального образования; муниципальные выборы; сход граждан; городской округ; муниципальный район; городской округ с внутригородским делением; городское поселение; сельское поселение.

Аннотация: Одной из актуальных и активно обсуждаемых проблем в сфере местного самоуправления являются выборы глав муниципальных образований. Наибольшее количество споров и нареканий со стороны научной общественности вызывает такой способ избрания высшего должностного лица муниципального образования, как избрание представительным органом муниципального образования по результатам конкурсного отбора.

Проведен анализ способов избрания главы муниципального образования, закрепленных в Федеральном законе № 131-ФЗ. Особое внимание уделено рассмотрению конкурсного способа избрания главы муниципального образования, его тождественности с процедурой назначения главы местной администрации. Проведенный анализ действующего федерального, регионального и местного законодательства позволил выделить правовые модели избрания высших должностных муниципальных образований для муниципальных образований верхнего и нижнего территориальных уровней.

Установлено, что главы муниципальных образований верхнего территориального уровня, т. е. городских округов и муниципальных районов, избираются альтернативно и безальтернативно. Главы городских округов с внутригородским делением избираются безальтернативным способом – представительным органом муниципального образования по результатам конкурсного отбора или представительным органом муниципального образования из своего состава. Альтернативный способ избрания глав внутригородских муниципальных образований в городах федерального значения предусмотрен законами субъектов Российской Федерации. Главы муниципальных образований нижнего территориального уровня избираются также альтернативно и безальтернативно.

Сделан вывод о том, что в организации органов местного самоуправления все чаще можно заметить государственное присутствие, которое отражается в числе прочего и в избрании высшего должностного лица муниципального образования посредством конкурсного отбора.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема проведения выборов высшего должностного лица муниципального образования является достаточно актуальной, она активно обсуждается и изучается научной общественностью, о чем можно судить по большому количеству посвященных ей публикаций.

Предметом научных дискуссий являются как в целом итоги муниципальной реформы, предоставившей право субъектам Российской Федерации самостоятельно устанавливать порядок выборов высшего должностного лица муниципального образования [1; 2], так и отдельные ее вопросы, в том числе проблемы ограничения прямых выборов высшего должностного лица муниципального образования [3], установление региональным законодательством единственного и безальтернативного способа избрания главы муниципального образования [4; 5], проблемы правового регулирования отдельных законодательно установленных способов избрания глав муниципальных образований [6–8]; анализируются отдельные модели способов избрания глав муниципальных образований в конкретных субъектах РФ [9–11] и др. При этом исследователи дают достаточно противоречивые оценки установленным федеральным законодательством возможным моделям избрания глав муниципальных образований. По мнению одних ученых, способ избрания высшего должностного лица муниципального образования представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам

конкурса по отбору кандидатов на должность главы муниципального образования, лишает местное население самостоятельности в определении структуры органов местного самоуправления [5; 9], а само местное самоуправление в целом не производно от волеизъявления населения, так как зависит от решения федерального законодателя. В связи с этим остается открытым вопрос: относится ли местное самоуправление к институту гражданского общества, или это все-таки одна из ступеней властной вертикали [3]. Другие ученые признают существующую в настоящее время систему способов избрания глав муниципальных образований как одно из условий, обеспечивающих комплексное развитие муниципального образования [12], позволяющих снизить финансовые издержки муниципальных бюджетов [10].

Цель работы – исследование правовых моделей избрания высшего должностного лица муниципального образования, закрепленных в федеральном, региональном и муниципальном законодательстве.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Законные способы избрания высшего должностного лица муниципального образования приведены в ч. 2 ст. 36 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) [13]. Согласно названной части таких способов три: 1) избрание на муниципальных

выборах; 2) избрание представительным органом муниципального образования из собственного состава депутатов; 3) избрание представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса по отбору кандидатов на должность главы муниципального образования.

Следует заметить, что третий из указанных выше способ избрания главы муниципального образования, т. е. по конкурсу, был введен Федеральным законом от 3 февраля 2015 года № 8-ФЗ. При этом по сей день, как в теории, так и на практике данный способ избрания главы муниципального образования вызывает множество споров и вопросов.

Прежде всего, некоторые ученые считают, что избрание главы муниципального образования представительным органом местного самоуправления на основе конкурсного отбора не является избранием как таковым [7; 14]. Свое мнение они обосновывают, ссылаясь на позицию Конституционного [15] и Верховного судов РФ [16; 17], которые, в свою очередь, считают, что органы местного самоуправления, призванные обеспечить формирование и выражение воли народа, могут быть сформированы только посредством муниципальных выборов либо путем вхождения в состав формируемого органа лиц из числа ранее избранных населением на муниципальных выборах.

Вместе с тем, если обратиться к нормам ч. 2 ст. 37 Федерального закона № 131-ФЗ, то местную администрацию может возглавлять как глава муниципального образования, так и лицо, назначаемое на должность главы местной администрации по контракту, заключаемому по результатам конкурса. В пп. 5 ч. 2 ст. 36 Федерального закона № 131-ФЗ также указано, что если глава муниципального образования избран представительным органом местного самоуправления по результатам конкурса, то он может возглавлять только местную администрацию. Если же высшее должностное лицо муниципального образования избрано другим способом, т. е. посредством проведения муниципальных выборов или представительным органом муниципального образования из своего состава, то оно может как исполнять полномочия председателя представительного органа муниципального образования, так и возглавлять местную администрацию. Из приведенных законоположений следует вывод о том, что в зависимости от способа формирования, т. е. избрания главы местного самоуправления, определяется его место в структуре органов местного самоуправления, что, согласно позиции Конституционного суда РФ, выраженной в постановлении от 18 мая 2011 года № 9-П, не соответствует статьям 12, 130 и ч. 1 ст. 131 Конституции РФ. Однако в постановлении от 1 декабря 2015 года № 30-П Конституционный суд РФ скорректировал пределы самостоятельности местного населения в определении структуры органов местного самоуправления, признав нормы ч. 4, 5, 5.1 ст. 35 и ч. 2, 3.1 ст. 36 Федерального закона № 131-ФЗ не противоречащими Конституции РФ. Данный вывод Конституционный суд РФ пояснил тем, что указанные нормы Федерального закона № 131-ФЗ имеют своей целью обеспечить реализацию государственных и местных интересов на территории конкретного муниципального образования [18]. Более того, Консти-

туционный суд РФ, ссылаясь на ранее вынесенное определение № 1319-О-О, указал на то, что в Конституции РФ нигде не прописано, что глава муниципального образования является органом, избираемым населением, что предполагает необходимость дополнительного законодательного регулирования данного вопроса [19].

Однако такая позиция Конституционного суда РФ не представляется убедительной, так как процедура избрания главы муниципального образования представительным органом местного самоуправления посредством конкурсного отбора, по сути, аналогична процедуре назначения главы местной администрации, которым также может являться высшее должностное лицо муниципального образования. Идентичность указанных процедур избрания и назначения главы муниципального образования и главы местной администрации подтверждается также возможностью предъявления к кандидатам дополнительных требований, что следует из положений ч. 2.1 ст. 36 и ч. 4 ст. 37 Федерального закона № 131-ФЗ. Иными словами, в данном случае правильнее говорить не об избрании главы муниципального образования, а о его назначении посредством конкурсного отбора. Верховный суд РФ также признает недопустимым совмещение конкурсного способа избрания главы муниципального образования представительным органом местного самоуправления с такими способами, как избрание посредством муниципальных выборов и избрание представительным органом из числа лиц депутатского корпуса [20]. Таким образом, правоприменители считают, что если высшее должностное лицо муниципального образования было определено в результате проведения конкурса, то такое должностное лицо не является избранным.

Кроме того, изложенная в постановлении от 1 декабря 2015 года № 30-П позиция Конституционного суда РФ была оценена как приспособляющая Конституцию РФ к федеральному и региональному законодательству [21], и эта позиция не помогла научной ответственности прийти к единому мнению.

Так, авторы работы [9], размышляя об итогах «конкурсного» порядка избрания глав муниципальных образований на примере Кировской области, пришли к выводу о том, что областное руководство оказывает влияние на конкурсные комиссии, выдвигающие кандидатуры на пост главы муниципального образования, с целью недопущения независимых кандидатов, отсюда возникают сомнения в беспристрастности самой конкурсной комиссии, и, как результат, процедура избрания главы муниципального образования затянута из-за невозможности представителей различных политических сил прийти к единому мнению. В итоге получается двоякая ситуация, когда, с одной стороны, субъект РФ заинтересован в подконтрольном ему способе избрания главы муниципального образования с целью реализации экономических и социальных преобразований без учета мнения местного населения. С другой стороны, такое положение вызывает недовольство представительного органа местного самоуправления и местного населения, которые по факту устранены от участия в избрании высшего должностного лица муниципального образования. В целом же получается, что реформа направлена не на оптимизацию местного самоуправления, а на увеличение размеров государственного присутствия в решении

вопросов формирования органов местного самоуправления. Местное самоуправление фактически встраивается в вертикаль государственной власти, что приводит к его вытеснению [22].

На местах также неоднозначно воспринимают конкурсный способ избрания главы муниципального образования, о чем свидетельствуют многочисленные судебные споры [23–25].

Несмотря на существующие в правовой доктрине и на практике дискуссии относительно легально закрепленных возможных способов избрания высшего должностного лица муниципального образования, практика их реализации в законодательстве субъектов Российской Федерации позволяет выделить несколько правовых моделей избрания глав муниципальных образований. При этом важно отметить, что правовые модели избрания глав муниципальных образований регулируются региональным законодательством с учетом требований, изложенных в постановлении Конституционного суда РФ от 1 декабря 2015 года № 30-П относительно возможности применения альтернативного или безальтернативного порядка избрания высшего должностного лица муниципального образования.

Прежде всего, Конституционный суд РФ в постановлении от 18 мая 2011 года № 9-П разделил все муниципальные образования в зависимости от объема публичных функций и задач государственного значения на муниципальные образования верхнего и муниципальные образования нижнего территориальных уровней. К муниципальным образованиям верхнего территориального уровня относятся городские округа и муниципальные районы, а нижнего – городские и сельские поселения.

Для муниципальных образований верхнего территориального уровня допускается возможность установления как альтернативного, так и безальтернативного порядка избрания высшего должностного лица муниципального образования. В целом можно выделить следующие правовые модели избрания высшего должностного лица муниципальных образований верхнего территориального уровня, т. е. муниципальных районов и городских округов:

1) альтернативный порядок избрания глав муниципальных образований:

– в уставах закрепляются все три способа избрания главы муниципального образования (муниципального района или городских округов), предусмотренные ч. 2 ст. 36 Федерального закона № 131-ФЗ;

– в уставах закрепляются два способа избрания глав муниципальных районов или городских округов из предусмотренных ч. 2 ст. 36 Федерального закона № 131-ФЗ;

2) безальтернативный порядок избрания глав муниципальных образований:

– посредством конкурсной системы избрания;

– представительным органом муниципального образования из депутатского состава;

– посредством прямых муниципальных выборов;

– посредством закрепления основного способа избрания глав муниципальных образований и исключительного способа избрания для одного или нескольких конкретных муниципальных образований. Например, в Иркутской области основным способом избрания главы муниципального образования – муниципальные выбо-

ры. Исключением является избрание главы городского округа Иркутск представительным органом муниципального образования из депутатского состава. В Томской области основным способом избрания – конкурсная система избрания, исключение установлено для городского округа Томск – муниципальные выборы. В Калининградской области основным способом избрания – представительным органом муниципального образования из депутатского состава, исключение для городского округа Калининград – конкурсный способ избрания. В Республике Башкортостан – основным способом избрания – представительным органом муниципального образования из состава депутатов, исключение для ЗАТО Межгорье – на конкурсной основе. В Мурманской области основным способом избрания – представительными органами муниципального образования из своего состава, исключения для глав пяти ЗАТО – посредством конкурсного отбора;

– посредством закрепления разных способов избрания глав городских округов и муниципальных районов (Республика Карелия, Хабаровский край, Псковская область, Ненецкий автономный округ).

Несколько отличаются модели избрания глав городских округов с внутригородским делением. Так, в соответствии с региональным законодательством главы городских округов с внутригородским делением и главы внутригородских районов (Республика Дагестан, Самарская область, Челябинская область) избираются безальтернативным способом: представительным органом муниципального образования по результатам конкурсного отбора; представительным органом муниципального образования из своего состава.

В законах субъектов Российской Федерации предусмотрены альтернативные модели избрания глав внутригородских муниципальных образований в городах федерального значения (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь) – посредством муниципальных выборов или представительным органом муниципального образования из своего состава. При этом уставы городов федерального значения предусматривают безальтернативный способ избрания главы конкретного внутригородского муниципального образования, т. е. один способ из указанных в законе соответствующего субъекта Российской Федерации (городе федерального значения).

Что касается муниципальных образований нижнего территориального уровня, т. е. городских и сельских поселений, то для них предусмотрены альтернативные способы избрания глав муниципальных образований. Для городских поселений предусмотрены следующие альтернативные способы избрания глав муниципальных образований: в законодательстве субъекта Российской Федерации закрепляются все три способа избрания главы городского поселения, предусмотренные ч. 2 ст. 36 Федерального закона № 131-ФЗ; в законодательстве субъекта Российской Федерации закрепляются два способа избрания главы городского поселения из предусмотренных ч. 2 ст. 36 Федерального закона № 131-ФЗ, одним из которых, как правило, являются муниципальные выборы.

Исключением являются городские поселения, сопоставимые с городскими округами и подпадающие под критерии, сформулированные в законе соответствующего субъекта РФ (например, численность жителей,

административный статус поселения, расположение территориальных органов исполнительной власти, федеральных судов, мировых судей, государственных предприятий и т. п., финансово-экономические показатели поселения, особенности статуса поселения или территории его расположения, наличие опасных объектов), для которых может быть установлен только безальтернативный порядок избрания главы муниципального образования.

Для таких городских поселений на практике законами субъектов Российской Федерации установлены следующие безальтернативные модели избрания главы муниципального образования: непосредственным органом муниципального образования из числа депутатского состава; по конкурсу; на муниципальных выборах.

Для сельских поселений законодательством субъектов РФ предусмотрены как альтернативные, так и безальтернативные модели избрания высшего должностного лица.

Так, законами субъектов Российской Федерации устанавливаются альтернативные модели избрания глав сельских поселений (три или два из трех способов избрания главы сельского поселения, предусмотренных ч. 2 ст. 36 Федерального закона № 131-ФЗ), из которых в уставе сельского поселения должен быть закреплен только один конкретный способ избрания главы сельского поселения (безальтернативная модель избрания главы сельского поселения).

В некоторых субъектах Российской Федерации на уровне регионального законодательства установлены безальтернативные модели избрания глав сельских поселений:

– посредством только муниципальных выборов для всех сельских поселений (Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ), большинства сельских поселений (Краснодарский край, Иркутская область, Новгородская область), для части сельских поселений (Республика Саха (Якутия));

– посредством избрания представительным органом муниципального образования по результатам конкурсного отбора (Краснодарский край);

– посредством избрания представительным органом муниципального образования из числа депутатов (Калужская область).

Следует обратить внимание на то, что в п. 1 ч. 2 ст. 36 Федерального закона № 131-ФЗ предусмотрен такой способ избрания глав муниципальных образований, как сход граждан. Подобный способ избрания глав муниципальных образований выделен законодателем для малочисленных городских и сельских поселений, в которых полномочия представительных органов осуществляют сходы граждан.

В целом, по данным Минюста России на 1 марта 2019 года, из 21 245 избранных глав муниципальных образований представительным органом муниципального образования из своего состава депутатов избраны 8 763 главы муниципального образования, что составляет 41,3 % от общего числа избранных глав муниципальных образований; 6 944, т. е. 32,7 % всех избранных глав муниципальных образований, избраны по конкурсу; 5 470, т. е. 25,7 %, – на муниципальных выборах; 68 глав (0,3 %) – на сходах [26].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Таким образом, проведенный анализ действующего федерального, регионального и местного законодательства позволяет сделать вывод о том, что законы субъектов Российской Федерации устанавливают как альтернативные, так и безальтернативные способы избрания глав муниципальных образований. При этом уставы конкретных муниципальных образований, в случае если в законе соответствующего субъекта РФ закреплен альтернативный способ избрания главы муниципального образования, устанавливают безальтернативный способ. По большей части (67 %) главы муниципальных образований избираются либо представительным органом муниципального образования из своего состава депутатов, либо на муниципальных выборах. При этом растет количество глав муниципальных образований, избранных по конкурсу (32,7 %), что свидетельствует о еще большем присутствии государства в организации органов местного самоуправления. А это, в свою очередь, ставит под вопрос природу местного самоуправления, которое все больше становится одной из ступеней властной вертикали, переставая быть институтом гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боброва Н.А. Итоги муниципальной реформы – 2014 // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2018. № 1. С. 27–31.
2. Баженова О.И. Современные проблемы организации муниципальной власти в городских округах: состояние и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 7. С. 54–66.
3. Тарабан Н.А. Местное самоуправление в России: институт гражданского общества или ступень властной вертикали // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 3. С. 44–49.
4. Шастина А.Р. Защита прав местного самоуправления: полномочия высшего должностного лица субъекта Российской Федерации по отрешению от должности главы местной администрации // Правозащитная деятельность органов государственной власти: проблемы и перспективы: материалы круглого стола с международным участием. Иркутск: БГУ, 2012. С. 166–169.
5. Слободчикова С.Н. К вопросу о конституционно-правовой регламентации принципа свободных выборов в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 4. С. 11–15.
6. Вискулова В.В. О «конкурсном» порядке избрания глав муниципальных образований: некоторые обобщения двухлетней практики // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 26–37.
7. Киселева Н.В., Гречина Л.А. Глава муниципального образования: к вопросу о конкурсном отборе на должность // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.
URL: consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=104731#02789395597047537.
8. Коростелева М.В. Проблемы правового регулирования избрания главы муниципального образования // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2016. № 3. С. 11–14.

9. Михайлова М.В., Побаев И.А. Размышления по итогам применения «конкурсного» порядка избрания глав муниципальных образований в Кировской области // Административное и муниципальное право. 2018. № 2. С. 33–44.
10. Малышенко В.А. О некоторых аспектах избирательного законодательства в Республике Бурятия // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 9. С. 44–45.
11. Телегин А.В. Новая модель формирования органов местного самоуправления на территории Курской области // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2016. № 1. С. 11–14.
12. Ирхин И.В. Правовой статус главы муниципального образования: актуальные проблемы поиска оптимума // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 18–27.
13. РФ. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
14. Шугрина Е.С. Некоторые особенности правового статуса главы муниципального образования в материалах судебной практики // Юридическое образование и наука. 2018. № 10. С. 37–47.
15. РФ. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.05.2011 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 части 4 и части 5 статьи 35 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Н.М. Савостьянова» // Вестник Конституционного суда РФ. 2011. № 4. С. 1–3.
16. РФ. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 02.11.2016 г. № 58-АПГ16-9 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-02112016-n-58-apg16-9/.
17. РФ. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 01.02.2017 г. № 53-АПГ16-31 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-01022017-n-53-apg16-31/.
18. РФ. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного суда РФ. 2016. № 2. С. 1–3.
19. РФ. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2011 г. № 1319-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Аверкиева Игоря Валерьевича, Ковина Виталия Сергеевича и других на нарушение их конституционных прав пунктом 1 части 2 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121285/.
20. РФ. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 02.11.2016 г. № 58-АПГ16-9 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-02112016-n-58-apg16-9/.
21. Васильев В.И. К вопросу о территориальных уровнях местного самоуправления // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 80–91.
22. Костюков А.Н. Контрреформа местного самоуправления как государственная политика унижения городских округов // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 2. С. 61–64.
23. РФ. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 04.10.2017 г. № 53-АПГ17-36 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-04102017-n-53-apg17-36/.
24. РФ. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 22.11.2017 г. № 9-АПГ17-23 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-22112017-n-9-apg17-23/.
25. РФ. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 16.08.2017 г. № 51-АПГ17-12 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-16082017-n-51-apg17-12/.
26. Доклад о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: minjust.ru/razvitie-federativnyh-otnosheniy-i-mestnogo-samoupravleniya/doklad-o-sostoyanii-i-osnovnyh.

REFERENCES

1. Bobrova N.A. Results of the Municipal Reform of 2014. *Munitsipalnaya sluzhba: pravovye voprosy*, 2018, no. 1, pp. 27–31.
2. Bazhenova O.I. Modern Problems of Municipal Power Organization in City Districts: Condition and Prospects. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2016, no. 7, pp. 54–66.
3. Taraban N.A. Local self-government in Russia: a civil society institution or a step in the power vertical? *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*, 2018, no. 3, pp. 44–49.
4. Shastina A.R. The defense of rights of local self-government: enforcement powers of a high authority of a constituent entity of the Russian Federation for the impeachment of the head of local administration. *Pravozashchitnaya deyatelnost organov gosudarstvennoy vlasti: problemy i perspektivy: materialy kruglogo*

- stola s mezhdunarodnym uchastiem*. Irkutsk, BGU Publ., 2012, pp. 166–169.
5. Slobodchikova S.N. On the constitutional law regulation of the principle of free elections in Russia. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*, 2019, no. 4, pp. 11–15.
  6. Viskulova V.V. About a “Competitive” Order of Municipality Heads Election: Two Years’ Practice Generalization. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2017, no. 6, pp. 26–37.
  7. Kiseleva N.V., Grechina L.A. The head of municipal entity: the question of competitive selection for the position. *Konsultant-Plyus: spravochno-pravovaya sistema*. URL: consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=104731#02789395597047537.
  8. Korosteleva M.V. Issues of Legal Regulation of Election of a Municipality Head. *Munitsipalnaya sluzhby: pravovye voprosy*, 2016, no. 3, pp. 11–14.
  9. Mikhaylova M.V., Pibaev I.A. The reflection summarizing the results of application of a “competitive” procedure of election of heads of municipal entities in Kirov region. *Administrativnoe i munitsipalnoe pravo*, 2018, no. 2, pp. 33–44.
  10. Malysenko V.A. On separate issues of electoral legislation in the republic of Buryatia. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*, 2017, no. 9, pp. 44–45.
  11. Telegin A.V. New Model of Local Authorities Formation within the Kursk Region. *Munitsipalnaya sluzhba: pravovye voprosy*, 2016, no. 1, pp. 11–14.
  12. Irkhin I.V. Legal Status of the Head of the Municipality: Actual Problem of Finding the Optimum. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2016, no. 3, pp. 18–27.
  13. RF. Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ (ed. of 02.08.2019) “Concerning the General Principles of the Organization of Local Government in the Russian Federation”. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2003, no. 40, st. 3822.
  14. Shugrina E.S. Some Peculiarities of the Legal Status of the Head of a Municipal Entity in the Materials of Judicial Practice. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*, 2018, no. 10, pp. 37–47.
  15. RF. The RF Constitutional Court judgment of 18.05.2011 No. 9-P “In the case of verification of constitutionality of the provisions of paragraph 1 of part 4 and part 5 of article 35 of Federal Law “Concerning the General Principles of the Organization of Local Government in the Russian Federation” in respect of appeal of the citizen N.M. Savostiyanov”. *Vestnik Konstitutsionnogo suda RF*, 2011, no. 4, pp. 1–3.
  16. RF. Appellation decision of Judicial Chamber on Administrative Cases of the Supreme Court of the RF of 02.11.2016 No. 58-APG16-9. *Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossiyskoy Federatsii*. URL: legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-02112016-n-58-apg16-9/.
  17. RF. Appellation decision of Judicial Chamber on Administrative Cases of the Supreme Court of the RF of 01.02.2017 No. 53-APG16-31. *Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossiyskoy Federatsii*. URL: legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-01022017-n-53-apg16-31/.
  18. RF. The RF Constitutional Court judgment of 01.12.2015 No. 30-P “In the case of verification of constitutionality of the provisions of parts 4, 5 and 5.1 of article 35, parts 2 and 3.1 of article 36 of Federal Law “Concerning the General Principles of the Organization of Local Government in the Russian Federation” and part 1.1 of article 3 of Law of Irkutsk region “Concerning some issues of formation of local government bodies of municipal entities of Irkutsk region” in respect of request of the group of State Duma Deputies”. *Vestnik Konstitutsionnogo suda RF*, 2016, no. 2, pp. 1–3.
  19. RF. The RF Constitutional Court judgment of 29.09.2011 No. 1319-O-O “Concerning the refusal to hear an appeal of the citizens Averkiev Igor Valerievich, Kovin Vitaly Sergeevich, etc. against violation of their constitutional rights by paragraph 1 of part 2 of article 36 of Federal Law “Concerning the General Principles of the Organization of Local Government in the Russian Federation”. *Konsultant-Plyus: spravochno-pravovaya sistema*. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121285/.
  20. RF. Appellation decision of Judicial Chamber on Administrative Cases of the Supreme Court of the RF of 02.11.2016 No. 58-APG16-9. *Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossiyskoy Federatsii*. URL: legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-02112016-n-58-apg16-9/.
  21. Vasilev V.I. On the Territorial Levels Issue of Local Government. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2017, no. 1, pp. 80–91.
  22. Kostyukov A.N. Counter-reform of local self-government as a state policy of humiliation of urban districts. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2015, no. 2, pp. 61–64.
  23. RF. Appellation decision of Judicial Chamber on Administrative Cases of the Supreme Court of the RF of 04.10.2017 No. 53-APG17-36. *Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossiyskoy Federatsii*. URL: legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-04102017-n-53-apg17-36/.
  24. RF. Appellation decision of Judicial Chamber on Administrative Cases of the Supreme Court of the RF of 22.11.2017 No. 9-APG17-23. *Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossiyskoy Federatsii*. URL: legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-22112017-n-9-apg17-23/.
  25. RF. Appellation decision of Judicial Chamber on Administrative Cases of the Supreme Court of the RF of 16.08.2017 No. 51-APG17-12. *Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossiyskoy Federatsii*. URL: legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-16082017-n-51-apg17-12/.
  26. The report on the status and main directions of development of local government in the Russian Federation. *Ministerstvo yustitsii Rossiyskoy Federatsii*. URL: minjust.ru/razvitie-federativnyh-otnosheniy-i-mestnogo-samoupravleniya/doklad-o-sostoyanii-i-osnovnyh.

THE ELECTIONS OF A HIGH AUTHORITY OF MUNICIPAL ENTITY: LEGAL MODELS

© 2019

A.V. Moiseev, senior lecturer of Chair “Constitutional and Administrative Law”

V.Yu. Moiseeva, PhD (Economics), assistant professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: municipal entity; head of municipal entity; representative body of municipal entity; municipal elections; citizens meeting; city district; municipal district; city district with intercity division; town settlement; rural settlement.

Abstract: The elections of heads of municipal entities are one of the relevant and much-debated problems in the sphere of local self-government. The election of high authority of a municipal entity by the representative body of the municipal entity based on the results of competitive selection causes many disputes and complaints of the scientific community.

The authors carried out the analysis of the ways of electing the head of a municipal entity embodied in Federal Law No.131-FZ. The analysis focuses on the consideration of the competitive method of electing the head of a municipal entity, its identity with the procedure for appointing the head of a local administration. The analysis of current federal, regional, and local legislation allowed identifying the legal models for the election of high authorities of municipal entities for the municipal entities of the upper and lower territorial levels.

The analysis identified that the heads of municipal entities of the upper territorial level, i. e. city districts and municipal districts are elected alternatively and non-alternatively. The heads of city districts with the intercity division are elected by clear-choice elections by the representative body of a municipal entity based on the results of competitive selection or by the representative body of a municipal entity from among its members. The laws of constituent entities of the Russian Federation provide for the alternative way to elect the heads of intercity municipal entities in federal cities. The heads of municipal entities of the lower territorial level are elected alternatively and non-alternatively as well.

The authors conclude that the state increasingly frequently participates in the organization of local self-government bodies, and among other things, this participation is reflected in the election of the high authority of a municipal entity through the competitive selection.

**ПРОТОКОЛЬНАЯ ФОРМА ДОЗНАНИЯ КАК ВОЗМОЖНАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА
ПРОИЗВОДСТВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ,
ПОДПАДАЮЩИХ ПОД КАТЕГОРИЮ УГОЛОВНЫХ ПРОСТУПКОВ**

© 2019

*А.В. Мурузиди, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)*

Ключевые слова: преступление; уголовный проступок; уголовно-процессуальная форма; протокольная форма рассмотрения; дознание в сокращенной форме.

Аннотация: В связи с внесением в Государственную думу РФ проекта поправок в Уголовный кодекс РФ и предложения признать преступления небольшой тяжести, за совершение которых не предусматривается наказание в виде лишения свободы, уголовным проступком, встает вопрос о том, в какой процессуальной форме будет вестись производство по данной категории уголовных дел. Законодатели подразумевают, что осуществление дознания по указанной категории дел может вестись в форме простого либо сокращенного дознания. Использование простого дознания при расследовании указанной категории уголовных дел не вызывает особых сомнений, но использование сокращенной формы производства дознания по преступлениям, которые могут быть отнесены к категории уголовных проступков, представляется спорным.

В статье рассматривается вопрос о необходимости совершенствования досудебного производства в связи с возможным введением в российское уголовное законодательство понятия «уголовный проступок» и отнесением к указанной категории дел о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности. Обосновывается необходимость и социальное значение введения в российское уголовное судопроизводство протокольной формы дознания по делам о малозначительных преступлениях, которые было бы целесообразно выделить в категорию уголовного проступка.

Автор, обращаясь к истории российского уголовно-процессуального законодательства и современному европейскому уголовному праву, обосновывает вывод о том, что ведение дознания по делам, не представляющим большой общественной опасности, в протокольной форме своевременно и целесообразно, особенно если в уголовное право будет введено понятие «уголовный проступок». В связи с этим необходимо утвердить ранее существовавшую в уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР и РФ и существующую в европейском уголовном процессе форму дознания – протокольную форму производства следственных действий.

ВВЕДЕНИЕ

В 2015 году президент страны В.В. Путин своим Посланием к Федеральному Собранию РФ дал старт декриминализации ряда статей УК РФ, отметив, что закон должен быть суров к совершившим тяжкое преступление и гуманен к оступившимся. Учтя Послание Президента к Федеральному Собранию РФ, в октябре 2017 года Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017 № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка"» выступил с инициативой ввести в российское право категорию «уголовный проступок». Эту инициативу поддержали уполномоченный по правам человека в РФ Т.Н. Москальков, председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев [1], заместитель генерального прокурора РФ Л.Г. Коржинек и заместитель министра юстиции А.Д. Алханов [2]. Хотя поправка еще окончательно не принята и споры по этому поводу не окончены, требуется исследовать вопрос о возможной процессуальной форме оформления и рассмотрения указанной категории дел, тем более что дебаты о создании оптимальной модели досудебного производства по уголовным делам, не представляющим большой общественной опасности, ведутся давно. Создание такой модели обусловлено объективной необходимостью рационально использовать силы и средства органов предварительного расследования при производстве по делам о преступ-

лениях небольшой и средней тяжести, в связи с нецелесообразностью использования такого же процессуального ресурса при производстве по делам о незначительных и очевидных преступлениях, как и при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений [3]. Для повышения эффективности досудебного производства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, в связи с возможным введением в уголовное право категории уголовных проступков, к которым предполагается отнести примерно 80 составов преступлений из особенной части Уголовного кодекса РФ, появилась острая необходимость введения в российское уголовное судопроизводство такой формы дознания, как протокольная форма подготовки материалов, которая существовала в прошлом в советском уголовном праве и существует в европейском законодательстве, а также в законодательстве некоторых постсоветских республик [4].

Цель исследования – обоснование необходимости введения в российское уголовно-процессуальное законодательство ранее существовавшей процессуальной формы досудебного производства – протокольной формы производства следственных действий при рассмотрении уголовных дел небольшой и средней тяжести, подпадающих под категорию уголовных проступков.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

31.10.2017 на Пленуме Верховного Суда РФ приняты постановление о внесении в Государственную Думу РФ проекта поправок в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ. В ст. 15 УК РФ было предложено внести ч. 2 следующего содержания: «Преступление

небольшой тяжести, за которое в УК РФ не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, признать уголовным проступком». Деление деяний на преступления и проступки предусмотрено в уголовном законодательстве ряда бывших республик СССР, в уголовном законодательстве европейских стран, некоторых стран Балтии. В связи с введением указанного понятия встает вопрос о процессуальной форме досудебного рассмотрения дел об уголовных проступках. Выбирая процессуальную форму рассмотрения указанной категории дел, следует учитывать специфику их правовой природы, которая включает в себя характеристику общественной опасности деяния и характер юридической ответственности. Процессуальная форма производства при рассмотрении такой категории дел должна усложняться в зависимости от степени общественной опасности содеянного, а также вида и размера наказания за совершенное [5].

В европейских странах, в частности в ФРГ, процессуальной формой досудебного производства по делам, в которых наказание не превышает трех месяцев лишения свободы, законодательно закреплен институт судебного приказа, так называемый «приказ о наказании» [6]. В УПК Франции в делах об уголовных проступках предусмотрены две формы заочного судебного разбирательства: 1) заочное разбирательство, которое приравнено по характеру юридических последствий к судебному разбирательству при непосредственном участии в нем подсудимого; 2) особое заочное производство в случае отсутствия подсудимого или его неявки в суд без указания на то причин [7]. В США существует суммарное (упрощенное) производство по преступлениям, которые не представляют существенной опасности [6]. В УПК Казахстана досудебное производство по делам об уголовных проступках ведется в протокольной форме и предусмотрено диспозицией ст. 526 [8].

Еще в дореволюционной России существовала протокольная форма расследования полицией преступлений, которые не обладали признаком значительной опасности; для которых был очевиден факт противоправного деяния; его доказывание не представляло сложности. В 1860 году был принят «Закон о судебных следователях». После принятия указанного закона, а также Устава уголовного судопроизводства в 1864 году и Инструкции прокурора Московской судебной палаты г. Степанова в 1909 году расследование уголовных дел о преступлениях и проступках было возложено на полицию и производилось путем дознания. Таким образом, процессуальной формой расследования полицией уголовных правонарушений являлось дознание [9]. В ст. 252 Устава уголовного судопроизводства написано: «Когда ни судебного следователя, ни прокурора или его товарища нет на месте, то полиция, сообщая им о происшествии, заключающем в себе признаки преступного деяния, вместе с тем производит надлежащее о нем дознание» [10, с. 13–14]. Дознание производилось с соблюдением правил, составленных для производства предварительного следствия. Важной составляющей производства дознания являлась его форма фиксации – согласно вышеупомянутой Инструкции все сведения, которые были собраны в ходе дознания, записывались в протокол, где указывались источники получения доказательств. В п. 21 Инструкции было записано, что «для

чинов полиции вполне достаточно, если они укажут виновных, подозреваемых, причины подозрения, лиц, могущих дать положительные и полезные для дела показания и в каком смысле» [11, с. 205].

Протокольная форма по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести существовала в России по УПК РСФСР 1960 года (гл. 34, раздел 9, ст. 414–419 УПК РСФСР). Эта форма применялась в отношении известного лица при решении дел о преступлениях небольшой сложности, прописанных в ст. 414 УПК РСФСР, назначаемое наказание за которые не превышало четырех лет лишения свободы. При рассмотрении дел, указанных в ст. 414 УПК РСФСР, на основании ст. 415 УПК РСФСР органы дознания в 10-дневный срок устанавливали все обстоятельства совершенного преступления и личность правонарушителя, производили все необходимые следственные мероприятия, составляли протокол об обстоятельствах совершенного преступления и направляли протокол после его составления начальнику органа дознания. Начальник органа дознания, рассматривая протокол, принимал решение о применении к правонарушителю мер общественного воздействия и после согласования с прокурором передавал материал в комиссию по делам несовершеннолетних либо передавал правонарушителя на поруки трудовому коллективу или общественной организации для перевоспитания и исправления. Если указанные меры не применялись, то начальник органа дознания с санкции прокурора направлял протокол в суд.

С выходом в 1985 году Указа Президиума Верховного Суда РСФСР о введении в уголовный процесс протокольной формы досудебной подготовки материалов порядок производства стал упрощенным и применялся по уголовным делам о преступлениях, не представляющих повышенной опасности и совершенных в условиях очевидности [12]. К 1996 году протокольная форма досудебного производства применялась в отношении 40 составов преступлений и позволяла быстро и эффективно раскрывать преступления небольшой тяжести, проводить всестороннюю проверку всех обстоятельств дела, оперативно осуществлять сбор сведений о лице, привлекаемом к ответственности. За 1995–1996 годы в суд было направлено порядка 300 000 уголовно наказуемых деяний, что говорит об эффективности ведения дознания в протокольной форме.

Основная задача существовавшей протокольной формы досудебной подготовки материалов заключалась в максимальном приближении наказания к моменту совершения преступления, что актуально и сейчас, когда важно рационально использовать силы и средства органов предварительного расследования при производстве по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести и о защите прав потерпевшего. Ведение дознания в протокольной форме по указанным уголовным делам обеспечивает права потерпевшего на скорейший доступ к правосудию и возмещению причиненного вреда. Сегодня срок предварительного следствия с последующим судебным разбирательством уголовных дел до момента вступления в силу приговора составляет примерно 5 месяцев, а дознания – около 3 месяцев. Такое положение дел снижает эффективность уголовного правосудия в отношении преступника, а также затрудняет реализацию прав потерпевших на доступ

к правосудию и возмещение вреда, причиненного преступлением, закрепленных в ст. 52 и 53 Конституции РФ. Срок производства по делу в протокольной форме составлял 10 дней. При необходимости избрания меры пресечения в виде подписки о невыезде или содержания под стражей досудебное производство осуществлялось в форме дознания или предварительного следствия. Окончанием производства являлся момент составления протокола об обстоятельствах совершенного деяния. Это был итоговый процессуальный документ, по значению равный обвинительному заключению. В протоколе излагали все обстоятельства дела. Протокол для ознакомления предоставляли правонарушителю с отметкой об этом в протоколе. После ознакомления правонарушитель расписывался в протоколе. Правонарушитель имел право заявлять ходатайства, которые рассматривались начальником органа дознания. После этого протокол направлялся вместе с материалами дела прокурору, который после рассмотрения протокола мог: санкционировать его направление в суд; выявив обстоятельства, требовавшие расследования, возбудить уголовное дело и направить его в органы, осуществляющие предварительное расследование (следствие или дознание); обнаружив обстоятельства, исключающие производство по делу, прекратить его; при неполноте сбора материалов отправить дело дознавателю для проведения дополнительной проверки; в случае невозможности устранения выявленных недостатков в 10-дневный срок возбудить уголовное дело и направить его для производства следственных действий дознавателю либо следователю [13]. Наличие протокольной формы гарантировало минимальный промежуток времени с момента совершения преступления и момента отправления правосудия, что отвечало требованиям международных стандартов в области уголовного правосудия и способствовало немалой экономии федеральных бюджетных средств. [14]. «Протокольная форма расследования является оптимальной формой сокращенного производства по делам о незначительных преступлениях на фоне происходящего в отечественном уголовном процессе упрощения громоздких процедур досудебного производства» [15, с. 47], с чем нельзя не согласиться. Производить дознание в протокольной форме имели право участковые уполномоченные и оперуполномоченные милиции. Дознание производилось незамедлительно, в течение 24 часов с момента регистрации сообщения о преступлении без возбуждения уголовного дела. Расследование производили в отношении конкретного лица по признакам преступления, при признании подозреваемым факта совершенного деяния, причиненного вреда и его согласии с правовой оценкой содеянного. Срок расследования в условиях очевидности не превышал 3 суток. Все проводимые следственные действия строго фиксировались в протокольной форме.

В настоящее время участковые уполномоченные полиции, не являясь органом дознания, производят следственные мероприятия по так называемым материалам проверок в полном объеме, вне зависимости от того, содержится в материале сообщение о малозначительном деянии или о тяжком преступлении. После того, как материал собран, он передается в органы предварительного расследования (следствие или дознание), где вся процедура сбора и фиксации доказательств, ранее

полученных участковым уполномоченным полиции, повторяется, что затягивает следствие и лишает потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления права на скорейший доступ к правосудию. Введение протокольной формы дознания устранило бы имеющиеся противоречия и нарушения УПК РФ. К тому же интервьюирование действующих сотрудников подразделения дознания г. Тольятти, имеющих опыт расследования преступлений как в сокращенной, так и в протокольной форме, показало, что они отдают предпочтение протокольной форме подготовки материалов уголовного дела. Согласно статистическим данным ОВД г. Тольятти, в настоящее время сокращенная форма дознания практически не используется сотрудниками подразделения дознания, за исключением уголовных дел, предусмотренных ст. 322.3 УК РФ, – только потому, что согласно указанной статье в этих делах потерпевшим выступает государство, а не конкретное физическое лицо.

В суде материалы дела, подготовленные в протокольной форме, судья рассматривал единолично и по их рассмотрении возбуждал дело либо отказывал в его возбуждении. Хотя впоследствии такая форма рассмотрения протокольных дел была признана противоречащей Конституции РФ (Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края»). С этим можно согласиться, так как суд, являясь органом правосудия, не должен обладать обвинительными функциями и возбуждать уголовные дела [16].

Использование протокольной формы ведения такой категории дел, как уголовный проступок, ускорило бы производство по этим делам и удешевило судебное производство, так как это дела небольшой тяжести, совершенные в условиях очевидности, установление фактических обстоятельств которых не вызывает затруднений.

Конечно, можно сослаться на то, что у протокольной формы есть определенная схожесть с порядком производства по делам об административных правонарушениях, а данная форма не соответствует специфике уголовного процесса. К тому же в УПК РФ имеется сокращенная форма дознания, которая в чем-то схожа с протокольной формой (усеченный объем доказывания, сокращенные сроки этого дознания). Но чтобы начать производство дознания в сокращенной форме, требуется ходатайство об этом подозреваемого, а также должны быть соблюдены следующие условия:

- должно быть возбуждено уголовное дело в отношении конкретного лица;
- подозреваемый должен полностью признать свою вину, характер и размер причиненного вреда и согласиться с правовой оценкой инкриминируемого ему деяния;
- потерпевший должен дать согласие на производство дознания в сокращенной форме [17].

Протокольная форма ведения расследования не предусматривала возбуждение уголовного дела, расследование велось в отношении известного лица, совершившего преступление в условиях очевидности, и на проведение расследования не требовалось согласия сторон – потерпевшего и правонарушителя. Конечно, у данной формы имелись и недостатки: она в какой-то

мере возлагала обязанности по расследованию преступления и принятия по нему решения на суд; не позволяла участникам уголовного производства в полной мере пользоваться правами, предусмотренными для участников уголовного судопроизводства уголовно-процессуальным законодательством. На существование данных недостатков указывают многие законодатели [18]. ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» учел замечания и недостатки, выявленные законодателями в существовавшей протокольной форме предварительного расследования, и основные положения постановления Конституционного суда Российской Федерации от 28.10.1996 № 19-П, а именно: возбуждение уголовного дела судом; невозможность задержания подозреваемого и избрания в отношении него мер пресечения; ограничение прав подозреваемого; отсутствие защитника при производстве дознания и т. д., и разработал проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в УПК РФ», в котором предлагается дополнить УПК РФ главой 21.1 «Протокольная форма предварительного расследования» [19]. Проект содержит следующие предложения: закрепить право возбуждения уголовного дела за дознавателем или органом дознания по результатам проверки; предоставить возможность дознавателю применять к задержанному по подозрению в преступлении мер пресечения; наделить подозреваемого правами, предусмотренными ст. 46 УПК РФ, включив сюда право на помощь защитника с момента начала проверки [20].

Несмотря на недостатки, выявленные у протокольной формы предварительного расследования, с учетом возможности введения такой категории преступлений, как уголовные проступки, и наличия преимуществ протокольной формы досудебной подготовки материалов перед формой сокращенного дознания, назрела необходимость рассмотреть переход на протокольную форму дознания вместо упрощенной формы.

ВЫВОДЫ

1. Досудебное производство по делам, подпадающим под категорию «уголовный проступок», должно вестись в протокольной форме, наиболее подходящей для указанной категории дел. Для этого требуется включить в УПК РФ главу 32.2 с соответствующими основаниями и условиями, взяв за образец ранее существующие в УПК РСФСР нормы, диспозицию ст. 526 УПК Республики Казахстан «Протокольная форма досудебного расследования», учитывая при этом европейскую практику ведения таких дел, либо на основании упомянутого выше проекта федерального закона включить в УПК РФ главу 21.1 «Протокольная форма предварительного расследования» с прописанными в ней нормами. При этом возможно не исключать форму сокращенного дознания из УПК РФ и оставить ее в качестве альтернативы полному дознанию.

2. Упрощенная форма судопроизводства в виде протокольной формы по делам, подпадающим под категорию «уголовный проступок», должна осуществляться при сохранении уголовно-процессуальных гарантий объективности, полноты, беспристрастности судебного разбирательства при условии соблюдения рационализации и экономичности судебного процесса.

3. В связи с тем, что на основании ст. 40 УПК РФ сотрудники оперативных подразделений полиции непосредственно относятся к органам дознания, а сотрудники службы участковых уполномоченных полиции – к территориальным органам дознания, закрепить в п. «и» ст. 38 УПК РФ положение, согласно которому расследованием уголовных дел в протокольной форме по делам, совершенным в условиях очевидности и не требующим предварительного расследования, по поручению следователя могли бы заниматься участковые уполномоченные полиции и сотрудники органов дознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Куликов В. Не судите строго // Российская газета. 2016. № 7416.
- Куликов В. Накажут, но не осудят. Число осужденных может сократиться на сто тысяч человек в год // Российская газета. 2018. № 7477.
- Безумова О.Ю. Декриминализация отдельных статей уголовного кодекса РФ как один из актуальных вопросов Послания Президента РФ Федеральному Собранию // Реализация Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 года: материалы межвузовской научно-практической конференции. Челябинск: Цицеро, 2016. С. 30–35.
- Копшева К.О. Об уголовном проступке в уголовном законодательстве России // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы XV Международной научно-практической конференции. Т. 3. Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2018. С. 230–232.
- Герасенков В.М., Герасенкова О.А. Дифференциация форм дознания в российском уголовном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2017. № 2. С. 136–140.
- Науменко О.А. Сравнительно-правовой анализ регламентации дознания в зарубежном и национальном законодательстве // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4. С. 73–76.
- Хупсергенов Х.М. Протокольная форма досудебной подготовки материалов по уголовным делам: взгляд в прошлое // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 97–100.
- Алембаев К.О. Понятие уголовного правонарушения в законодательстве Республики Казахстан // Современная молодежь и вызовы экстремизма и терроризма в России и за рубежом: сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2019. С. 116–120.
- Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. 9-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. 186 с.
- Гаврилов Б.Я. Протокольная форма досудебного производства - генезис, современное состояние, перспективы развития // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 12–18.
- Гирько С.И., Скударева Н.И. Прошлое, настоящее и перспективы развития досудебного производства в форме дознания в уголовном процессе России //

- 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: материалы международной научно-практической конференции. Ч. 1. М.: Академия управления МВД России, 2014. С. 200–215.
12. Алексеев Н.С., Беляев Н.А., Грабовская Н.П., Домашин С.А., Карпец И.И., Лейкина Н.С., Лясс Н.В., Санталов А.С., Слуцкий И.И., Смирнов В.Г., Солодкин И.И., Филановский И.Г., Шаргородский М.Д. Советское уголовное право. Часть общая. Л.: Ленингр. ун-т, 1960. 587 с.
  13. Карягина О.В. История становления института дознания в уголовном процессе России // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2016. № 1. С. 65–67.
  14. Махов В.Н. Особенности досудебного производства в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2015. № 1. С. 24–28.
  15. Насонова И.А., Зотова М.В. Протокольная форма досудебной подготовки материалов как базовая модель для дознания в сокращённой форме // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 2. С. 47–53.
  16. Перетятко Н.М. Развитие правового регулирования процедуры расследования преступлений в форме дознания // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2015. № 2. С. 38–42.
  17. Хисамутдинов Ф.Р. Сокращённое дознание: быть или не быть // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1. С. 234–236.
  18. Шайдуллина Э.Д. Дознание в сокращённой форме и протокольная форма досудебной подготовки материалов уголовного дела: сравнительно-правовой анализ // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4. С. 128–130.
  19. Гирько С.И., Костылева Г.В., Осипов Д.В., Цоколова О.И. Проект Федерального закона о протокольной форме расследования преступлений // Научный портал МВД России. 2014. № 3. С. 5–8.
  20. Гирько С.И. Ускоренное дознание: каким путём идти дальше? // Научные труды ФКУ НИИ России: научно-практическое ежеквартальное издание. Тверь: НИИ ИТ ФСИН, 2019. С. 17–27.
  21. *problemy nauki i praktiki: materialy XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Tolyatti, Volzhskiy universitet imeni V.N. Tatishcheva Publ., 2018. Vol. 3, pp. 230–232.
  5. Gerasenkov V.M., Gerasenkova O.A. Differentiation of forms of inquiry in the Russian criminal trial. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2017, no. 2, pp. 136–140.
  6. Naumenko O.A. Comparative legal analysis of the regulation of inquiry in international and national legislation. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2018, no. 4, pp. 73–76.
  7. Khupsergenov Kh.M. The protocol form of pre-trial preparation of criminal cases: hark back to the past. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2015, no. 8, pp. 97–100.
  8. Alembaev K.O. The concept of criminal offense in the legislation of the Republic of Kazakhstan. *Sovremennaya molodezh i vyzovy ekstremizma i terrorizma v Rossii i za rubezhom: sbornik materialov Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2019, pp. 116–120.
  9. Sergievskiy N.D. *Russkoe ugovolnoe pravo. Posobie k lektsiyam. Chast obshchaya* [Russian criminal law. Manual for lectures. General part]. 9th ed. Sankt Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha Publ., 1911. 186 p.
  10. Gavrilov B.Ya. Protocol form of pre-trial proceedings – genesis, the current state and prospects of development. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2016, no. 5, pp. 12–18.
  11. Girko S.I., Skudareva N.I. The past, present and prospects for future development of the pre-trial procedure in the form of inquiry in the criminal process of Russia. *150 let Ustavu ugovolnogo sudoproizvodstva Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya ugovolno-protsessualnogo zakonodatelstva: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow, Akademiya upravleniya MVD Rossii Publ., 2014. Ch. 1, pp. 200–215.
  12. Alekseev N.S., Belyaev N.A., Grabovskaya N.P., Domakhin S.A., Karpets I.I., Leykina N.S., Lyass N.V., Santalov A.S., Slutskiy I.I., Smirnov V.G., Solodkin I.I., Filanovskiy I.G., Shargorodskiy M.D. *Sovetskoe ugovolnoe pravo. Chast obshchaya* [Soviet criminal law. Part common]. Leningrad, Leningr. un-t Publ., 1960. 587 p.
  13. Karyagina O.V. The history of the inquiry institute in the criminal process of Russia. *Vestnik Taganrogskego instituta upravleniya i ekonomiki*, 2016, no. 1, pp. 65–67.
  14. Makhov V.N. Preliminary investigation in criminal procedure of Russian Federation. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2015, no. 1, pp. 24–28.
  15. Nasonova I.A., Zotova M.V. Protocol form of pre-trial preparation of materials as the basic model for inquiry in abbreviated form. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2017, no. 2, pp. 47–53.
  16. Peretyatko N.M. Development of legal regulation procedures investigation of crimes in the form of inquiry. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskie nauki*, 2015, no. 2, pp. 38–42.

REFERENCES

1. Kulikov V. Do not judge strictly. *Rossiyskaya gazeta*, 2016, no. 7416.
2. Kulikov V. They will punish but not convict. The number of convicts can be reduced by one hundred thousand people per year. *Rossiyskaya gazeta*, 2018, no. 7477.
3. Bezumova O.Yu. Decriminalization of some articles of the RF Criminal Code as one of the relevant issues of the President's Address to the Federal Assembly of the Russian Federation. *Realizatsiya Poslaniya Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federalnomu Sobraniyu ot 3 dekabrya 2015 goda: materialy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Chelyabinsk, Tsitsero Publ., 2016, pp. 30–35.
4. Kopsheva K.O. About criminal offense in the criminal legislation of Russia. *Tatishchevskie chteniya: aktualnye*

17. Khisamutdinov F.R. Short inquiry: to be or not to be. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2012, no. 1, pp. 234–236.
18. Shaydullina E.D. Inquiry in the reduced form and protocol form of pre-judicial preparation of the criminal case file: comparative and legal analysis. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik*, 2017, no. 4, pp. 128–130.
19. Girko S.I., Kostyleva G.V., Osipov D.V., Tsokolova O.I. Project of the federal law on protocol form of investigating crimes. *Nauchnyy portal MVD Rossii*, 2014, no. 3, pp. 5–8.
20. Girko S.I. Expedited inquiry: which way to go next? *Nauchnye trudy FKU NII Rossii: nauchno-prakticheskoe ezhekvartalnoe izdanie*. Tver, NII IT FSIN Publ., 2019, pp. 17–27.

**PROTOCOL FORM OF INQUIRY AS A POSSIBLE PROCEDURAL
FORM OF PROCEEDINGS WHEN CONSIDERING CASES FALLING
UNDER THE CATEGORY OF CRIMINAL OFFENSES**

© 2019

A. V. Muruzidi, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: crime; criminal offense; criminal procedural form; protocol form of consideration; inquiry in the reduced form.

Abstract: Draft amendments to the RF Criminal Code submitted to the RF State Duma and the suggestions to recognize minor crimes, not providing for the punishment in the form of imprisonment, as a criminal offense, raise a question in what procedural form the proceedings in criminal cases of the specified category will be conducted. The legislators imply that the inquiry in this category of cases can be carried out in the form of a simple or reduced inquiry. The use of a simple inquiry when investigating criminal cases of this category is in no doubt but the use of a reduced form of the inquiry on crimes recognized as a criminal offense is questionable.

The paper discusses the necessity to improve the pre-trial proceedings regarding the possible introduction of the concept of “criminal offense” into the Russian criminal legislation and qualification of crimes not posing a high risk to the public as the cases of specified category. The paper proves the necessity and social significance of introducing the protocol form of inquiry in the cases of minor crimes, which it would be advisable to qualify as a criminal offense, into the Russian criminal proceedings.

Referring to the history of Russian criminal procedural law and modern European law, the author proves the conclusion that the conduct of inquiry in cases not posing a high risk to the public in the protocol form is timely and appropriate, especially if the concept of “criminal offense” will be introduced into the criminal law. In this regard, it is necessary to validate the inquiry form formerly existed in the criminal procedure legislation of the RSFSR and the RF and existing in the European criminal procedure – a protocol form of investigative actions.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

© 2019

С.М. Пикалов, магистрант*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)*

Ключевые слова: уголовный процесс; возбуждение уголовного дела; доследственная проверка; следственные действия.

Аннотация: В настоящее время существует необходимость решения создаваемых стадией возбуждения уголовного дела проблем, связанных с ущемлением прав граждан – как потерпевших, так и заподозренных в совершении преступления. Законодатель, внося многократные и непоследовательные изменения в нормативно-правовые акты, касающиеся стадии возбуждения уголовного дела, создал предпосылки для научной дискуссии о цели доследственной проверки и ее месте в современном уголовном процессе.

В статье отражены исторические этапы становления стадии возбуждения уголовного дела от Устава уголовного судопроизводства 1864 года до УПК РСФСР 1960 года, а также рассмотрены взгляды авторов концепции судебной реформы в РСФСР от 24 октября 1991 года. Показана трансформация начального этапа уголовного судопроизводства из полицейского дознания, как части предварительного расследования, в самостоятельную стадию уголовного процесса. Рассмотрено современное состояние института доследственной проверки, определены актуальные проблемы правоприменительной практики и предпосылки к их возникновению. Проанализированы мнения исследователей насчет проблемы использования в качестве доказательств сведений, полученных непроцессуальными способами. Обозначены позиции исследователей относительно возможных направлений развития стадии возбуждения уголовного дела.

По результатам проведенного исследования сделан вывод об изначальном предназначении института возбуждения уголовного дела, определены актуальные проблемы, присущие данному этапу уголовного судопроизводства, а также сформулированы предложения по совершенствованию стадии возбуждения уголовного дела путем изменения сроков предварительной проверки, корректировки количества доступных на рассматриваемом этапе средств познания и переосмысления понятия «основание для возбуждения уголовного дела».

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время процедура доследственной проверки, непосредственно влияющей на результат рассмотрения заявления, является одной из наименее определенных составляющих уголовного судопроизводства. Это отражается в неясности процессуального статуса участников стадии возбуждения уголовного дела, арсенала допустимых на данной стадии средств познания, целей и задач доследственной проверки и в прочих аспектах.

Законодатель в целях решения возникавших проблемных вопросов с 2001 года многократно вносил изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК), однако попытки оптимизации уголовно-процессуального права не только не устранили проблем, присущих начальному этапу уголовного судопроизводства, но еще больше усугубили их. Эти противоречия обусловили появление множества разных мнений исследователей насчет места доследственной проверки в отечественном уголовном процессе и возможных направлений ее развития.

Некоторые авторы полагают, что стадию возбуждения уголовного дела целесообразно упразднить. Аргументируя свою позицию, авторы указывают на негативные последствия смещения центра доказывания в стадию возбуждения уголовного дела, размытие института допустимости доказательств, а также современную тенденцию укрывать преступления от регистрации при прогнозируемых сложностях в их расследовании [1–3].

Другие исследователи выступают за дальнейшее расширение полномочий органов дознания и предварительного расследования на начальном этапе уголовного судопроизводства, обосновывая это необходимостью

защиты граждан от необоснованного уголовного преследования и эффективностью процедуры проведения доследственной проверки процессуальными способами [4–6]. Упразднение же стадии возбуждения уголовного дела повлечет за собой, по мнению исследователей, массовые нарушения прав граждан в виде незаконного вовлечения в орбиту уголовного судопроизводства [7; 8], увеличит нагрузку на следственный аппарат [6; 8], приведет к значительному повышению расходов бюджета [9; 10].

По нашему мнению, в настоящее время существует потребность в поиске сути первоначального этапа уголовного судопроизводства и разработке такой модели стадии возбуждения уголовного дела, которая могла бы наилучшим образом соответствовать ее предназначению. В этой связи было проведено исследование пути становления начального этапа уголовного судопроизводства.

Цель работы – исследование этапов становления стадии возбуждения уголовного дела и выработка предложений по ее совершенствованию.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нечеткость правового регулирования уголовного процесса в сочетании с отсутствием единого подхода правоприменителей к толкованию правовых норм влечет за собой существенное количество проблем. Это, в свою очередь, приводит к внесению в закон многочисленных, нередко противоречащих друг другу изменений. Сказанное в полной мере касается и стадии возбуждения уголовного дела.

В юридической литературе понятие «возбуждение уголовного дела» означает как сам процессуальный акт

возбуждения уголовного дела в порядке, установленном ст. 146 УПК, так и первоначальный этап уголовного процесса, направленный на рассмотрение заявлений и сообщений о преступлении (далее – заявление) в целях принятия соответствующего процессуального решения. В контексте настоящей статьи предлагается понимать возбуждение уголовного дела как самостоятельную стадию уголовного судопроизводства.

Полицейское дознание как способ предварительной проверки сообщений о преступлениях в условиях судебной реформы Александра II. В Уставе уголовного судопроизводства 1864 года (далее – устав) возбуждение уголовного дела не выделено в отдельный этап (стадию). Доследственной проверкой в то время было полицейское дознание.

Устав предписывал проводить расследование только при наличии законного повода и достаточных оснований (ст. 262). Законные поводы были перечислены в уставе и мало чем отличались от современных. В то же время определение достаточности оснований, как и сейчас, отсутствовало. В частности, ст. 303 устава провозглашала достаточным поводом для инициирования уголовного преследования обычной жалобы, причем указывалось на недопустимость отказа правоприменителей в производстве предварительного расследования (ст. 303). Однако ключевым отличием доследственной проверки по уставу от проверки по УПК являлось то, что для начала предварительного расследования не требовалось составления особого процессуального документа.

Первичная проверка информации о преступлении, полученной из сомнительных источников, производилась в форме полицейского дознания «посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением» (ст. 254), то есть в непроцессуальной форме. При этом производство «обысков и выемок» запрещалось. Другими словами, законодатель не допускал проведение действий, связанных с принуждением, до начала расследования.

Полученная в ходе полицейского дознания информация докладывалась судебному следователю и являлась достаточным основанием для организации расследования (ст. 297). Фактически полицейское дознание играло роль доследственной проверки по делам, относящимся к компетенции судебного следователя, при этом главной задачей полицейского дознания являлась фильтрация заведомо ложных сообщений.

Возбуждение производства по уголовному делу в послереволюционном СССР. Стадия возбуждения уголовного дела, как самостоятельный этап, впервые появилась в УПК РСФСР 1922 года. Новелла получила название «Возбуждение производства по уголовному делу». При этом самостоятельный процессуальный документ, означавший начало процесса уголовного преследования, не составлялся.

В УПК РСФСР 1923 года «возбуждение производства по уголовному делу» сохранилось, в целом, без изменений, вся проверка по факту заявления по-прежнему сводилась к его анализу (ст. 95). В случае наличия в заявлении указаний на признаки преступления, должностными лицами возбуждалось производство по уголовному делу (ст. 96).

Таким образом, изначальная суть доследственной проверки как по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года, так и по УПК 1923 года – это фильтрация поводов, не сопровождающихся достаточными основаниями для возбуждения уголовного дела. При этом возбуждение уголовного дела считалось начальным моментом уголовного преследования, и ему не придавалось самостоятельного значения, составления специального документа для начала предварительного расследования не требовалось.

На территории СССР в 20-30-х годах прошлого столетия были нередкими случаи необоснованного возбуждения производства по уголовным делам и применения мер принуждения исходя из ложно понятых интересов службы или по иным личным мотивам должностных лиц органов ОГПУ и милиции. В целях пресечения произвола правоохранительных органов был установлен запрет проводить аресты лицам, не уполномоченным на то законом. В свою очередь уполномоченные законом следователи могли производить арест только с санкции прокурора [11].

Становление стадии возбуждения уголовного дела как самостоятельного этапа уголовного судопроизводства. С развитием советской юриспруденции ученые высказывали мнение о том, что в целях соблюдения гарантий прав граждан недопустимо производить дознание или расследование до возбуждения уголовного дела. При этом возбуждению уголовного дела обязательно должен сопутствовать соответствующий процессуальный документ – постановление о возбуждении уголовного дела. До составления постановления недопустимо собирать доказательства по уголовному делу или каким-либо образом ограничивать права и свободы граждан [4].

В этой связи А.Я. Вышинский на первом Всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников рекомендовал установить, что «...возбуждение уголовного дела, а также начало расследования должно иметь место лишь по мотивированному постановлению соответствующих следственных органов, утвержденному прокурором» [12, с. 28]. Принятые меры были направлены на предупреждение необоснованного вовлечения граждан в орбиту уголовного судопроизводства.

Стадия возбуждения уголовного дела впервые была закреплена в известной нам форме в УПК РСФСР 1960 года. Статьями 109 и 112 кодекса были определены порядок и сроки проведения проверочных мероприятий по факту заявления, а также порядок возбуждения уголовного дела. Особенностью новой стадии стало наличие средств познания, не связанных с производством следственных действий, таких, как истребование материалов и получение объяснений (ст. 109 УПК РСФСР). Представляется, что именно с этого времени в УПК появились квазипроцессуальные процедуры, осуществляемые не в рамках уголовного процесса.

При этом именно в УПК образца 1960 года были закреплены нормы, негативно влияющие на эффективность осуществления уголовного судопроизводства. Так, согласно ст. 108 УПК, дело не могло быть возбуждено только при наличии повода – необходимо было установить основания для его возбуждения, то есть правоприменителям требовалось не просто получить

информацию о преступном деянии, но и убедиться в наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Отсутствие в законе четкого определения достаточности данных привело к тому, что следственная проверка вышла за пределы проверки повода для возбуждения уголовного дела и стала представлять собой суррогат предварительного расследования. Ситуацию усугубляло наличие специального акта, означавшего запуск процесса уголовного преследования – постановления о возбуждении уголовного дела. Момент утверждения этого акта прокурором занимает важное место в системе целевых показателей и ведомственных оценок эффективности деятельности органов дознания и предварительного расследования (так называемая «палочная система»).

Совокупность данных факторов повлекла за собой стремление органа дознания уже на стадии следственной проверки установить признаки состава преступления на уровне достоверности. В тех же случаях, когда судебная перспектива расследования была неясна, должностные лица, проводящие проверку по сообщению о преступлении, отказывали в возбуждении уголовных дел во избежание их дальнейшего прекращения по реабилитирующим основаниям, так как такое прекращение воспринималось как косвенный признак неудовлетворительной работы органов дознания и предварительного расследования.

Указанные недостатки заметно ограничили возможность правоохранительных органов эффективно исполнять свою функцию и затруднили доступ граждан к правосудию. Стоит отметить, что в современной правоприменительной практике эти проблемы сохранились.

Концепция судебной реформы в РСФСР. Авторы концепции судебной реформы в РСФСР от 24 октября 1991 года рассматривали вариант отказа от стадии возбуждения уголовного дела. Авторы концепции, ссылаясь на опыт Устава уголовного судопроизводства 1864 года, утверждали, что «Поскольку цели предварительного расследования заключаются не только в установлении обстоятельств совершенного преступления, но и в определении некриминального характера события или отсутствия последнего, будет обоснованным рассматривать всякое сообщение о преступлении, если на момент рассмотрения неочевидна его ложность, как бесспорный повод к возбуждению уголовного дела» [13]. Выделение же следственной проверки в отдельную стадию уголовного процесса считалось нецелесообразным по причине возникновения рисков затруднения доступа граждан к правосудию и излишних затрат ресурсов при принятии решения по существу обращения. Кроме того отмечалась тенденция к трансформации стадии возбуждения уголовного дела из способа предварительной проверки поводов для возбуждения уголовного дела в суррогат предварительного расследования, проводимого без соблюдения процессуальных гарантий прав лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства [13; 14].

В то же время, сторонники сохранения стадии возбуждения уголовного дела указывали на её необходимость при отграничении преступлений от смежных административных правонарушений, а также при установлении причин смерти людей при невыясненных об-

стоятельствах в целях отграничения криминальных деяний от событий, не имеющих признаков состава преступления. Кроме того авторы указывали, что именно в ходе следственной проверки определяется подследственность. Также исследователи отмечали значимость стадии возбуждения уголовного дела для защиты граждан от необоснованного применения к ним мер процессуального принуждения [15; 16].

Аргументация сторонников сохранения стадии возбуждения уголовного дела законодателю показалась более убедительной, в результате чего концепция выделения возбуждения уголовного дела в отдельную стадию была положена в основу действующего уголовно-процессуального законодательства, найдя свое отражение в ст. 144–145 УПК.

Стадия возбуждения уголовного дела в УПК РФ 2001 года – обзор изменений законодательства. Сохранив следственную проверку в качестве самостоятельного этапа уголовного судопроизводства, законодатель, по нашему мнению, упустил из виду необходимость её должной правовой регламентации. В целях решения возникавших проблемных вопросов в уголовно-процессуальное законодательство неоднократно вносились изменения, однако принятые меры не только не устранили разногласия в научной среде и обществе практических работников, но и вызвали новые оживленные споры.

Изначально сроки следственной проверки ограничивались тремя сутками. Это было обусловлено выполнением исторически сформировавшейся задачи проверки повода и выявления оснований для возбуждения уголовного дела, то есть не установления состава преступления на уровне достоверности, а всего лишь обнаружение его признаков. Однако впоследствии стало допустимым продление срока проведения проверки до тридцати суток (ч. 3 ст. 144 УПК), что фактически уравнило возможный срок проведения проверки с нормативным сроком дознания.

Часть 4 ст. 146 УПК 2001 года изначальной редакции устанавливала, что к постановлению о возбуждении уголовного дела должны приобщаться материалы проверки сообщений о преступлениях, а в случае производства отдельных следственных действий по закреплению следов преступления и установления лица, его совершившего (осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение судебной экспертизы), – соответствующие протокол и постановление. Таким образом, законодатель фактически узаконивал возможность совершения следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела, несмотря на то, что по общему правилу они были запрещены.

Дальнейшая доработка УПК в виде ФЗ № 29 от 21 июня 2003 года восстановила положения УПК 1960 года в части, касающейся возможности требовать в рамках следственной проверки производства документальных проверок, ревизий, привлекать к их участию специалистов (ч. 1 ст. 144). Однако из числа допустимых проверочных действий удалили назначение экспертизы.

Еще через семь лет федеральными законами от 9 марта 2010 года № 19-ФЗ и от 28 декабря 2010 года № 104-ФЗ должностным лицам, проводящим следственную проверку, в дополнение к уже существующим средствам познания было предоставлено право требовать

исследования документов, предметов, трупов, а также давать органу дознания обязательное для исполнения поручение о производстве оперативно-розыскных мероприятий.

Наконец, в 2013 году законодатель федеральным законом от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ значительно расширил перечень дозволенных действий, направленных на проверку сообщения о преступлении. В соответствии с законодательной новеллой, в дополнение к имеющемуся перечню допустимых средств проверки должностные лица получили право получать объяснения и образцы для сравнительного исследования, истребовать и изымать в порядке, установленном УПК, предметы и документы, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок. Кроме того, в настоящее время существует возможность производства осмотра не только места происшествия, но также и документов, предметов, трупов.

Отдельно стоит отметить, что новый закон придал доказательственное значение результатам применения непроцессуальных приемов познания. Это обстоятельство вызвало критику научного сообщества. Авторы сходятся во мнении, что производство проверочных мероприятий, закрепленных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, сопряжено с рядом сложностей и правовых коллизий, обусловленных неясным процессуальным статусом участников доследственной проверки и возможностью использования непроцессуальных методов получения доказательств. Это, с одной стороны, может стать причиной нарушения прав участников доследственной проверки и препятствием для участия в ней защитника [5; 17; 18], а с другой – ставит под сомнение институт допустимости доказательств [19; 20].

Актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела. В настоящее время существуют следующие проблемы, присущие стадии возбуждения уголовного дела.

1. Неопределенность процессуального статуса таких участников доследственной проверки, как потерпевшие, очевидцы и заподозренные в совершении преступления лица, приводит к тому, что следователь может отказать указанным лицам в праве на участие в мероприятиях, непосредственно затрагивающих их интересы (например, в ознакомлении с постановлением о назначении экспертизы, заявлении ходатайств и отводов).

2. Неопределенность понятия «достаточности» оснований для возбуждения уголовного дела в сочетании с продолжительными сроками доследственной проверки, широким арсеналом проверочных действий, допустимых до возбуждения уголовного дела, а также существованием такого акта, как постановление о возбуждении уголовного дела (с моментом составления которого связано формирование показателей эффективности деятельности органов дознания и предварительного расследования) приводит к смещению центра доказывания в стадию возбуждения уголовного дела и превращению ее в суррогат предварительного расследования.

3. Отдельную проблему представляет устоявшаяся концепция «прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям есть брак в работе правоохранительных органов». В этой связи правоохранительные органы стремятся отказать в принятии заявления или

возбуждении уголовного дела в том случае, где, по мнению правоприменителя, отсутствует судебная перспектива. В тех случаях, когда уголовное дело возбуждено, создаются предпосылки для игнорирования следователем фактов, указывающих на отсутствие вины подозреваемого или обвиняемого.

4. Возможность доказывания вины материалами, полученными непроцессуальными способами, размывает институт допустимости доказательств, а также создает предпосылки для нарушения прав лиц, заподозренных в совершении преступления. Настоящая проблема приобретает особую остроту ввиду того, что доказательства, перечисленные в обвинительном постановлении, принимаются судом без проверки.

5. Отсутствие наказания за вынесение должностным лицом незаконного и необоснованного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела приводит к многократным отказам в возбуждении уголовного дела с последующим возвратом материалов на дополнительную проверку (практические работники характеризуют сложившуюся практику термином «пинг-понг материалами»). Таким образом, органы дознания и предварительного расследования искусственно продлевают сроки предварительного расследования

Несмотря на все попытки законодателя оптимизировать процедуру доследственной проверки, тема совершенствования начальной стадии уголовного судопроизводства остается актуальной.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Расширяя перечень проверочных действий, допустимых до возбуждения уголовного дела, законодатель четко обозначил курс на сближение доследственной проверки с предварительным расследованием. Этот факт обуславливает наличие крайних позиций по поводу оптимизации начального этапа уголовного судопроизводства – от дальнейшего расширения полномочий органов дознания и предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела до полного его упразднения.

Нам же представляется целесообразным сохранение стадии возбуждения уголовного дела с условием существенной переработки норм права, ее регламентирующих.

В рамках предлагаемой концепции срок доследственной проверки ограничен тремя сутками с момента регистрации заявления без права продления. Если в ходе проверки не установлены данные, позволяющие принять законное и обоснованное решение об отказе в возбуждении уголовного дела, уголовное дело необходимо возбудить. Настоящее предложение направлено на облегчение доступа граждан к правосудию, а также ускорение перехода от доследственной проверки к предварительному расследованию, что, по нашему мнению, позитивно повлияет на вероятность раскрытия преступлений.

До возбуждения уголовного дела запрещено проведение следственных действий, за исключением осмотра места происшествия. Доследственная проверка проводится способами, исключающими ограничение прав граждан, при этом материалы проверки (за исключением протокола осмотра места происшествия и прилагаемых к нему материалов и изъятых объектов) не могут использоваться в качестве доказательств по уголовному

делу. Внедрение настоящего предложения приведет к повышению уровня защиты прав граждан, заподозренных в совершении преступления через исключение возможности собирания доказательств способами, имеющими пониженный уровень процессуальных гарантий, а также исключит применение мер принуждения к участникам доследственной проверки до составления специального акта – постановления о возбуждении уголовного дела, как это изначально и задумывалось законодателем.

Отмена постановления об отказе в возбуждении уголовного дела должна повлечь за собой автоматическое его возбуждение. Данная мера направлена на блокировку возможности искусственного продления срока предварительного расследования методом «пинг-понга материалами».

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В целях ускорения принятия законного и обоснованного решения по существу заявления, снижения вероятности нарушения прав граждан, вовлеченных в доследственную проверку, исключения возможности трансформации стадии возбуждения уголовного дела в суррогат предварительного расследования предлагается:

– сохранить стадию возбуждения уголовного дела, сократив арсенал разрешенных на данной стадии средств познания (за исключением осмотра места происшествия), а также срок проверки – до трех дней без возможности продления;

– изложить п. 2 ст. 140 УПК РФ следующим образом: «Основанием для возбуждения уголовного дела является отсутствие данных, позволяющих принять законное и обоснованное решение об отказе в возбуждении уголовного дела», с последующим приведением законодательства в соответствии с данной нормой. Отмена прокурором постановления об отказе в возбуждении уголовного дела должна повлечь за собой автоматическое его возбуждение.

ВЫВОДЫ

1. Изначальное предназначение стадии возбуждения уголовного дела есть проверка повода к возбуждению уголовного дела.

2. Неопределенность норм права, регулирующих начальный этап уголовного судопроизводства, а также расширение арсенала средств познания, доступных органам дознания и предварительного расследования в ходе доследственной проверки, привели к трансформации стадии возбуждения уголовного дела в суррогат предварительного расследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каретников А.С., Коретников С.А. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела? // *Законность*. 2015. № 1. С. 41–46.
2. Лизунов А.С. Один из способов упразднения стадии возбуждения уголовного дела // *Современное право*. 2012. № 7. С. 124–127.
3. Лизунов А.С. Доследственная проверка как часть предварительного расследования // *Современное право*. 2013. № 7. С. 138–141.
4. Сергеев А.Б., Хохрякова Э.А. Стадия возбуждения уголовного дела – «атавизм» уголовного процесса? //

- Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 17. С. 163–170.
5. Егорова Е.В. О некоторых коллизиях правовой регламентации стадии возбуждения уголовного дела // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. № 2. С. 55–64.
  6. Пронин Н.В. Доследственная проверка при возбуждении уголовного дела: за и против // *Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвузовский сборник научных статей*. Самара: СамГУ, 2007. С. 319–327.
  7. Лавров В.П., Победкин А.В. Проверка сообщения о преступлении: условия конституционности // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018. № 2. С. 194–198.
  8. Середнёв В.А. Стадия возбуждения уголовного дела: рудимент или необходимость? // *Российское право: образование, практика, наука*. 2016. № 4. С. 17–23.
  9. Сиверская Л.А., Смирнова Н.А. К вопросу о стадии возбуждения уголовного дела // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*. 2015. Т. 21. № 1. С. 179–183.
  10. Волеводз А.Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // *Уголовный процесс*. 2014. № 1. С. 80–83.
  11. Директива-инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения». 8 мая 1933 г. // *РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 981. Л. 229–238*.
  12. Вышинский А.Я. О мероприятиях по улучшению качества судебно-прокурорской работы: доклад заместителя прокурора Союза А.Я. Вышинского // *За социалистическую законность*. 1934. № 5. С. 16–32.
  13. О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // *Ведомости СНД и ВС РСФСР*. 1991. № 44. Ст. 1435.
  14. Деришев Ю.В., Наумов К.А. Предусматривает ли УПК отмену руководителем следственного органа постановления о возбуждении уголовного дела? // *Законность*. 2016. № 7. С. 53–57.
  15. Федоров А.В. Нужна ли российскому уголовному процессу стадия возбуждения уголовного дела? // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2017. № 1. С. 13–24.
  16. Медведева В.Е., Ястребова Т.И. Доследственная проверка в рамках стадии возбуждения уголовного дела // *Отечественная юриспруденция*. 2017. № 11. С. 42–44.
  17. Наумов К.А. О праве на защиту лица, в отношении которого проводится доследственная проверка // *Вестник Омской юридической академии*. 2016. № 4. С. 101–106.
  18. Шамонова Т.Н. О вопросах так называемой доследственной проверки // *Вестник Удмуртского университета*. Серия: Экономика и право. 2013. № 3. С. 214–217.
  19. Дудко Н.А., Гребенщикова Л.В. К вопросу о доследственной проверке // *Аллея Науки*. 2018. Т. 1. № 1. С. 530–533.
  20. Лазарева В.А. Сокращенное дознание и вопросы доказательного права // *Вестник Самарского юридического института*. 2015. № 1. С. 37–43.

REFERENCES

1. Karetnikov A.S., Koretnikov S.A. Is the stage of initiation of criminal proceedings really necessary? *Zakonnost*, 2015, no. 1, pp. 41–46.
2. Lizunov A.S. One way of eliminating the stage of criminal proceedings. *Sovremennoe pravo*, 2012, no. 7, pp. 124–127.
3. Lizunov A.S. Pre-Investigation Checks as Part of Preliminary Investigation. *Sovremennoe pravo*, 2013, no. 7, pp. 138–141.
4. Sergeev A.B., Khokhryakova E.A. Stage institute criminal proceedings – “atavism” criminal process? *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2015, no. 17, pp. 163–170.
5. Egorova E.V. Collisions of Legal Regulation at the Stage of Initiating Legal Proceedings. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2016, no. 2, pp. 55–64.
6. Pronin N.V. Pre-investigation check when initiating a criminal case: pros and cons. *Aktualnye problemy sovremennogo ugolovnogo protsessa Rossii: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey*. Samara, SamGU Publ., 2007, pp. 319–327.
7. Lavrov V.P., Pobedkin A.V. Verification of the crime report: constitutional conditions. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2018, no. 2, pp. 194–198.
8. Serednev V.A. The stage of initiating a criminal case: a rudiment or necessity? *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2016, no. 4, pp. 17–23.
9. Siverskaya L.A., Smirnova N.A. On the issue of stages of instituting criminal proceedings. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, 2015, vol. 21, no. 1, pp. 179–183.
10. Volevodz A.G. Abolition stage of criminal case: the issue price. *Ugolovnyy protsess*, 2014, no. 1, pp. 80–83.
11. Directive-instruction of the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks and the Council of People’s Commissars of the USSR “Concerning the extinction of mass evictions of peasants, regulation of effectuation of arrests, and the jails delivery” dated the 8th of May 1933. *RGASPI*, F. 17, Op. 163, D. 981, L. 229–238.
12. Vyshinskiy A.Ya. Concerning the measures for the improvement of quality of the judicial-procuratorial work: report of the Deputy Prosecutor of the Union A.Ya. Vyshinskiy. *Za sotsialisticheskuyu zakonnost*, 1934, no. 5, pp. 16–32.
13. Concerning the Concept of Judicial Reform in the RSFSR: the Decree of the Supreme Soviet of the RSFSR of 24.10.1991 No. 1801-1. *Vedomosti SND i VS RSFSR*, 1991, no. 44, st. 1435.
14. Derishev Yu.V., Naumov K.A. Does the code of criminal procedure provide for suspension by head of an investigative body of a resolution to instigate a criminal case? *Zakonnost*, 2016, no. 7, pp. 53–57.
15. Fedorov A.V. Does Russian criminal procedure legislation need stage of criminal case imitation? *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya*, 2017, no. 1, pp. 13–24.
16. Medvedeva V.E., Yastrebova T.I. Pre-investigation check during the stage of initiating a criminal case. *Otechestvennaya yurisprudentsiya*, 2017, no. 11, pp. 42–44.
17. Naumov K.A. On the Right to the Protection of Persons in Respect of Whom a Preliminary Investigation Is Conducted. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*, 2016, no. 4, pp. 101–106.
18. Shamonova T.N. About the issues of so-called pre-investigation checks. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo*, 2013, no. 3, pp. 214–217.
19. Dudko N.A., Grebenshchikova L.V. On the pre-investigation check. *Alleya nauki*, 2018, vol. 1, no. 1, pp. 530–533.
20. Lazareva V.A. The abbreviated inquiries and the questions of evidentiary law. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 2015, no. 1, pp. 37–43.

**THE IMPROVEMENT OF LEGISLATIVE REGULATION
OF THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE**

© 2019

S.M. Pikalov, graduate student

Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)

Keywords: criminal procedure; initiation of a criminal case; pre-investigation check; investigative activities.

Abstract: Currently, there is the necessity of solving the problems caused by the stage of initiation of a criminal case and related to the impairment of the rights of citizens both of victims and suspected of commission of a crime. Introducing numerous and inconsistent changes to laws and regulations relating to the stage of initiation of a criminal case, the legislator created the prerequisites for scientific disputes about the goal of the pre-investigation check and its role in current criminal procedure.

The paper reflects the historic periods of the formation of stages of initiating a criminal case starting from the Statute of Criminal Procedure of 1864 to the Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1960 and analyzes the ideas of the authors of the concept of judicial reform in the RSFSR of the 24th of October 1991. The paper shows the transformation of the initial stage of criminal procedure from the police inquiry as a part of the preliminary investigation into the independent stage of criminal procedure. The author considered the current state of the pre-investigation check institution, identified topical issues of legal precedents and the prerequisites of their rise. The author analyzed as well the opinions of the researchers concerning the problems of using data obtained by non-procedural methods as the facts of evidence and determined the positions of the researchers about the possible directions of development of the stages of initiating a criminal case.

Based on the results of the study, the author concludes on the initial purpose of the institute of initiating a criminal case, identifies the topical issues peculiar for this stage of criminal procedure, and formulates the suggestions on the improvement of the stage of initiating a criminal case by changing the terms of preliminary check, correction of the quantity of means of perception and reinterpretation of the concept of grounds for initiation of a criminal case available on the considered stage.

СТАНОВЛЕНИЕ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В АНГЛИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

© 2019

С.В. Юношев, кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс»

М.Ю. Жирова, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»

Т.В. Мычак, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; англосаксонская система права; история Великобритании; суд присяжных; коронный судья; жюри; присяжный заседатель; вердикт.

Аннотация: Статья посвящена вопросам зарождения и длительного исторического развития суда присяжных в английской системе права. Показывается, что в современном суде присяжных присутствуют отдельные черты античных судебных учреждений, например, галиэи. Обосновывается тезис, что развиваться суды присяжных в Англии начали в период ее завоевания викингами, но сами основы суда присяжных имеют национальные корни и были заложены в более раннем периоде (IX век). Констатируется, что большую роль для дальнейшего развития суда присяжных сыграла принятая в 1215 году Великая Хартия вольностей, декларировавшая право на суд равных. Признается, что суд присяжных в современных его формах начал формироваться в XV веке, когда окончательно изменилась функция присяжных – от свидетельствования о деле к разрешению дела по существу. Ко второй половине XVII века была окончательно признана независимость присяжных при вынесении ими вердикта: было принято историческое решение, что присяжные не могут подвергаться наказанию за вынесенный ими вердикт, даже если он не соответствует представлениям судьи или имеющимся в деле доказательствам. Показывается, что также в XVII веке произошло окончательное размежевание функций двух самостоятельных коллегий в суде присяжных: присяжные заседатели стали решать исключительно вопросы факта, а коронный судья – вопросы права. В статье проанализированы организационные основы функционирования современного суда присяжных в Великобритании: требования и ограничения для кандидатов в присяжные заседатели, формирование списков присяжных, право заявления отводов присяжным, а также дается краткий обзор процессуальных форм деятельности английского суда присяжных в настоящее время.

ВВЕДЕНИЕ

Современному суду присяжных уделяется неизменно большое внимание в отечественной юридической литературе, всестороннему анализу подвергаются его достоинства и недостатки [1–3]. Значительный всплеск интереса к суду присяжных в российском уголовном судопроизводстве в последнее время вызван масштабной реформой, распространившей его деятельность на районные суды [4–6]. В свете неутрачиваемых дискуссий о месте суда присяжных в различных правовых системах современности, его роли и значении как гаранта реализации прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве, представляется крайне небезынтересным обращение к истокам этой особой формы судопроизводства, ее многовековой трансформации и современному состоянию в рамках английской правовой системы, являющейся общепризнанной колыбелью суда присяжных. Между тем, и здесь в литературе отсутствует единство во мнениях: ряд авторов находят истоки современного суда присяжных в деятельности античных судебных установлений [7; 8], другие рассматривают этот суд как первоначально чуждый элемент, привнесенный на землю Англии завоевателями – викингами [9], третьи признают суд присяжных исключительно детищем своеобразного английского национального уклада [10].

Цель исследования – выявление истоков суда присяжных в английской системе права, а также исторических, социальных и правовых условий и факторов, способствующих зарождению и последующему его развитию; обзор организационных и процессуальных основ функционирования современного суда присяжных в Англии и Уэльсе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Некоторые исследователи считают, что основы суда присяжных начали закладываться еще в античный период. Так, многие авторы полагают, что такое древнегреческое судебное установление, как галиэя, представляет собой некий прообраз будущего суда присяжных [7; 8], хотя конечно и весьма далекий от привычных нам форм. Тем не менее можно констатировать, что, например, такие черты суда присяжных, как коллегиальность и гласность, прямо корреспондируются с характером деятельности названного учреждения.

В дальнейшем суд присяжных имеет длительный период развития, он претерпел значительные изменения, но его судьба самым непосредственным образом оказалась связана с англо-саксонской исторической системой судопроизводства.

Государство Англия обладает богатой и длинной историей. Специфические порядки, особое построение правовой системы, сложное судебное устройство и многое другое делает эту страну уникальной, в том числе и в плане теоретического исследования. Не подлежит сомнению, что именно Англия является прародительницей современного суда присяжных.

По мнению английского историка Дж. М. Тревельяна, модель суда с участием присяжных заседателей зародилась в англосаксонский период существования Англии, во времена оккупации страны викингами [9].

Между тем, на наш взгляд, суд с участием народного элемента в Англии начал формироваться под воздействием английского уклада жизни еще в IX веке – во время правления Альфреда Великого [10]. В нормандском правовом акте «Правда Альфреда», который относят

к судебникам – исторической разновидности правовых актов, говорится: «если кто-нибудь на народном заседании заявит королевскому графу о преступлении, а затем пожелает отречься, заплатит штраф...» [11, с. 179]. Это дает весомые основания полагать, что уже в тот период существовали формы судопроизводства с участием представителей народа.

В годы своего правления король Англии Этельред Неразумный (978–1016) издал свод законов, в котором упоминались двенадцать знатных людей, которые должны были без предвзятости заниматься расследованием преступлений. Такие «присяжные» имели существенное отличие от присяжных в современном смысле: расследовать преступления, собирать необходимую для дела информацию им приходилось самостоятельно, а не получать её через суд или какие-либо иные органы [12].

В целом, последовательное развитие суда присяжных началось лишь в XII веке, в период правления короля Генриха II. Королём были введены разъездные суды – суды ассизов, а в Кларендонской ассизе, принятой в 1166 году, устанавливались нормы об «обвинительных присяжных» [13]. Таковыми признавались двенадцать свободных мужчин, которые первоначально приводились к присяге, после чего излагали суду все известное им как о деянии, так и обвиняемом в его совершении лице. Важно подчеркнуть, что такие присяжные должны были самостоятельно собирать доказательства, необходимые для разбирательства. Однако разрешение вопроса о виновности или невиновности лица всецело принадлежало только королевским судьям.

В июне 1215 года король Иоанн Безземельный под давлением баронов вынужден был подписать Великую хартию вольностей (*Magna Charta Libertatum*). Помимо прочего, статья 39 Хартии устанавливала: «Ни один свободный человек не будет задержан или приговорён к заключению..., за исключением случаев, когда такое решение было законно вынесено его земляками или согласно праву его земли» [14, с. 291–302]. В это же время полномочия «присяжных» были существенно расширены, и именно «присяжным» предназначалось решить главный вопрос процесса – виновно или же не виновно обвиняемое лицо.

Постепенное появление и развитие в начале XV века новых правовых институтов, например, института свидетельских показаний, существенным образом изменили существующий порядок функционирования суда присяжных, в частности, последние теперь не могли рассуждать о доказательствах по рассматриваемому делу до вынесения вердикта [15]. Данный период некоторые исследователи предлагают считать моментом формирования суда присяжных в прямом смысле этого слова [15].

Долгое время в английском суде присяжных сосуществовали две разные коллегии – так называемые «малое жюри» и «большое жюри». В суде дело по существу рассматривало «малое жюри» – двенадцать свободных мужчин данного округа, владеющих земельной собственностью. Их отбирал для этих целей шериф графства. «Малое жюри» рассматривало дело совместно с королевским судьей. Помимо этого, в судопроизводстве участвовало также и «большое жюри» – двадцать четыре человека, их выбирали на основе тех же требований, что предъявлялись и для «малого жюри». Поставленная

перед ними задача была несколько специфична и заключалась в следующем: решить вопрос о предании подозреваемых суду королевских судей с участием присяжных или мирового судьи. Однако с течением времени данная функция перешла от «большого жюри» непосредственно к мировым судьям. Окончательно «большое жюри» в Великобритании было упразднено лишь в 1948 году [16].

Немаловажным будет отметить: предполагалось, что «малое жюри» будет выносить свой вердикт самостоятельно и независимо от кого бы то ни было, однако, в действительности на присяжных оказывалось давление со стороны судей и, кроме того, существовала практика применения к присяжным различного рода наказаний за вынесение «неудобного» вердикта.

Важнейшим в решении данной проблемы стало разбирательство по делу Эдварда Бушелля (*Bushell*) 1670 года, суть которого заключалась в попытке судьи вынести наказание присяжным, оправдавшим квакеров Уильяма Пенна и Уильяма Мида. После продолжительного разбирательства в суде общей юрисдикции было вынесено решение, согласно которому присяжные не могли быть подвергнуты какому-либо наказанию за вынесенный ими по совести вердикт, даже если он не отвечал требованиям профессионального судьи или же не соответствовал представленным суду доказательствам [17].

В XVII веке были приняты решения, полностью преобразившие дальнейшие формы функционирования суда присяжных в Англии. Было признано, что присяжные решают исключительно вопросы факта; вопросы же права стали компетенцией коронных судей. Как писал выдающийся юрист того времени сэр Эдвард Кок, «самый обычный метод разрешения вопросов факта – двенадцатью такими мужчинами (присяжными); ибо судьи не отвечают на вопрос факта; а вопросы права должны обсуждать и решать судьи; ибо присяжные не отвечают на вопрос права» [18, с. 155b].

Период XVII – XVIII веков для английских судов присяжных можно было бы назвать периодом расцвета, расширения их компетенции. Но после завоевания и укрепления буржуазных свобод отношение к присяжным несколько изменилось.

Так, с XIX века, в деятельности английских законодателей отчётливо прослеживается идея сужения компетенции и уменьшения значимости роли суда присяжных, о чём, например, говорят положения закона 1879 года, который предоставлял право обвиняемым обращаться к суду с просьбой рассмотрения их дела в суммарном (упрощенном) порядке в судах магистратов [19]. Действительно, рассматривали дела в таких судах все чаще, и эти суды становились предпочтительнее, поскольку магистраты были несколько ограничены в назначаемой мере наказания. В итоге Законом 1925 года «Об отправлении правосудия» [20] был расширен круг дел, по которым можно было обращаться в суд магистратов.

На сегодняшний день в Англии вопросы, касающиеся деятельности суда с участием присяжных, регулируются главным образом Законом «О присяжных» 1974 года с последующими поправками, изменениями и дополнениями [21].

Формирование первоначального списка присяжных возлагается на специального судебного чиновника, который назначается лордом-канцлером. Этот чиновник

составляет список, в который включаются лица, подпадающие под соответствующие требования закона. Так, это должны быть лица, состоящие в избирательном реестре, постоянно проживающие на территории Англии и Уэльса по крайней мере в течение 5 лет после того, как им исполнилось 13 лет, не моложе 18 лет и не старше 75 лет, они не должны страдать психическими расстройствами и быть отстранёнными от привлечения к исполнению обязанностей присяжных.

В законе также перечисляются лица, которые не могут исполнять задач присяжных. Так, не могут быть присяжными в течение 10-летнего срока лица, в отношении которых вступил в силу приговор о лишении их свободы на срок менее 5 лет, применено заключение под стражу, а также лица, являющиеся условно осуждёнными, или которые приговорены к выполнению общественных работ. Пожизненно дисквалифицируемыми являются лица, приговорённые к пожизненному лишению свободы, лишению свободы свыше 5 лет, приговорённые к тюремному заключению для обеспечения общественной безопасности. Кроме того, лица, которые не способны эффективно выполнять поставленную перед ними функцию в роли присяжного заседателя, а именно: плохо владеют английским языком или же имеют физические проблемы, могут быть освобождены судьей [22].

Есть определённые категории лиц, которые, хотя и обязаны выполнять функции присяжного, но могут быть от этой обязанности освобождены: лица, которые проходят лечение в больнице или ином аналогичном учреждении, а также освобождённые по другим медицинским причинам; лица, имеющие срочную работу или обязательства, которые, будучи не реализованы вовремя, могут стать причиной убытков или иных негативных последствий для их работы; лица, которые уже были на службе присяжных в течение последних двух лет, с предоставлением соответствующих доказательств; лица, являющиеся штатными членами королевских военно-морских, военных, военно-воздушных сил при условии, если их командир подтвердит, что отсутствие таких военных может нанести ущерб эффективности службы; лица, заказавшие или уже оплатившие какое-либо мероприятие или праздник, и некоторые другие категории лиц.

Законом «Об уголовном правосудии» 1988 года [23] было исключено право немотивированных отводов кандидатов в присяжные. Вышеупомянутый закон 1974 года, в свою очередь, не ограничивает количество мотивированных, законных отводов для обеих сторон процесса.

После составления окончательного списка служащих суда вносит имена присяжных в специальные карточки, и затем путём случайной выборки имён происходит отбор присяжных для их участия в рассмотрении конкретного дела. После того, как жюри будет сформировано, каждый его член должен принять присягу. Кроме того, сформированное жюри путём голосования выбирает из своего состава старшину присяжных.

Непосредственно в судебном процессе разбирательства начинается с предоставления права стороне обвинения изложить суть обвинения и представить в общих чертах имеющиеся доказательства, после чего к даче показаний приглашаются свидетели данной стороны. В случае, если суд на основании соответствующего за-

явления защиты придёт к выводу, что обвинение не доказано, он может воспользоваться правом, которое в доктрине английского судопроизводства получило название «обвинение не стоит ответа» (“there is no case to answer”). По сути это означает, что суд находит представленные стороной обвинения доказательства недостаточными для вынесения обвинительного приговора в любом случае, то есть даже при отсутствии на них каких-либо возражений со стороны защиты. В таком случае судья указывает присяжным заседателям на необходимость вынесения оправдательного вердикта [24]. За этим исключением, во всех остальных случаях право доведения до суда своей позиции, допроса свидетелей, представления иных доказательств переходит к стороне защиты [25].

Необходимо отдельно указать на установленный для присяжных запрет получать сведения о личности обвиняемого, а равно любую иную порочащую его информацию (если, конечно, она не имеет прямого отношения к делу), в том числе о прежних судимостях.

Далее сторонам предоставляется право произнести заключительные речи. После чего судья обращается к присяжным с так называемым напутственным словом, в котором он может обратить их внимание на обнаруженную в процессе разбирательства дела недопустимость какого-либо доказательства. По окончании напутственного слова и под его непосредственным влиянием присяжные уединяются в совещательной комнате для вынесения вердикта.

Присяжные обсуждают дело строго составом жюри в совещательной комнате в тайне. В это время они не могут ни общаться, ни разговаривать ни с кем посторонним. В соответствии с положениями Закона 1981 года «О рассмотрении дел в суде» [26] установлено, что тот, кто попытается проникнуть в тайну совещательной комнаты, рискует подвергнуться уголовному наказанию. Жюри присяжных вправе вынести вердикт о невиновности или виновности лица, а также при наличии возможности вердикт об изменении сути обвинения (например, они могут вынести вердикт «не виновен» в умышленном убийстве, но вердикт «виновен» в совершении непредумышленного убийства). Следует отметить, что Законом «Об уголовном правосудии» 1967 года [27] было отменено требование единогласного вынесения вердиктов присяжными.

Важным является то обстоятельство, что суд имеет право не принять вердикт присяжных в случае, если старшина присяжных заседателей в судебном заседании не доведет до сведения судьи количество присяжных, проголосовавших за и против вынесенного коллегией вердикта. Ещё одним основанием для отказа принятия вердикта председательствующим может выступать признание им времени совещания присяжных недостаточным, исходя из обстоятельств конкретного дела.

По возвращении из совещательной комнаты присяжные не обязаны объяснять причины принятого им решения или раскрывать какую-либо информацию о том, каким образом они пришли к данному выводу. Если вынесенный присяжными вердикт является обвинительным, то вопрос о мере наказания будет разрешаться уже исключительно судом. Вынесенный же присяжными оправдательный вердикт обжалованию не подлежит. В целом, следует признать, что споры о значении и роли

суда присяжных в Великобритании, равно как и в других странах, сохраняют свою остроту по сегодняшний день [1; 12].

Одни считают, что благодаря рассмотрению уголовных дел в суде обычными гражданами, случайно выбранными из многочисленного населения, дело такого же, как и они гражданина, будет рассмотрено объективно, что так важно в уголовном судопроизводстве, поскольку на кон ставится жизнь, достоинство, репутация человека. Кроме того, считается, что установление фактов – это вопрос здравого смысла и не обязательно обладать какими-то специализированными юридическими знаниями, навыками и быть специально подготовленным. Мнение, которое излагают 12 присяжных, гораздо объективнее, чем мнение одного судьи. Присяжные являются своеобразным «барометром законности», справедливости, выражают общественное мнение насчет правосудия.

Наряду с таким благосклонным отношением к суду присяжных существует и противоположный взгляд на него. Отмечается, например, что присяжные, не обладая положенной квалификацией, не зная существа, особенностей положений закона, зачастую не в состоянии должным образом понять суть дела и вынести справедливый вердикт. Высказывается также опасение, что в жюри может быть один или несколько сильных личностей, лидеров, которые смогут склонить к своей точке зрения остальных присяжных – это значит, что их мнение может быть предвзятым. По мнению противников суда присяжных, в большинстве случаев жюри выносит оправдательные вердикты либо в силу неспособности выполнять свои функции, либо на симпатии к обвиняемому, а порой и из-за того, и из-за другого.

Однако, несмотря ни на какие претензии, об упразднении суда присяжных речи не идёт. Само существование такого инструмента правосудия в большинстве своём даже не ставится под сомнение. Как отмечал лорд Деннинг: «Пусть никто не думает, что народ в какой-либо мере настроен против судебного разбирательства с помощью присяжных. На протяжении слишком долгого времени присяжные были оплотом наших свобод, чтобы кто-нибудь из нас пытался это изменить. Когда человека обвиняют в серьёзном преступлении или, когда в гражданском деле решается вопрос о его чести или неприкосновенности либо преднамеренной лжи одной из сторон, тогда суд присяжных не имеет себе равных» [15, с. 51]. В свою очередь, лорд Девлин в 1956 году говорил, что: «Суд присяжных представляет собой гораздо больше, чем просто инструмент правосудия и больше, чем просто штурвал конституции; это лампа, которая показывает, что свобода живёт» [15, с. 51]. Следует признать, что и на сегодняшний день суд присяжных в Великобритании единодушно признается одним из краеугольных камней процедуры общего права как в гражданских, так и в уголовных делах [28].

ВЫВОДЫ

За историей зарождения английского суда присяжных можно наблюдать на протяжении столетий – от античности и до нашего времени. К периоду средних веков в Англии уже формируются близкие к современному суду присяжных элементы. На этом этапе образуются суды с народным элементом, где функцией при-

сяжных первоначально является свидетельствование и лишь гораздо позднее – разрешение дела по существу, когда присяжные становятся полноправными судьями, самостоятельно выносящими вердикт. Суд с участием присяжных на протяжении всего своего существования в Англии менялся и преобразовался, но занимал и продолжает занимать главенствующее место в английской системе уголовного судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 465 с.
2. Скурту И.Г. Суд присяжных в современной России: «за» и «против» // Право и государство: культурологическое измерение: материалы III Международной научно-практической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2018. С. 166–168.
3. Касаева Т.Г. Суд присяжных как неотъемлемый атрибут современного правового государства // Российский судья. 2019. № 5. С. 34–37.
4. Колесникова Н.А. Реформирование суда присяжных как значимый этап развития демократического правового государства // Евразийский юридический журнал. 2019. № 4. С. 100–102.
5. Демичев А.А. Новая модель суда присяжных в России: проблемы и перспективы // Реформирование судебной системы в России: история и современность: сборник научных трудов, посвящённый 80-летию Нижегородского областного суда. В 2 ч. Часть II. Нижний Новгород: Автор, 2018. С. 82–88.
6. Шамуратов М.И., Малышева Ю.Ю. Реформа суда присяжных: положительные и отрицательные стороны // Инновационные подходы к правопониманию, правотворчеству и правореализации: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Саранск: ЮрЭксПрактик, 2019. С. 215–220.
7. Мухаметкулов Д.А., Абдуллин А.Р. Суд присяжных (гелиэя) в Афинах // Право и государство: история и современность, перспективы развития: сборник трудов по итогам работы научно-практического семинара. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2018. С. 138–140.
8. Кудрявцева Т.В. Народный суд в «Осах» и других комедиях Аристофана // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 8. № 34. С. 178–189.
9. Тревельян Дж. Социальная история Англии. Обзор шести столетий. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 356 с.
10. Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М.: Зерцало, 2002. 517 с.
11. Томсинов В.А. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древность и средние века. М.: Зерцало, 2004. 560 с.
12. Williams P.N. Narrative History of England. Gunadarma University, 2007. 168 p.
13. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. Государство древних франков, англо-саксонское государство, Англия, Германия,

- Испания, Италия, Франция, Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехия, Югославия / под ред. акад. В.М. Корецкого. М.: Госюриздат, 1961. 960 с.
14. Stubbs W. *Select Charters and Other Illustrations of English Constitutional History, from the Earliest Times to the Reign of Edward the First*, arranged and edited. Oxford: The Clarendon Press, 1921. 528 p.
  15. Апарова Т.В. Суды и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия. М.: Триада, 1996. 157 с.
  16. Criminal Justice Act 1948 // UK Public General Acts. 1948. Chapter 58.
  17. Abramson J. *We, the Jury. The Jury System and the Ideal of Democracy*. Harvard: Harvard University Press, 1994. 350 p.
  18. Coke E. *The First Part of the Institutes of the Laws of England, or, A Commentary upon Littleton*. 19th ed. Vol. 1. Philadelphia: Robert H. Small, minor street, 1832. 861 p.
  19. Spencer J.R. *Jackson's Machinery of Justice in England*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 560 p.
  20. Criminal Justice Act 1925 // UK Public General Acts. 1925. Chapter 86.
  21. Juries Act 1974 // UK Public General Acts. 1974. Chapter 23.
  22. Багрян Г.А. Современное состояние суда присяжных в Англии // Юридический факт. 2019. № 59. С. 15–20.
  23. Criminal Justice Act 1988 // UK Public General Acts. 1988. Chapter 33.
  24. Михайлов А.М. Сравнительное правоведение: судебная власть в правовой системе Англии. М.: Юрайт, 2019. 355 с.
  25. Лазарева В.А., Юношев С.В., Таран А.С. Адвокат в уголовном процессе. Самара: Самарский университет, 2008. 174 с.
  26. Senior Courts Act 1981 // UK Public General Acts. 1981. Chapter 54.
  27. Criminal Justice Act 1967 // UK Public General Acts. 1967. Chapter 80.
  28. Прохоров Л.А., Вакуленко Д.М. Суд присяжных в судебной системе Англии: прошлое и настоящее // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2014. № 3-4. С. 36–42.
- REFERENCES**
1. Lazareva V.A., Tarasova A.A., eds. *Ugolovno-protsessualnoe pravo. Aktualnye problemy teorii i praktiki* [Criminal procedure law. Actual problems of theory and practice]. 3rd ed., pererab. i dop. Moscow, Yurayt Publ., 2016. 465 p.
  2. Skurtu I.G. Trial by jury in modern Russia: pro and con. *Pravo i gosudarstvo: kulturologicheskoe izmerenie: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Sankt Petersburg, Sankt-Peterburgskiy gumanitarnyy universitet profsoyuzov Publ., 2018, pp. 166–168.
  3. Kasaeva T.G. Jury Trial as an Integral Attribute of a Modern Law-Governed State. *Rossiyskiy sudya*, 2019, no. 5, pp. 34–37.
  4. Kolesnikova N.A. Reforming the jury as a significant stage of the development of democratic legal state. *Evraziyskiy juridicheskiy zhurnal*, 2019, no. 4, pp. 100–102.
  5. Demichev A.A. New model of the trial by jury in Russia: problems and prospects. *Reformirovanie sudebnoy sistemy v Rossii: istoriya i sovremennost: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyy 80-letiyu Nizhegorodskogo oblastnogo suda*. Nizhniy Novgorod, Avtor Publ., 2018. Ch. II, pp. 82–88.
  6. Shamuratov M.I., Malysheva Yu.Yu. The reform of the trial by jury: positive and negative aspects. *Innovatsionnye podkhody k pravoponimaniyu, pravotvorchestvu i pravorealizatsii: materialy III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Saransk, YurEksPraktik Publ., 2019, pp. 215–220.
  7. Mukhametkulov D.A., Abdullin A.R. The jury (Gelieya) in Athens. *Pravo i gosudarstvo: istoriya i sovremennost, perspektivy razvitiya: sbornik trudov po itogam raboty nauchno-prakticheskogo seminara*. Sterlitamak, Sterlitamakiy filial BashGU Publ., 2018, pp. 138–140.
  8. Kudryavtseva T.V. People's Court in Wasps and other Aristophanes's Comedies. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2007, vol. 8, no. 34, pp. 178–189.
  9. Trevelyan Dzh. *Sotsialnaya istoriya Anglii. Obzor shesti stoletiy* [Social history of England. The review of six centuries]. Moscow, Izdatelstvo inostrannoy literatury Publ., 1959. 356 p.
  10. Gutsenko K.F., Golovko L.V., Filimonov B.A. *Ugolovnyy protsess zapadnykh gosudarstv* [Criminal procedure of western states]. Moscow, Zertsalo Publ., 2002. 517 p.
  11. Tomsinov V.A. *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran. Drevnost i srednie veka* [Chrestomathy on the History of State and Law of Foreign Countries. Ancient Times and Middle Ages]. Moscow, Zertsalo Publ., 2004. 560 p.
  12. Williams P.N. *Narrative History of England*. Gunadarma University, 2007. 168 p.
  13. Koretskiy V.M., ed. *Khrestomatiya pamyatnikov feodalnogo gosudarstva i prava stran Evropy. Gosudarstvo drevnikh frankov, anglo-saksonskoe gosudarstvo, Angliya, Germaniya, Ispaniya, Italiya, Frantsiya, Albaniya, Bolgariya, Vengriya, Polsha, Rumyniya, Chekhiya, Yugoslaviya* [Chrestomathy of monuments of feudal state and law of European countries. The State of Ancient Franks, Anglo-Saxon State, England, Germany, Spain, Italy, France, Albania, Bulgaria, Hungary, Poland, Romania, Czech Republic, Yugoslavia]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 960 p.
  14. Stubbs W. *Select Charters and Other Illustrations of English Constitutional History, from the Earliest Times to the Reign of Edward the First*, arranged and edited. Oxford, The Clarendon Press Publ., 1921. 528 p.
  15. Апарова Т.В. *Суды и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия* [Courts and legal proceedings in Great Britain. England, Wells, Scotland]. Moscow, Triada Publ., 1996. 157 p.
  16. Criminal Justice Act 1948. *UK Public General Acts*, 1948, chapter 58.
  17. Abramson J. *We, the Jury. The Jury System and the Ideal of Democracy*. Harvard, Harvard University Press Publ., 1994. 350 p.
  18. Coke E. *The First Part of the Institutes of the Laws of England, or, A Commentary upon Littleton*. 19th ed.

- Philadelphia, Robert H. Small, minor street Publ., 1832. Vol. 1, 861 p.
19. Spencer J.R. *Jackson's Machinery of Justice in England*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1989. 560 p.
20. Criminal Justice Act 1925. *UK Public General Acts*, 1925, chapter 86.
21. Juries Act 1974. *UK Public General Acts*, 1974, chapter 23.
22. Bagiryay G.A. Present position of jury trial in England. *Yuridicheskiy fakt*, 2019, no. 59, pp. 15–20.
23. Criminal Justice Act 1988. *UK Public General Acts*, 1988, chapter 33.
24. Mikhaylov A.M. *Sravnitelnoe pravovedenie: sudebnaya vlast v pravovoy sisteme Anglii* [Comparative Law: judicial power in the legal system of England]. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 355 p.
25. Lazareva V.A., Yunoshev S.V., Taran A.S. *Advokat v ugovnom protsesse* [An attorney in criminal procedure]. Samara, Samarskiy universitet Publ., 2008. 174 p.
26. Senior Courts Act 1981. *UK Public General Acts*, 1981, chapter 54.
27. Criminal Justice Act 1967. *UK Public General Acts*, 1967, chapter 80.
28. Prokhorov L.A., Vakulenko D.M. Trial by jury in the legal system of England: the past and the present. *Ekonomika. Pravo. Pechat. Vestnik KSEI*, 2014, no. 3-4, pp. 36–42.

THE GENESIS OF TRIAL BY JURY IN THE ENGLISH LEGAL SYSTEM

© 2019

S.V. Yunoshev, PhD (Law), Associate Professor,
Head of Chair “Criminal Law and Procedure”

M.Yu. Zhirova, PhD (Law),

assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”

T.V. Mychak, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: criminal procedure; system of common law; history of Great Britain; trial by jury; crown judge; jury; juror; verdict.

Abstract: The paper deals with the issues of origin and sustainable historical development of the trial by jury in the English system of laws. The study shows that particular features of ancient judicial institutions, for example, Heliaina, can be found in the contemporary trial by jury. The authors substantiate the thesis that the trial by jury began to develop in England in the period of its conquest by Vikings, but the fundamental principles of the trial by jury have national origins and were established in the earlier period. The paper states that the Great Charter enacted in 1215 and declared the right for courts of peers played a big role in the further development of the trial by jury. The authors admit that the trial by jury in its current forms began to form in the XV century when the function of jurors has completely changed – from evidence in a case to the solution of the case upon its merits. By the latter half of the XVII century, the independence of jurors when rendering a verdict was completely recognized: the landmark decision was made that the jurors cannot incur punishment for their verdict even if the verdict is inconsistent with the judge’s ideas or the evidence in the case. The study shows that in the XVII century, the functions of two self-dependent collegiate organs in the trial by jury were finally dissociated. The jurors began to resolve the questions of fact and the crown judge – the questions of law. The paper analyzes the organizational framework of the functioning of contemporary trial by jury in Great Britain: requirements and limitations for potential jurors, the formation of lists of jurors, the right of the juror rejection motion. Moreover, the paper presents a brief review of the procedural forms of activity of the English trial by jury at present.

НАШИ АВТОРЫ

Акбаров Мухаммед Гусейн, кандидат философских наук, судья.

Адрес: Бакинский суд по тяжким преступлениям, AZ 1000, Азербайджан, г. Баку, ул. Самеда Вургуня, 30.

Тел.: +994 557 01-79-97

E-mail: court.akberov@gmail.com

Горбунова (Коршунова) Ирина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного права Института истории и права.

Адрес: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 655017, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, 90.

Тел.: (3902) 24-30-18

E-mail: univer@khsu.ru

Гусейнов Насир Джаваншир оглу, кандидат юридических наук, доцент, докторант.

Адрес: Военная Академия Вооруженных сил Азербайджанской Республики, AZ1073, Азербайджан, г. Баку, Парламентский пр-т, 3.

E-mail: nasir.fd.dq@gmail.com

Жирова Марина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: +7 917 019-17-69

E-mail: zhirova@ab63.ru

Кабанов Павел Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: pavelKabanov.2019@mail.ru

Кабанова Людмила Николаевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: baklushina05@rambler.ru

Кондратюк Сергей Викторович, адвокат палаты адвокатов Самарской области, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс» Института права.

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: 8 927 774-09-11

E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

Лапшина Ольга Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-94-29

E-mail: zayaolga@mail.ru

Моисеев Александр Владимирович, старший преподаватель кафедры «Конституционное и административное право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-93-95

E-mail: ur63@yandex.ru

Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Криминалистика».

Адрес: Донбасская юридическая академия, 83000, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Лебединского, 9.

E-mail: moiseev.prof@gmail.com

Моисеева Валентина Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Конституционное и административное право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-93-95

E-mail: upik85@yandex.ru

Мурузиди Алексей Викторович, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: 8 964 967-64-72

E-mail: muruzidi72@mail.ru

Мычак Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: +7 909 364-74-69

E-mail: mychak_tatyana@mail.ru

Пикалов Сергей Михайлович, магистрант.

Адрес: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,

443086, Россия, г. Самара, ул. Московское шоссе, 34Г.

Тел.: 8 937 079-89-82

E-mail: psm070488@gmail.com

Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: +7 917 154-99-31

E-mail: svyunoshev@gmail.com

OUR AUTHORS

Akbarov Muhammed Guseyn, PhD (Philosophy), judge.
Address: Baku Grave Offense Court, AZ-1000, Azerbaijan, Baku, Samed Vurgun Street, 30.
Tel.: +994 557 01-79-97
E-mail: court.akberov@gmail.com

Gorbunova (Korshunova) Irina Viktorovna, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair of Public Law of the Institute of History and Law.
Address: N.F. Katanov Khakass State University, 655017, Russia, Abakan, Lenin Street, 90.
Tel.: (3902) 24-30-18
E-mail: univer@khsu.ru

Huseynov Nasir Javanshir oglu, PhD (Law), Associate Professor, doctoral candidate.
Address: Academy of the Armed Forces of the Republic of Azerbaijan, AZ1073, Azerbaijan, Baku, Parlamentsky Prospect, 3.
E-mail: nasir.fd.dq@gmail.com

Kabanov Pavel Aleksandrovich, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: pavelKabanov.2019@mail.ru

Kabanova Lyudmila Nikolaevna, PhD (Law), senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: baklushina05@rambler.ru

Kondratyuk Sergey Viktorovich, public attorney of the Chamber of Attorneys of Samara region, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Process”, the Institute of Law.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: 8 927 774-09-11
E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

Lapshina Olga Sergeevna, PhD (Law), assistant professor of Chair “Civil Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 53-94-29
E-mail: zayaolga@mail.ru

Moiseev Aleksandr Mikhailovich, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of Chair “Forensics”.
Address: Donbass Law Academy, 83000, Donetsk People’s Republic, Donetsk, Lebedinsky Street, 9.
E-mail: moiseev.prof@gmail.com

Moiseev Aleksandr Vladimirovich, senior lecturer of Chair “Constitutional and Administrative Law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 53-93-95
E-mail: ur63@yandex.ru

Moiseeva Valentina Yuryevna, PhD (Economics), assistant professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 53-93-95
E-mail: upik85@yandex.ru

Muruzidi Aleksey Viktorovich, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: 8 964 967-64-72
E-mail: muruzidi72@mail.ru

Mychak Tatyana Vladimirovna, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: +7 909 364-74-69
E-mail: mychak_tatyana@mail.ru

Pikalov Sergey Mikhailovich, graduate student.

Address: Academician S.P. Korolev Samara National Research University, 443086, Russia, Samara, Moskovskoe Shosse Street, 34G.

Tel.: 8 937 079-89-82

E-mail: psm070488@gmail.com

Yunoshev Stanislav Viktorovich, PhD (Law), Associate Professor, Head of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: +7 917 154-99-31

E-mail: svyunoshev@gmail.com

Zhirova Marina Yurievna, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: +7 917 019-17-69

E-mail: zhirova@ab63.ru